

**ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ЦЕНТР СИТУАЦИОННОГО АНАЛИЗА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФОНД ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИНИЦИАТИВ

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА РФ

РОССИЯ И МИР: 2016

ЭКОНОМИКА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Ежегодный прогноз

МОСКВА
ИМЭМО РАН
2015

УДК 338.27
ББК 65.5 (2Рос)
65.23
Рос74

Руководители проекта – А.А. Дынкин, В.Г. Барановский
Рецензенты – д.э.н. Т.В. Кузнецова, к.п.н. Э.Г. Соловьев

Авторский коллектив:

Часть I

А.А. Дынкин (руководитель проекта), Ю.Л. Адно, С.А. Афонцев, О.В. Богаевская, А.Г. Володин,
О.Н. Кудинова, А.В. Кузнецов, Е.Л. Леонтьева, Ю.П. Лукашин, С.А. Луконин, Г.И. Мачавариани,
Я.М. Миркин, Е.Н. Никитина, В.В. Попов, П.А. Сергеев, С.С. Широков
Ответственный редактор – Г.И. Мачавариани

Часть II

В.Г. Барановский (руководитель проекта), К.Р. Вода, Ф.Г. Войтоловский, А.В. Гушин, В.Ю. Журавлева,
И.Д. Звягельская, Е.А. Канаев, И.Я. Кобринская, А.В. Кузнецов, С.А. Луконин, Д.Б. Малышева, В.В. Михеев,
Н.В. Тоганова, Ю.Д. Квашнин, С.В. Уткин, А.Н. Федоровский, Б.Е. Фрумкин, В.Г. Швыдко
В подготовке раздела принимала участие Л.С. Вартазарова
Ответственный редактор – И.Я. Кобринская

В 2015 г. прогноз «Россия и мир: 2016» подготовлен
ИМЭМО РАН, ЦСА РАН и ФПИИ в сотрудничестве с ТПП РФ и при финансовой поддержке ВР

Рос 74

Россия и мир: 2016. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта – А.А. Дынкин,
В.Г. Барановский. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – 147 с.

ISBN 978-5-9535-0451-5

Доклад «Россия и мир: 2016» четырнадцатый в серии регулярных, ежегодных публикаций Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Центра ситуационного анализа РАН и Фонда Перспективных исследований и инициатив. Доклад состоит из двух частей, посвященных экономике (часть I) и внешней политике (часть II). В первой части доклада представлены прогнозные оценки экономических взаимоотношений России с внешним миром. Главное внимание сфокусировано на проблемах, имеющих ключевое значение для обеспечения стабильного экономического развития России на ближайшую (2016 г.) и более отдаленную перспективу. Приведен анализ и прогноз экономической ситуации в 2015–2016 гг. в мировой экономике, а также в экономиках России, Европы, США, Японии, Китая, Индии. Прогнозируется конъюнктура важнейших рынков российского экспорта. В подготовке доклада был использован многолетний опыт прогнозных исследований, проводимых Институтом мировой экономики и международных отношений РАН. Во второй части доклада представлен прогноз развития международных отношений в 2016 г. Анализируются основные внешние вызовы для России и возможности ответа на них.

Russia and the World: 2016. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy / Project leads – A.A. Dynkin, V.G. Baranovskii. – Moscow, IMEMO RAN, 2015. – 147 p.
ISBN 978-5-9535-0451-5

The report “Russia and the World: 2016. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy” continues the series of yearly publications of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Science, Center for Situation Analysis (CSA), Russian Academy of Science and Foundation for Prospective Studies and Initiatives. It consists of two parts: “Economy” and “Foreign Policy”. Part I focuses upon Russian foreign trade-economic relations and analysis and forecast of the world (Russia, Europe, the USA, Japan, India) economic trends in 2015-2016, including international financial markets and main Russian export markets. The report is based on the decades long IMEMO experience in forecast research. Part II presents the forecast of international relations for 2016, it analyzes main challenges for Russia and options to respond them.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

© ИМЭМО РАН, 2015

© ЦСА РАН, 2015

© Фонд перспективных исследований
и инициатив, 2015

ISBN 978-5-9535-0451-5

РОССИЯ И МИР: 2016

ЧАСТЬ I. Экономика

1. РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: В ОЖИДАНИИ «ДНА КРИЗИСА»	7
2. МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: «НОРМАЛЬНЫЙ» РОСТ	15
3. МИРОВАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА	22
4. ЭКОЛОГИЯ: КЛИМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР	30
5. ПРОГНОЗ КОНЪЮНКТУРЫ ОСНОВНЫХ РЫНКОВ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА	35
Нефть и газ	35
Металлы	39
Минеральные удобрения	46
Лесобумажные товары	49
6. СОСТОЯНИЕ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ОСНОВНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	54
Страны Европейского Союза	54
Соединенные Штаты Америки	58
Япония	68
Китай	75
Индия	79
7. АНАЛИЗ ДОСТОВЕРНОСТИ ПРОГНОЗА НА 2014 ГОД	82

ЧАСТЬ II. Внешняя политика

РОССИЯ	87
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ	95
ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ	102
ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО	115
БЛИЖНИЙ ВОСТОК	131
ТИХООКЕАНСКАЯ АЗИЯ	136

ЧАСТЬ I
ЭКОНОМИКА

1. РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: В ОЖИДАНИИ «ДНА КРИЗИСА»

Факторы риска: санкции и «нефтегазовый шок»

В 2015 г. динамика российской экономики находилась под влиянием двух факторов, негативное влияние которых постепенно набирало силу. С одной стороны, под действием нарастающего санкционного давления радикально ухудшились условия экономического взаимодействия России с ведущими партнерами по торговому и инвестиционно-технологическому сотрудничеству. С другой стороны, устойчивое снижение мировых цен на сырьевые товары, в первую очередь энергоносители, привело к значительному сокращению экспортных доходов и бюджетных поступлений. Прямой и косвенный (через резкое снижение курса рубля к ведущим мировым валютам) эффект соответствующих факторов оказался настолько глубоким, что заставил всерьез говорить об угрозах ослабления как краткосрочных, так и среднесрочных перспектив развития страны.

Негативное влияние экономических санкций в наибольшей степени сказалось на возможностях привлечения внешних ресурсов для финансирования развития российской экономики. Если в 2013 г. объем новых внешних обязательств по финансовому счету платежного баланса составил 16,6 млрд. долл., то в 2014 г. накопленные внешние обязательства сократились на 48,9 млрд. долл., а в 2015 г. сопоставимое сокращение обязательств (на 46,8 млрд. долл.) было зафиксировано на протяжении одного только первого полугодия. Таким образом, в 2014–2015 гг. российская экономика не только не получала дополнительных внешних инвестиционных ресурсов, но и ускоряющимися темпами теряла то, что было инвестировано в нее из-за рубежа ранее. Приток прямых иностранных инвестиций, особенно важных для экономического развития с учетом их долгосрочного характера и тесной связи с трансфертом передовых зарубежных технологий, в первом полугодии 2015 г. сократился более чем в 5 раз по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года и почти в 11 раз – по сравнению с январем–июнем 2013 г. Показательно, что падение инвестиционной привлекательности страны происходило на фоне устойчивого улучшения ее позиций в международном рейтинге Doing Business. В 2015 г. Россия поднялась на 51-ю позицию данного рейтинга, опередив не только все страны БРИКС, но и Израиль (53), Турцию (55) и Люксембург (61). В то же время по масштабу притока прямых иностранных инвестиций Россия далеко отстает от соответствующих экономик. Так, Бразилия (116-я позиция в рейтинге Doing Business) в первом полугодии 2015 г. привлекла прямых иностранных инвестиций почти на 31 млрд. долл. по сравнению с 4,3 млрд. долл. у России. Данный факт неизбежно дает повод для серьезных размышлений о том, что меры по улучшению инвестиционного климата в стране должны носить комплексный характер с учетом как экономических и административных, так и внешнеполитических факторов, определяющих решения инвесторов.

Хотя наибольший ущерб был нанесен санкциями, введенными против российского финансового сектора (которые фактически лишили российские банки доступа к финансовым рынкам США и ЕС) и отраслей нефтегазового комплекса (где за немногими исключениями были свернуты проекты инвестиционно-технологического сотрудничества с ведущими зарубежными компаниями), системный эффект санкционного давления оказался существенно шире. С одной стороны, обусловленное санкциями сокращение доступности

финансовых ресурсов нанесло удар по секторам экономики, которые сами по себе не являлись объектами санкционного давления. С другой стороны, введенные рядом зарубежных стран санкции негативно сказались на торгово-инвестиционных отношениях не только с этими странами, но и с другими странами-партнерами, компании которых стали с большей осторожностью оценивать возможности реализации проектов сотрудничества с Россией из-за опасения обвинений в нарушении санкционных запретов со стороны ЕС и особенно США, а также из-за нарастания неопределенности перспектив развития российской экономики. С максимальной наглядностью данные обстоятельства проявились в сфере сотрудничества с Китаем, на которое в 2014 г. возлагались значительные надежды с точки зрения «компенсации» сжимающихся экономических связей с ведущими экономически развитыми странами. Однако уже в начале 2015 г. стало ясно, что условия предоставления финансовых ресурсов на рынке Китая оказались существенно более жесткими, чем на западных рынках. Фактически речь может идти почти исключительно о финансировании ведущими государственными банками КНР инвестиционных проектов, предполагающих развитие российского сырьевого экспорта в китайском направлении либо реализацию инфраструктурных проектов, опирающихся на использование китайской рабочей силы, оборудования и технологий. В свою очередь, готовность китайских компаний развивать проекты сотрудничества с Россией оказалась существенно ограниченной с учетом опасений, что активизация сотрудничества на российском направлении может негативно сказаться на перспективах бизнеса соответствующих компаний на рынках США. Вне зависимости от степени обоснованности подобных опасений, они получили широкое распространение в китайских деловых кругах и оказывают серьезное сдерживающее влияние на развитие российско-китайского сотрудничества.

С учетом перечисленных обстоятельств можно констатировать, что воздействие экономических санкций на российскую экономику оказалось весьма значительным, хотя его масштаб не следует переоценивать. Существенно более значимую роль сыграло ухудшение ценовой конъюнктуры на глобальных сырьевых рынках, в частности, прогрессирующее падение цен на нефть под влиянием изменением баланса спроса и предложения на мировых рынках. В результате резкое сокращение претерпели экспортные доходы России. В январе–сентябре 2015 г. они снизились почти на треть (на 32,0%) по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, причем падение доходов от экспорта сырой нефти и природного газа оказалось еще более глубоким (на 42,8% и 40,3%, соответственно).

В этих условиях объем бюджетных доходов, генерируемых в нефтегазовом секторе, в январе–августе 2015 г. сократился до 8,6% ВВП (годом ранее он был более чем на 2 процентных пункта выше – 10,7% ВВП). Это привело к сокращению общих доходов федерального бюджета до 19,2% ВВП (по сравнению с 20,7% за аналогичный период предыдущего года), что с учетом роста бюджетных расходов с 18,5% ВВП до 21,1% ВВП обусловило появление бюджетного дефицита в размере 1,9% ВВП, в то время как годом ранее наблюдался профицит в размере 2,1% ВВП. Нарастание бюджетных проблем и невозможность их решения исключительно за счет использования «подушек безопасности» в виде Резервного фонда и Фонда будущих поколений (объем которых с начала 2014 г. по начало ноября 2015 г. в долларовом выражении сократился на 24,8% и 17,1%, соответственно) побудили правительство к ряду жестких шагов, включая отказ от

трехлетнего бюджетного планирования, урезание фактических расходов по сравнению с показателями, утвержденными бюджетом на 2015 г., и разработка проекта бюджета на 2016 г. исходя из уровня цен на нефть в 50 долл. за баррель. Согласно заявлению министра финансов РФ А.Силуанова, сделанному в ноябре 2015 г., в случае сохранения прежних параметров расходной части федерального бюджета ресурсы Резервного фонда могли быть исчерпаны уже в 2017 г., и финансирование бюджетного дефицита пришлось бы осуществлять из средств Фонда национального благосостояния. При этом первоочередными жертвами бюджетной экономии оказались расходы на здравоохранение и образование, суммарная доля которых, в соответствии с проектом бюджета на 2016 г., должна снизиться на 0,9 процентных пункта. С учетом общей динамики номинальных расходов федерального бюджета и ожидаемой динамики цен это означает, что в реальном выражении расходы на образование и здравоохранение будут сокращаться, что с неизбежностью негативно скажется на накоплении человеческого капитала, а значит, и долгосрочных перспективах роста российской экономики. В то же время существенно увеличивается доля ассигнований на общегосударственные вопросы, оборону и безопасность, что отражает прогрессирующее нарастание геополитических рисков в контексте неопределенности перспектив выполнения Минских соглашений о нормализации ситуации на востоке Украины, экономической блокады Крыма и военного участия России в разрешении сирийского кризиса.

Основные тенденции экономической динамики

Динамика основных экономических показателей в 2015 г. не давала поводов для оптимизма. Хотя темпы падения ВВП (-3,7% за январь–сентябрь 2015 г.) были существенно ниже, чем в 2009 г. (-7,6%), масштаб кризиса оказался очень серьезным. Необходимо обратить внимание на три обстоятельства. Во-первых, опережающие темпы падения были характерны для обрабатывающей промышленности, выпуск которой в январе–октябре 2015 г. сократился на 5,3% (в т.ч. продукции текстильного и швейного производства – на 12,8%, машин и оборудования – на 12,3%, транспортных средств – на 13,7%). Как следствие, в региональном аспекте максимально тяжелый удар кризиса пришелся по субъектам РФ, имеющим промышленную структуру специализации, за исключением регионов с высокой концентрацией предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК), выигравших от расширения государственного заказа в условиях нарастания геополитических рисков.

Во-вторых, наблюдался рост как общей численности безработных в российской экономике (на 6,9% в январе–октябре 2015 г.), так и численности официально зарегистрированных безработных (на 8,4% за аналогичный период). Хотя абсолютные показатели безработицы остаются крайне низкими (4,3 и 0,9 млн. чел., соответственно), их заметное увеличение может интерпретироваться как признак отхода от практиковавшейся в период кризиса 2008–2009 гг. стратегии «удержания занятости любой ценой», в т.ч. с использованием методов «ручного управления» – вплоть до прямого вмешательства высших руководителей страны в разрешение трудовых конфликтов (известный «кейс Пикалево»). В известном смысле знаковым может считаться отсутствие реакции российского правительства на принятое в марте решение компании General Motors о свертывании производства на территории России, в результате чего только в г.Санкт-Петербург работу потеряли порядка 1 тыс. чел. – несмотря на многолетние усилия, направленные на стимулирование локализации автопроизводств на территории Российской Федерации. Отказ от приоритета «удержания

занятости любой ценой», ставший одним из главных новшеств антикризисной политики образца 2015 г., является очевидным отражением сокращения ресурсных возможностей российского правительства, которое в условиях резкого падения бюджетных доходов лишилось возможности «залить кризис деньгами», как оно делало в период 2008–2009 гг.

В-третьих, инвестиции в основной капитал за первые три квартала 2015 г. рухнули на 5,8% по отношению к аналогичному периоду 2014 г., что стало следствием как сокращения притока финансовых средств из-за рубежа и их доступности в национальной экономике, так и снижения платежеспособного спроса домашних хозяйств и предприятий, подрывающего заинтересованность бизнеса в расширении и модернизации производства. Особое беспокойство вызывает падение платежеспособного спроса населения, о масштабах которого свидетельствует динамика его реальных доходов (-3,5% в январе–октябре 2015 г. по сравнению с тем же периодом предыдущего года) и оборота розничной торговли (-8,8% за аналогичный период). Решающий вклад в сокращение реальных доходов внесло более чем двукратное (до 15,9%) ускорение темпов потребительской инфляции под влиянием обесценения рубля и введенных Россией ограничений на импорт сельскохозяйственной и продовольственной продукции из стран, принявших антироссийские санкции. Причем если сокращение совокупных реальных доходов населения удалось частично демпфировать за счет социальных трансфертов, то снижение трудовых доходов населения оказалось существенно более значительным: реальная заработная плата в экономике России за рассматриваемый период упала на 9,3%. При этом существенно, что последствия снижения доходов населения могут не ограничиться экономической сферой: в 2016 г. России состоятся выборы в Государственную Думу, в ходе которых вопросы уровня жизни населения (наряду с вопросами геополитического противостояния с Западом и борьбы с терроризмом на Ближнем Востоке) с большой вероятностью будут играть ведущую роль.

С учетом этого неудивительно, что уже с августа 2015 г. в среде политического истеблишмента и в отдельных сегментах экономического экспертного сообщества активизировались попытки поиска признаков, которые позволили бы говорить о прохождении (или хотя бы о приближении) гипотетического «дна кризиса» российской экономики. Соответствующие прогнозы регулярно появлялись со ссылкой то на замедление темпов экономического спада, то на минимальные положительные сдвиги в показателях предпринимательской уверенности, то на ожидаемое замедление темпов инфляции, за которым может последовать частичное восстановление доходов населения. Основания для подобных выводов, однако, неизменно оказывались весьма шаткими. В частности, резкое ускорение темпов падения реальной заработной платы в сентябре–октябре до 10,4% и 10,9% в годовом выражении (при этом октябрьский показатель стал худшим за период с 1999 г.) не позволяет надеяться на скорое восстановление уровня платежеспособного спроса населения, без чего невозможен не только переход российской экономики на траекторию устойчивого роста, но и простое возвращение ее к докризисному уровню.

Приоритеты антикризисной политики

По итогам 2015 г. можно говорить о новшествах в антикризисной политике российского правительства по сравнению с периодом 2008–2009 гг. В сфере финансового регулирования акценты сместились с массивного предоставления ликвидности ведущим

(«системообразующим») банкам в сторону управления долговыми рисками компаний и банков, имеющих значительные внешние обязательства (с учетом невозможности рефинансирования этих обязательств в условиях введенных против России финансовых санкций). Предпринимались усилия по минимизации валютных колебаний (в той мере, в какой это возможно в условиях перехода от таргетирования валютного курса к инфляционному таргетированию) и санация банковской системы путем отзыва лицензий у проблемных банков, необходимость которой была очевидна для большинства экспертов еще в ходе предшествующего кризиса. В сфере поддержки бюджетных расходов на смену массивным социальным трансфертам, крупным программам государственных инвестиций (в первую очередь на инфраструктурные проекты) и отдельным программам отраслевой поддержки (особенно в отношении автопрома) де факто пришла концентрация финансовых ресурсов на узком спектре направлений бюджетных расходов – в первую очередь на оборону и безопасность. Наконец, произошло существенное ужесточение позиций в сфере защиты национальных рынков. Хотя данному приоритету уделялось большое внимание уже в ходе предыдущего кризиса (в 2009 г. Россия занимала лидирующие позиции в мире по числу введенных защитных мер), в 2015 г., в контексте прогрессирующего санкционного противостояния, процессам импортозамещения стала отводиться роль ведущей силы, способной переломить ситуацию в реальном секторе экономики. В соответствии с утвержденными в конце марта – начале апреля 2015 г. планами Министерства промышленности и торговли РФ, к 2020 г. предстоит обеспечить радикальное (по отдельным позициям – на 50 и более процентных пунктов) снижение рыночной доли импорта по более чем 2000 видам продукции.

Главным фактором, с которым связаны надежды на успех импортозамещения, служит резкое падение российского импорта. Если в 2014 г. его снижение составило 9,2%, то в 2015 г. оно приобрело обвальный характер. Согласно данным Федеральной таможенной службы, в январе–сентябре 2015 г. совокупный российский импорт в стоимостном выражении сократился на 38,2%, в т.ч. импорт из США – на 39,7%, из Японии – на 40,8%, из стран ЕС – на 43,1%. Важным является то обстоятельство, что объемы импорта существенно упали в торговле даже с теми странами, с которыми Российская Федерация продолжает сохранять партнерские отношения, несмотря на ухудшение общего климата ее внешнеполитических и внешнеэкономических связей. Так, объемы импорта из Вьетнама сократились на 14,2%, из стран-партнеров по БРИКС – на 31,9% (в т.ч. из Китая – на 32,8%), из Южной Кореи – на целых 51,6% (для сравнения, почти такие же темпы спада показала торговля с Украиной). Данные тенденции наглядно свидетельствуют о том, что реальные причины падения импорта в 2015 г. были связаны не столько с экономическими санкциями и ответными мерами России, сколько с резким снижением курса рубля в конце 2014 г. и с падением реальных доходов в российской экономике, обусловившим снижение спроса на импорт. Действию данных факторов не может противостоять даже ускорение процессов евразийской интеграции, связанное с началом функционирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Российский импорт из стран ЕАЭС в январе–сентябре 2015 г. упал на 32,3% – даже больше, чем импорт из стран БРИКС. С учетом низкого уровня взаимодополняемости экономик и сохранения высоких нетарифных барьеров в торговле со странами-партнерами по ЕАЭС крайне маловероятно, что эти страны могут в ближайшие годы выступить в роли

значимых поставщиков продукции, замещающей на российском рынке импорт из стран «остального мира».

Казалось бы, столь значительное падение импорта открывает широкие возможности для импортозамещения, однако с учетом резкого падения платежеспособного спроса, сохраняющегося высокого уровня загрузки производственных мощностей и рабочей силы, а также жесткого дефицита инвестиционных ресурсов в условиях финансовых санкций перспективы использования соответствующих возможностей оказываются весьма ограниченными. Расчеты показывают, что максимального вклада процессов импортозамещения в динамику выпуска (по отдельным рыночным сегментам – до 5–6 процентных пунктов) можно ожидать в агропромышленном комплексе и в металлургии. Впрочем, нельзя умолчать и о «ложке дегтя» – а именно, о проблеме качества импортозамещающей продукции. В частности, результаты многочисленных обследований рынков продовольственной продукции, проводившихся в течение 2015 г. как на федеральном, так и на региональном уровне, выявили наличие крайне высокой (до 80%, а иногда и выше) доли продукции, не соответствующей установленным стандартам. Это означает, что количественные успехи импортозамещения в агропроме могут достигаться в ущерб качеству – т.е. в конечном итоге в ущерб российским потребителям, благосостояние которых и без того пострадало из-за падения реальных доходов.

Ситуация в машиностроении выглядит не столь оптимистично ввиду ограничения доступа к западным технологиям и приостановки проектов международного сотрудничества, что существенно подрывает возможности налаживания эффективного импортозамещающего производства. Как следствие, перспективы роста выпуска в машиностроительных отраслях выглядят скромнее, чем в металлургии и агропроме (порядка 2–3 процентных пунктов). Исключение составляют отрасли, связанные с ОПК. Они могут показать более успешные результаты, опираясь на приоритетный государственный заказ (в отличие от отраслей, ориентированных на снижающийся спрос населения и нестабильный инвестиционный спрос гражданских отраслей экономики). В результате прирост динамики выпуска продукции ОПК может достичь 4–5 процентных пунктов.

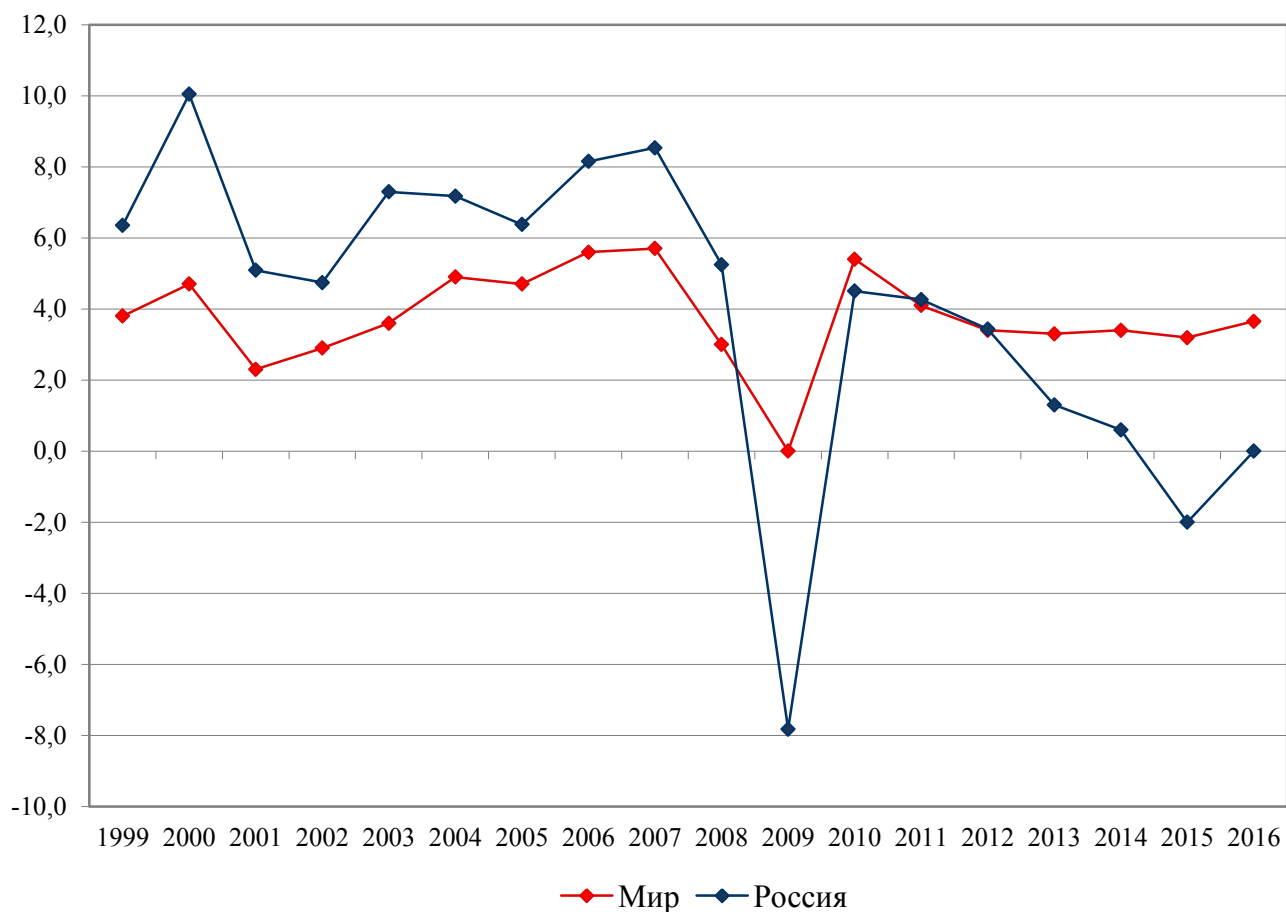
В других отраслях обрабатывающей промышленности перспективы импортозамещения выглядят гораздо более скромно. В химии, фармацевтике, легкой и целлюлозно-бумажной промышленности стимулы к импортозамещению минимальны, в деревообрабатывающей промышленности и промышленности строительных материалов – практически отсутствуют. Удорожание импорта вследствие снижения курса рубля способно вызвать «переключение» спроса потребителей на произведенную российскими компаниями продукцию, однако высокая зависимость от импортных материалов и оборудования, а также общее снижение спроса в условиях экономического спада существенно ограничивает ожидаемый позитивный эффект. В этих условиях нет оснований ожидать, что эффект импортозамещения в этих отраслях выйдет за диапазон 1–2 процентных пунктов.

При этом существенно, что фактические темпы роста выпуска могут быть как выше, так и ниже показателей, характеризующих вклад импортозамещения, поскольку динамика выпуска зависит не только от завоевания рыночных ниш, ранее заполняемых импортом, но и от емкости традиционных ниш национальных производителей, а также от динамики экспорта. В

этом отношении показательно, что отрасли, имеющие максимально благоприятные перспективы импортозамещения, продемонстрировали в 2015 г. достаточно скромные результаты. Так, рост производства пищевых продуктов в январе-октябре составил лишь 1,8%, а в металлургическом секторе имел место спад на 5,8% (главной причиной стало сжатие мирового спроса на металлургическую продукцию из-за замедления китайской экономики). Напротив, единственная отрасль обрабатывающей промышленности, где имел место уверенный рост (химическое производство, объем которого за соответствующий период увеличился на 6,9%), добилась столь впечатляющего успеха отнюдь не за счет импортозамещения, а за счет использования конкурентных преимуществ в сфере экспорта, возникших в результате девальвации российского рубля. В целом приходится констатировать, что надежды на стимулированный импортозамещением системный рост промышленного производства оказываются безосновательными. Это полностью вписывается в общую картину накопленного к настоящему времени мирового опыта поддержки импортозамещения, которое никогда не приносило значимых позитивных результатов в кризисных условиях. С учетом этого перспективы преодоления спада в экономике России следует связывать не столько со стратегией импортозамещения, сколько с гибким использованием сохраняющихся экспортных возможностей и особенно с мерами, направленными на восстановление внутреннего спроса, а в перспективе – с нормализацией условий инвестиционно-технологического сотрудничества с зарубежными партнерами.

Главные задачи антикризисной политики на 2016 г. будут заключаться в поддержании стабильности финансовой и бюджетной системы, предотвращении резких колебаний валютного курса рубля и реализации решительных мер по стимулированию внутреннего спроса. Решение этих задач придется искать в условиях сохранения – а в отдельных случаях и усиления – ряда острых вызовов, сформировавшихся за последние два года. В их числе – низкие цены на основные товары сырьевого экспорта, необходимость погашения значительной внешней задолженности корпоративного сектора в условиях невозможности ее рефинансирования из-за введенных санкций, снижение торгового оборота с ведущими странами-партнерами. На фоне негативной динамики мировых рынков и деструктивного влияния геополитических факторов (к которым в ноябре 2015 г. добавились риски свертывания экономического сотрудничества с Турцией – пятым по значимости торговым партнером России) возможности противостояния негативным тенденциям во внешнеэкономической сфере остаются ограниченными и носят главным образом адаптивный характер. Однако в остальном, несмотря на сокращение бюджетных возможностей, потенциал управления протекающими в национальной экономике процессами остается высоким. Ключевое внимание должно быть уделено поддержке доходов населения, динамика которых имеет ключевое значение для восстановления внутреннего спроса. Отказ от активных мер в данной сфере следует признать главным просчетом антикризисной политики образца 2015 г. В наступающем году этот просчет должен быть исправлен, в этом случае удастся избежать дальнейшего падения производства.

График 1. Темпы прироста российской и мировой экономики, %

2. МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: «НОРМАЛЬНЫЙ» РОСТ

Мировая экономика постепенно начинает возвращаться к нормальному росту. В 2016 г. по прогнозу ИМЭМО прирост составит 3,2%, по прогнозу МВФ 3,1%.

Несмотря на быстрый выход мировой экономики из кризиса 2008 - 2009 гг. - прирост в 2010 г. составил 5,4%, проблемы, приведшие к кризису, потребовали гораздо большего времени для их решения. Экономика развитых стран, возросшая в 2010 г. на 3,1%, в последующие четыре года росла невысокими темпами (1,7%, 1,2%, 1,4%, 1,8%). В 2015 г. возрастет на 2,0%. В 2016 г. прирост экономики развитых стран составит, по нашей оценке, 2,3%.

Экономика США развивалась также нестабильно. После прироста в 2010 г. в 2,5% последовало снижение до 1,6% в 2011 г., а в последующие четыре года рост колебался в пределах 2,2-2,4%. В 2016 г. мы прогнозируем рост экономики США в 2,9% (прогноз МВФ 2,8%), что является самым высоким показателем за посткризисный период.

Экономика стран ЕС после падения в 2012 г. на -0,4% и небольшого прироста – 0,2% в 2013 г., в 2014 г. возросла на 1,5%. В 2015 г. экономика стран ЕС возрастет на 1,7%, а в 2016 г., по нашей оценке, этот рост сохранится на том же уровне. Экономика Еврозоны после двух лет сокращения производства в 2012 и 2013 гг. на 0,8% и 0,3% возрастет в 2015 г. на 1,4% и в 2016 г. на 1,4%.

Группа развивающихся стран и стран с переходной экономикой, показав в 2010 г. высокие темпы – 7,5%, в последующие четыре года снижала темпы прироста ВВП (6,3%, 5,2%, 5,0% и 4,6%). В 2015 г. рост экономики этих стран замедлится, по нашей оценке, до 4,1% (оценка МВФ 4,0%), а в 2016 г. ускорится до 4,7% (оценка МВФ 4,5%).

После скачка в 2010 г. на 10,6% китайская экономика в последующие годы замедляла свой рост (9,5%, 7,7%, 7,7%, 7,3%). В 2015 году замедление продолжится до 6,6% (оценка МВФ 6,8%), а в 2016 г., по нашей оценке, рост ВВП Китая не превысит 6,4% (оценка МВФ 6,3%).

Индийская экономика после рекордного прироста в 2010 г. на 10,3% замедлилась в последующие годы до 6,6%, 5,1%, 6,9%, 7,3%. В 2015 году ВВП Индии возрастет на 7,3%, а в 2016 г. – на 7,6%. Экономика Бразилии после самого большого за последние годы прироста в 2010 г. на 7,6% замедлилась в последующем до 3,9%, 1,8%, 2,7% и 0,1%. В 2015 г., по нашей оценке, ВВП Бразилии сократится на -3%, в 2016 г. падение продолжится, но станет меньше (-1%).

Российская экономика в 2014 году замедлила свой рост до 0,6%. В 2015 году на нерешенные проблемы российской экономики наложились международные санкции, что привело к усилению их эффекта, а также снижение цен на сырьевые товары. Наиболее болезненными оказались финансовые санкции, закрывшие для российских компаний и банков внешние финансовые рынки, санкции в нефтегазовом секторе, падение цен на нефть. В результате, помимо резкого падения курса рубля, мы наблюдаем сокращение российской экономики в 2015 г. на -2,0% (прогноз МВФ - 3,8%). В 2016 г., мы считаем, что при наиболее благоприятном развитии событий удастся избежать дальнейшего сокращения экономики.

На экономику Китая, Индии, Бразилии и России в 2014 г. приходилось 29,7% мирового ВВП (по ППС) и 53,6% ВВП группы развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

Как мы уже писали ранее, общая тенденция, которая наметилась в мировой экономике, и, на наш взгляд – это долгосрочная тенденция: в предстоящие годы развитые страны будут расти более высокими темпами, а развивающиеся и страны с переходной экономикой – более низкими, чем в первом десятилетии этого века.

Самой болезненной проблемой для всех стран мира остается безработица. Хотя во многих странах безработица продолжает снижаться и уже достигла докризисных значений - например в Японии, Германии, многих других странах Европы. В США уровень безработицы снижается и достиг 5,0% в ноябре 2015 г.. В 2016 г., на наш взгляд, снижение продолжится, но в любом случае безработица в США уже находится в пределах многолетних значений 4–6%.

В Европейском союзе безработица снизилась до 9,5%, а в Еврозоне до 11,0% (ноябрь 2015 г.). В Германии безработица в ноябре 2015 г. снизилась до 4,7% – самого низкого показателя после объединения Германии. В Японии безработица снизилась до 3,1% и находится также в пределах многолетних значений 3-4%.

Несколько лет экономического роста обеспечили такое снижение безработицы и продвижение в решении основных экономических проблем. Мы прогнозируем ускорение развития в ЕС и Еврозоне, однако для решения основных проблем развития экономики потребуются многие годы.

В 2015 г. произошел прорыв в развитии глобализации. Двенадцать стран тихоокеанского региона - США, Канада, Мексика, Перу, Чили, Япония, Малайзия, Бруней, Сингапур, Вьетнам, Австралия и Новая Зеландия – подписали соглашение о Транс-Тихоокеанском партнерстве (ТТП). На эти страны в 2014 г. приходилось 36% мирового ВВП. Это партнерство подразумевает более высокую степень взаимодействия стран-участниц. Отличие условий партнерства от правил универсальной организации ВТО состоит в более высоких стандартах и более жестких условиях. Реализация соглашения займет годы, но участники получают возможность не только получить дополнительный прирост ВВП и внешней торговли, но поднять свои экономики на новый технологический уровень.

Ведутся переговоры между США и ЕС о создании Транс-атлантического торгово-инвестиционного партнерства (ТАИП). Переговоры ведутся в закрытом режиме, но по имеющейся информации в 2016 г. будет сделан решающий шаг в согласовании всех условий партнерства. Это будет крупнейшее объединение государств, выводящее их на новый уровень сотрудничества, и самое главное, на новый уровень развития. Эта группа стран в 2014 г. обеспечивала 46,5% мирового ВВП.

В 2015 г. Китай объявил о программе торгово-инвестиционного сотрудничества «Новый шелковый путь». На реализацию первого этапа выделено 40 млрд. долл. Эта программа для Китая является инструментом поддержания китайского экспорта, иностранных инвестиций, увеличения спроса на китайскую продукцию - как результат, поддержание роста ВВП.

То есть китайская программа означает количественный рост торговли и инвестиций, а ТТП и ТАИП – предназначены для выхода на качественно иной путь развития.

График 2. Темпы прироста мировой экономики, прогноз МВФ и ИМЭМО, %

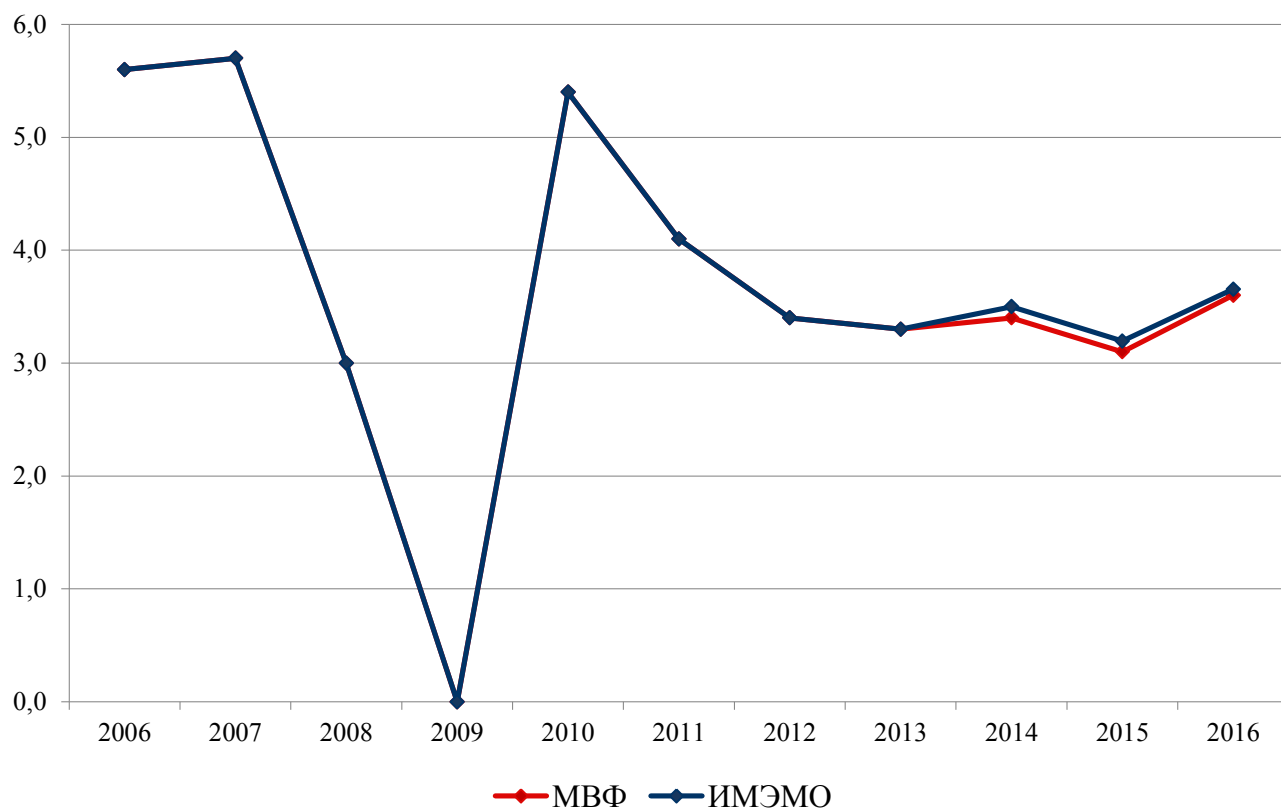

Таблица 1. Темпы прироста ВВП, %

	Оценка МВФ		Оценка ИМЭМО			
	2015	2016	по ППС		по курсу долл.	
			2015	2016	2015	2016
Весь мир	3,1	3,6	3,2	3,7	2,7	3,1
Развитые страны	2,0	2,2	2,0	2,3	2,0	2,3
США	2,6	2,8	2,6	2,9	2,6	2,9
Япония	0,6	1,0	0,6	1,1	0,6	1,1
Зона евро	1,5	1,6	1,4	1,4	1,4	1,4
ЕС 28	1,9	1,9	1,7	1,7	1,7	1,7
Германия	1,5	1,6	1,6	1,7	1,6	1,7
Франция	1,2	1,5	0,9	1,0	0,9	1,0
Италия	0,8	1,3	0,7	0,9	0,7	0,9
Великобритания	2,5	2,2	2,5	2,4	2,5	2,4
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой	4,0	4,5	4,1	4,7	3,7	4,4
Развивающиеся страны			4,7	5,2	4,2	4,8
Китай	6,8	6,3	6,6	6,4	6,6	6,4
Индия	7,3	7,5	7,3	7,6	7,3	7,6
Бразилия	-3,0	-1,0	-3,0	-1,0	-3,0	-1,0
Страны с переходной экономикой			0,7	1,7	0,7	1,7
Россия	-3,8	-0,6	-2,0	0,0	-2,0	0,0

Таблица 2. Развитие мировой экономики, по среднегодовому курсу национальных валют к долл. США в 2014 г.*

	Общий объем ВВП, млрд. долл.			Доля в мировом ВВП, %			ВВП на душу населения, тыс. долл.		
	2014	2015	2016	2014	2015	2016	2014	2015	2016
Весь мир	77 269,2	79 330	81 760	100,0	100,0	100,0	10,7	10,8	11,1
Развитые страны	47 968,3	48 930	50 040	62,1	61,7	61,2	42,6	43,3	44,0
США	17 348,1	17 800	18 315	22,5	22,4	22,4	54,4	55,4	56,6
Япония	4 602,4	4 630	4 680	6,0	5,8	5,7	36,2	36,5	36,9
Зона евро	13 413,7	13 600	13 790	17,4	17,1	16,9	39,9	40,3	40,7
ЕС 28	18 527,1	18 840	19 160	24,0	23,8	23,4	36,4	36,9	37,4
Германия	3 874,4	3 940	4 000	5,0	5,0	4,9	47,9	48,5	49,1
Франция	2 833,7	2 860	2 890	3,7	3,6	3,5	42,8	43,0	43,2
Италия	2 147,7	2 160	2 180	2,8	2,7	2,7	35,0	35,1	35,2
Великобритания	2 950,0	3 025	3 095	3,8	3,8	3,8	45,7	46,6	47,4
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой	29 300,9	30 400	31 720	37,9	38,3	38,8	4,8	4,9	5,1
Развивающиеся страны	25 230,4	26 300	27 560	32,7	33,2	33,7	4,4	4,6	4,7
Китай	10 356,5	11 040	11 750	13,4	13,9	14,4	7,6	8,1	8,5
Индия	2 051,2	2 200	2 370	2,7	2,8	2,9	1,6	1,7	1,8
Бразилия	2 346,6	2 275	2 255	3,0	2,9	2,8	11,4	10,9	10,7
Страны с переходной экономикой	4 070,5	4 100	4 160	5,3	5,2	5,1	10,0	10,1	10,2
Россия	1 860,6	1 825	1 825	2,4	2,3	2,2	12,9	12,7	12,6

* Данные за 2015 и 2016 гг. рассчитаны по прогнозируемым нами темпам прироста ВВП и затем округлены.

Таблица 3. Развитие мировой экономики, в долл. США, в ценах и по ППС 2014 г.*

	Общий объем ВВП, млрд. долл.			Доля в мировом ВВП, %			ВВП на душу населения, тыс. долл.		
	2014	2015	2016	2014	2015	2016	2014	2015	2016
Весь мир	108 777,2	112 250	116 360	100,0	100,0	100,0	15,0	15,3	15,7
Развитые страны	48 435,8	49 410	50 530	44,5	44,0	43,4	43,0	43,7	44,5
США	17 348,1	17 800	18 315	15,9	15,9	15,7	54,4	55,4	56,6
Япония	4 767,2	4 800	4 850	4,4	4,3	4,2	37,5	37,8	38,3
Зона евро	13 155,6	13 340	13 530	12,1	11,9	11,6	39,2	39,6	40,0
ЕС 28	18 640,4	18 960	19 280	17,1	16,9	16,6	36,7	37,2	37,6
Германия	3 748,1	3 810	3 870	3,4	3,4	3,3	46,3	46,9	47,5
Франция	2 591,2	2 615	2 640	2,4	2,3	2,3	39,1	39,3	39,5
Италия	2 135,4	2 150	2 170	2,0	1,9	1,9	34,8	34,9	35,0
Великобритания	2 569,2	2 635	2 700	2,4	2,3	2,3	39,8	40,6	41,3
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой	60 341,5	62 840	65 830	55,5	56,0	56,6	9,9	10,2	10,5
Развивающиеся страны	52 544,1	54 995	57 840	48,3	49,0	49,7	9,2	9,5	9,9
Китай	18 088,1	19 280	20 515	16,6	17,2	17,6	13,3	14,1	14,9
Индия	7 411,1	7 950	8 560	6,8	7,1	7,4	5,7	6,1	6,4
Бразилия	3 275,8	3 180	3 150	3,0	2,8	2,7	15,9	15,3	15,0
Страны с переходной экономикой	7 797,4	7 850	7 985	7,2	7,0	6,9	19,2	19,3	19,6
Россия	3 576,8	3 505	3 505	3,3	3,1	3,0	24,9	24,3	24,3

* Данные за 2015 и 2016 гг. рассчитаны по прогнозируемым нами темпам прироста ВВП и затем округлены.

Таблица 4. Вклад в прирост ВВП, в ценах и по ППС 2014 г.

	2015			2016		
	Доля в мировом ВВП, %	Темпы прироста ВВП, %	Вклад в прирост ВВП, процентные пункты	Доля в мировом ВВП, %	Темпы прироста ВВП, %	Вклад в прирост ВВП, процентные пункты
Весь мир	100,0	3,2	3,2	100,0	3,7	3,7
Развитые страны	44,0	2,0	0,89	43,4	2,3	1,00
США	15,9	2,6	0,41	15,7	2,9	0,46
Япония	4,3	0,6	0,03	4,2	1,1	0,05
Зона евро	11,9	1,4	0,17	11,6	1,4	0,17
ЕС 28	16,9	1,7	0,29	16,6	1,7	0,29
Германия	3,4	1,6	0,06	3,3	1,7	0,06
Франция	2,3	0,9	0,02	2,3	1,0	0,02
Италия	1,9	0,7	0,01	1,9	0,9	0,02
Великобритания	2,3	2,5	0,06	2,3	2,4	0,06
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой	56,0	4,1	2,30	56,6	4,7	2,66
Развивающиеся страны	49,0	4,7	2,25	49,7	5,2	2,54
Китай	17,2	6,6	1,10	17,6	6,4	1,10
Индия	7,1	7,3	0,50	7,4	7,6	0,54
Бразилия	2,8	-3,0	-0,09	2,7	-1,0	-0,03
Страны с переходной экономикой	7,0	0,7	0,05	6,9	1,7	0,12
Россия	3,1	-2,0	-0,07	3,0	0,0	0,00

3. МИРОВАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА

Состояние мировой финансовой системы в 2016 г. будет определяться двумя сценариями. Первый (вероятность 80 – 85%) - продолжение «нормализации» мировой экономики после острой финансовой нестабильности 2008 – 2015 гг. (мировой финансовый кризис 2008 – 2009 гг., европейский долговой кризис 2010 – 2013, 2015 гг., укрепление доллара США после 2008 г., падение мировых цен на сырье как на «финансовый товар» в 2011 – 2015 гг., мыльные пузыри на рынках акций США и Китая 2015 г.).

Второй сценарий (вероятность – 15 – 20%) – резкое усиление в 2016 г. волатильности в одной из проблемных точек глобальных финансов (пара «доллар – евро», цены на сырье, рынок акций США, финансовая система Китая, развивающиеся рынки Латинской Америки, России и СНГ, государственные долги стран ЕС, регулятивные риски глобальных банков и т.п.). Или обострение геополитических рисков, переходящих в финансовые (Ближний Восток, Россия - Запад, Восточная Азия). За этим – цепная реакция системного риска, финансовые инфекции, новые горизонты избыточной волатильности и рецессий.

Как и в 2009 – 2015 гг., глобальные финансы будут отличаться большой хрупкостью, находясь «на развилке» - либо усмирение рисков и рост, либо усиление разбалансированности на излом, «вторые» и «третьи» волны кризиса.

Прогноз делается исходя из первого сценария. То, что будет происходить в глобальных финансах, будет определяться следующей экономической динамикой. Рост в США будет стремиться к 3% ВВП. Сохранится восстановление роста в зоне евро. Продолжится разницей в «скоростях» между развитыми и развивающимися экономиками (при снижении темпов роста в Китае и «разгоне» Индии). Как и в 2011 – 2014 гг., будет актуальна «трехсекторная» модель роста ВВП в развитых странах, основанная на различиях в финансовых политиках:

- а)** более быстрый рост стран англо-саксонской модели, подкрепленный «денежными смягчениями» (США, Великобритания), 2,2 – 3% в год;
- б)** замедленный, в рамках более жесткой денежной политики, при слабее выраженных, с запаздыванием «денежных смягчений», бюджетных ограничениях, борьбой с ростом госдолга (еврозона, континентальная модель), ниже 2%;
- в)** не выше 1,2% - Япония, соединение «денежных смягчений» с бюджетной консолидацией.

В 2016 г. будут продолжать действовать финансовые механизмы замедления роста развивающихся рынков: а) выход из режимов «финансового форсажа» азиатских экономик (накопление рисков и проблемных активов, «мыльные пузыри», турбулентность в случаях избыточного финансового «стимулирования»); б) сжатие доходов в сырьевых экономиках под влиянием укрепления доллара США и снижения мировых цен на сырье; в) рестриктивная политика денежных и финансовых властей, разбалансирование финансовых систем (Латинская Америка, постсоветские страны), санкции (Россия и связанные с ней страны СНГ).

«Нормализация» мировой экономики полностью проявится в глобальных финансах:

- реструктуризация глобальных финансов под воздействием циклической динамики доллара США и выхода Китая из режима форсажа.
- снижение инфляции (кроме проблемных зон), несмотря на повсеместное желание денежных властей использовать ее для «подогрева» экономик; сверхнизкий процент.
- торможение роста государственных долгов, «мины», встроенной в глобальные финансы.
- возобновление финансового развития и финансовой глобализации.
- продолжение многолетних трендов накопления рисков в отдельных сегментах финансов, сохранение сейсмически активных, предкризисных зон.

Реструктуризация глобальных финансов: курсы валют, цены на сырье

Посткризисная реструктуризация глобальных финансов происходит под воздействием циклического укрепления доллара США, за которым стоят бизнес-циклы экономики США. В 2016 г. будет продолжаться многолетнее укрепление доллара США по отношению к евро и другим мировым валютам (с ожидаемым пиком в 2018 – 2019 гг.).

Следствие укрепления доллара – «перетряска» всей системы соотношений курсов валют, сложившихся в 2000-е годы. В 2016 г. продолжится медленный рост доли доллара в глобальных финансах и сжатие – шаг за шагом - доли евро и других мировых валют (в отличие от обратной тенденции 2000-х гг.).

Особая история – юань, находящийся в режиме управляемого валютного курса. Доллар в 2010 – 2013 гг. слабел по отношению к юаню, одновременно укрепляясь к евро и другим валютам. В 2014 – 2015 гг. возобновилась обратная тенденция (предполагаемая цель Китая – стимулирование экономики). Эта страна – 2-й по значимости торговый партнер США. Валютный курс «юань – доллар» – зона конфликта 2016 г.

Многолетнее укрепление доллара приведет к росту его доли как валюты, в которой номинированы активы, как резервной валюты и средства сбережений, средства платежа. Вместе с тем ухудшается торговый баланс США. По прогнозам МВФ, дефицит текущего счета платежного баланса США вырастет с 2,2 – 2,3% ВВП в 2013 – 2014 гг. до 2,6% в 2015 г. и 3,0% в 2016 г.

Этому ухудшению будет противодействовать снижение цен на сырье. С начала 2000-х гг. нефть, газ, металлы, продовольствие стали финансовыми товарами. Их мировые цены формируются на биржах товарных деривативов (Нью-Йорк, Лондон, Чикаго, зерновые биржи Канзас-Сити, Миннеаполиса). Соответственно, резко выросла доля финансовых спекулянтов и институциональных инвесторов, действующих на этих рынках. Фундаментальные факторы (запасы, спрос, предложение, геополитика) имеют второстепенное значение, действуют на цены «на экстремумах». Цены на сырье формируются в долларах. Преобладающая часть расчетов за них – тоже в долларах. Инвесторы свободно переходят из доллара в нефть, из нефти в облигации, из облигаций в металлы и т.д. В итоге, цены на сырье синхронизировались с долларом. Ослабление курса доллара к евро (это ключевая валютная пара) ведет, при прочих равных, к росту цены активов на рынках, то есть увеличение цен становится компенсацией падающего доллара.

Усиление курса доллара связано с отрицательными движениями в стоимости активов. Наблюдается устойчивая корреляция цен товарных и финансовых активов.¹

Тенденция постепенного падения цен на сырье будет продолжаться и в 2016 г. Прогноз: зона «сильного доллара» и территория «низких цен на сырье» до 2018 – 2020 гг. с очень сильным воздействием на структуру глобальных финансов и экономическую ситуацию в крупнейших экономиках мира.

В экономике Китая начался, с высокой вероятностью, медленный процесс нормализации, выхода из режима «форсажа» (сверхбыстрого роста, избыточного накопления, когда все в экономике подчинено росту). Прогнозируется снижение доли накопления (с 47% ВВП в 2011 г. до 43,1% в 2016 г.) при росте потребления домашних хозяйств (с 36,7% до 40,4%, соответственно). Следствие – замедление роста, увеличение налоговой нагрузки (доходы общего правительства выросли с 27,0% ВВП в 2011 г., в 2016 г. до более 28%; рост государственного долга (от 35,6% ВВП в 2011 г. до 46% ВВП в 2016 г.).

Продолжится денежное стимулирование экономики. Прогноз – рост монетизации с 177,1% ВВП в 2011 г. до более 200% ВВП в 2016 г., насыщенности кредитами со 124,9% ВВП в 2011 г. до более 150% ВВП в 2016 г. при снижении ссудного процента и подавлении инфляции с 4,1% в 2011 г. до 1,8% в 2015 – 2016 гг. В такой экономике «легких денег» неизбежно накапливаются проблемные активы и все виды финансовых рисков.² «Мыльный пузырь» акций 2014 – 2015 гг. будет «сдуваться» в 2016 г. Прогноз - сверхвысокая волатильность рынка Китая в акциях, кредитных портфелях, облигациях.

Таким образом, в 2016 г. продолжатся заметные подвижки в курсе «юань – доллар», «болтанка» финансовых рынков, банков, связанные с замедлением экономики Китая, выходом ее из режима «форсажа». Шоки и финансовые инфекции из Китая будут год от года со всё большим усилением передаваться на глобальные финансовые рынки.

Снижение инфляции

До середины 1990-х годов уровень мировой инфляции составлял двузначную величину, временами достигая почти 40% (1992 – 1993 гг.). К концу 1990-х гг. он снизился до 5 – 6%, в 2000-х гг. – до 4 – 5%, в 2010-х гг. – до 3 – 4%. Прогноз на 2016 г. мировая инфляция – в пределах 3 – 4% (табл. 5), рост инфляции в еврозоне благодаря политике «денежных смягчений».

В октябре 2014 г. МВФ оценивал инфляцию в США в 2015 г. в 2,1%, в Великобритании – в 1,8%, в Германии – в 1,2%, в Японии – 2,0%. В реальности она оказалась существенно ниже (табл. 5). Судьба прогноза МВФ на 2016 г. может оказаться такой же.

¹ Подробно об этом см.: Миркин Я.М., Жукова Т.В., Кудинова М.М., Бахтараева К.Б., Левченко А.В. Международная практика прогнозирования мировых цен на финансовых рынках (сырье, акции, курсы валют). М.: Магистр, 2014. С.11 – 40

² Looking Beyond Chinese Bank Asset Quality. Fitch Ratings' Report 11May 2015

Таблица 5. Инфляция

Группа стран / Страна	Изменение индекса потребительских цен, %				
	2011	2012	2014	2015*	2016*
Мир	5,2	4,2	3,5	3,3	3,4
Развитые экономики, в т.ч.	2,7	2,0	1,4	0,3	1,2
Экономики «денежных смягчений»					
США	3,1	2,1	1,6	0,1	1,1
Великобритания	4,5	2,8	1,5	0,1	1,5
Япония	-0,3	-0,1	2,7	0,7	0,4
Экономики «сдержанной денежной политики» / более жестких бюджетных ограничений					
Еврозона	2,7	2,5	0,4	0,2	1,0
Германия	2,5	2,1	0,8	0,2	1,2
Нидерланды	2,5	2,8	0,3	1,0	1,3
Франция	2,3	2,2	0,6	0,1	1,0
Испания	3,2	2,4	-0,2	-0,3	0,9
Греция	3,1	1,5	-1,5	-0,4	0,0
Экономики ребалансирования					
Развивающиеся экономики, в т.ч.	7,2	6,0	5,1	5,6	5,1
Развивающиеся экономики Азии	6,5	4,7	3,5	3,0	3,2
Китай	5,4	2,6	2,0	1,5	1,8
Индия	9,4	10,2	5,9	5,4	5,5
Латинская Америка, в т.ч.	6,5	5,7	7,9	11,2	10,7
Бразилия	6,6	5,4	6,3	8,9	6,3
Мексика	3,4	4,1	4,0	2,8	3,0
Экономики денежных ограничений и бегства капитала					
СНГ	9,8	6,2	8,1	15,9	8,9
Россия	8,4	5,1	7,8	15,8	8,6

* прогноз МВФ

Источник: IMF World Economic Outlook Database October 2015, Inflation, average consumer prices, Percent change.

Как и раньше, инфляция в развивающихся странах будет выше, чем в развитых. Зоны особенно высокой инфляции 2016 г. - постсоветское пространство (Россия, Украина, Беларусь, Таджикистан и др.) и Латинская Америка (Венесуэла, Аргентина, Бразилия и др.). Велика вероятность того, что инфляция в зоне СНГ составит двузначную величину (хуже, чем прогноз МВФ).

Одновременно с 1970-х гг. снижался «глобальный» уровень процента. 2016 г. подтвердит эту тенденцию. Длительность времени, в течение которого ФРС не повышала свою ставку (декабрь 2008 г. – декабрь 2015 г.), не имеет прецедентов. Рост ставки в декабре 2015 г. был минимальным до 0,25-0,5%. В зоне евро ЕЦБ удерживает нулевые ставки с 2012 г. В 2016 г. процент останется близким к нулю.

Торможение роста государственных долгов

Рост доходной базы наряду с успехами повсеместно принятых программ оздоровления бюджетов будут продолжать оказывать стабилизирующее влияние на государственные долги развитых экономик (табл. 6).

В 2016 г. долговая нагрузка на них будет ниже, чем в 2012 году (точке перелома). Но продолжают «разгоняться» государственные долги и ухудшаться финансовое положение развивающихся экономик (табл. 6), особенно, полностью зависящих от экспорта сырья и мировых цен на него. Эти цены несколько лет находятся на снижающейся траектории.

Вместе с тем риски суверенных долгов по-прежнему высоки. В 2016 г. более 40 юрисдикций будут иметь суверенные долги свыше 70% ВВП, в т.ч. все, без исключения страны G-7. Увеличится концентрация долгов государств в Средиземноморье (Франция, Испания, Италия, Греция). Долги развивающихся стран начнут выходить за безопасные пределы (точки концентрации – Украина, Хорватия (госдолг – более 90% ВВП), Бразилия, Венгрия (выше 70% ВВП), Египет – около 90% и др.).

Возобновление финансового развития и финансовой глобализации

За последние 20 лет глобальная экономика значительно продвинулась в своем финансовом развитии. Проявилась закономерность роста финансовой глубины мировой экономики (financial deepening, «financialization»). Кризис 2008 – 2009 гг. приостановил этот процесс на несколько лет. После чего он начался вновь. В посткризисный период в большинстве стран выросла монетизация экономики (это ключевой индикатор финансового развития). В 2015 г. больше 85% развитых стран (в 2009 г. – примерно 75%) имеют монетизацию выше 80% ВВП.³

И, наоборот, около 65% стран (в 2009 г. – примерно 70% стран) с развивающейся и переходной экономикой имеют «финансовую глубину» ниже 60% ВВП (в том числе и Россия).

Тенденция роста финансовой глубины продолжится и в 2016 г. Будет и дальше восстанавливаться рост деривативов, финансовых инноваций. Продолжится финансовая

³ Рассчитано по IMF IFS 2000 – 2015

глобализация, будет интенсифицироваться движение капиталов между странами. Индикатор «Международная инвестиционная позиция (Активы) / ВВП» по группе стран G-20 составил в 2007 г. 123,2%, затем в период кризиса и бегства капиталов упал в 2008 г. до 107,1%. В 2009 г. восстановился до 117,9% и, наконец, вернулся в 2014 г. на уровень 2007 г. (123,3%). В 2015 г. этот показатель превысит 125%, в 2016 г. будет колебаться в пределах 126 – 130% ВВП стран G-20.

Продолжение многолетних трендов накопления рисков

Ключевые риски 2016 г. а) риски «человеческой ошибки»; б) суверенные долги; в) мыльные пузыри на рынках акций; г) регулятивный риск; д) риск развивающихся рынков.

В 2016 г. будут по-прежнему высоки риски человеческой ошибки, когда неправильные решения, нарушающие устойчивость глобальных финансов, могут привести к цепной реакции системного риска. Именно в связи с этим риском в 2011 – 2013, 2015 гг. мир несколько раз находился на пороге глобального финансового кризиса.

Перегретость рынков акций. В 2016 г. по-прежнему велика угроза турбулентности на рынках акций США и Китая, несмотря на то, что в 2015 г. произошел частичный сброс «мыльных пузырей» на этих рынках (на несколько десятков процентов к основаниям этих пузырей).

Капитал ищет применения, находится в поиске сверхдоходностей в «сером» посткризисном мире низких процентов. Яркие мыльные пузыри неизбежно будут возникать в 2016 – 2017 гг. Еще не исчерпаны и «старые».

Суверенные долги. У более, чем 40 стран мира государственный долг превышает 70% ВВП. Велика концентрация этого вида долгов в зоне ЕС. Греция – рекордсмен (ее суверенный долг приближается к 200%). Падение цен на сырье с неизбежностью ведет к ухудшению финансового состояния развивающихся экономик – поставщиков сырья, к накоплению у них государственных долгов. Первые признаки этого процесса уже появились (табл. 6).

Риск суверенных долгов останется актуальным на многие годы вперед.

Регулятивный риск. В 2009 – 2015 гг. резко увеличились регулятивные издержки 10 - 15 крупнейших глобальных коммерческих и инвестиционных банков. Как они, так и десятки более мелких институтов, находятся под расследованиями сотен эпизодов (манипулирование, нарушение прав инвесторов, инсайдерство и т.п.), которые ведутся финансовыми регуляторами и органами юстиции США и стран еврозоны. Суммы штрафов, возмещаемых ими, часто достигают рекордных размеров, составляя в общей сумме десятки миллиардов долл. США. В ряде случаев штрафы и возмещения сопоставимы с размерами прибыли.

В этой связи в 2016 гг. остаются высокими риски дефолта системообразующего финансового института (на глобальном или национальном уровнях), которые могли бы инициировать цепную реакцию системного риска, подобно тому, как это произошло с банком «Lehman Brothers» в сентябре 2008 г.

Таблица 6. Динамика суверенного долга (валовой долг)

Группа стран / Страна	Суверенный долг / ВВП, %						
	1995	2007	2010	2012	2014	2015*	2016*
Развитые экономики, в т.ч.	73	74	99	106	105	104	105
«Большая семерка»	76	82	113	121	119	117	118
США	71	64	95	102	105	105	106
Великобритания	45	44	78	86	89	89	88
Япония	91	183	216	237	246	246	248
Европейский Союз	68	59	79	85	88	88	87
Еврозона	72	66	86	91	94	94	93
Германия	56	65	82	79	75	71	68
Нидерланды	76	45	63	66	68	68	66
Франция	55	64	82	89	96	97	98
Италия	109	100	115	123	132	133	132
Испания	63	36	62	84	98	99	99
Греция	99	107	148	156	177	197	207
Развивающиеся экономики, в т.ч.	н/д	35	39	38	41	44	46
Развивающиеся экономики Азии	н/д	35	42	41	44	46	47
Китай	21	35	37	37	41	43	46
Индия	70	74	67	67	66	65	64
Латинская Америка, в т.ч.	н/д	47	49	48	52	55	56
Бразилия	н/д	65	65	64	65	70	75
Мексика	46 (1996)	38	42	44	50	52	52
СНГ	н/д	9	14	15	21	25	26
Россия	н/д	9	11	13	18	20	21

* прогноз

Источник: IMF World Economic Outlook Database October 2015, General government gross debt, percent of GDP. Данные на конец периода, округлены до целых чисел

Риск развивающихся рынков. В 2015 г. продолжалась концентрация рисков на крупных развивающихся рынках:

- резко усилились финансовые риски в России и в зоне СНГ вслед за украинскими событиями (девальвация рубля, гривны, тенге, санкции, в том числе финансовые, кризисное состояние экономик, финансовая нестабильность вслед за снижением мировых цен на сырье);
- проблемными стали финансовые рынки сырьевых экономик (Венесуэла, Казахстан, Россия и других) вслед за падением мировых цен на ключевые виды сырья (по нефти – более, чем в 3 раза);
- Китай – кредитный пузырь, нарастание доли проблемных ссуд и цепных дефолтов банков, зависимость от рефинансирования центрального банка. В 2009 – 2015 гг. индикатор «Долги / ВВП» (кредиты, облигации и др.) вырос в Китае от 125 – 140% ВВП до 230 – 240% ВВП;⁴
- Бразилия – с августа 2014 г. по середину ноября 2015 г. фондовый индекс Ibovespa упал на 24%, ВВП падает, высока инфляция, растет госдолг. Это проблемная зона для глобальных финансов 2016 г.;
- Аргентина – юридические риски, судебная тяжба в США по поводу суверенного долга (дефолт в 2002 г., реструктуризация с 2005 г.). Истцы – держатели аргентинских облигаций, не согласившиеся с реструктуризацией. В 2014 г. судами в США вынесено решение не в пользу Аргентины. В августе 2014 г. признан «частичный дефолт» Аргентины. На кону – суммы в десятки миллиардов долларов, которые Аргентине удалось до этого «скостить» в результате согласованной с кредиторами невыплаты процентов, обмена облигаций на долговые бумаги с меньшим номиналом. Долговой кризис Аргентины не закончен, юридические тяжбы продолжаются, готовится взыскание имущества Аргентины в США.

Риски на этих и других развивающихся рынках перейдут и в 2016 г.

⁴Ye Xie, Belinda Cao. China's Debt-to-GDP Ratio Just Climbed to a Record High. Bloomberg. 15 July 2015.

4. ЭКОЛОГИЯ: КЛИМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Экологизация мировой экономики

В 2016 г. будет продолжаться экологизация мирового развития по всем направлениям – экономика, социальная сфера, политика, международные отношения. Основой этого процесса будет оставаться концепция экологически устойчивого развития, в рамках которой тесно взаимоувязываются экологические, социальные и экономические приоритеты и координируются конкретные меры по их достижению. Основные их направления закреплены в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Фокус стратегий устойчивого развития приобретет глобальное измерение: сформулированы новые приоритеты в совершенствовании глобальных Целей Устойчивого Развития (*Sustainable Development Goals, SDGs*) до 2030, которые разработаны взамен действовавших ранее Целей Развития на Тысячелетие (*Millenium Development Goals, MDGs*). В отличие от последних они вышли на глобальный уровень и касаются не только развивающихся стран, а охватывают все основные группы государств – развитые, развивающиеся и страны с переходной экономикой.

Поиск инновационных механизмов решения экологических проблем, сдерживающих или предотвращающих негативные изменения природной среды, будут оставаться приоритетом международной повестки дня. Эффективно таргетированная и грамотно разработанная экологическая политика, динамично сочетающая инструменты а) государственного регулирования, б) рыночные механизмы и в) добровольные обязательства, будет в состоянии переломить негативные тенденции в охране природы, обеспечить социально-экономическое развитие и сохранение экосистем в долгосрочной перспективе. Поэтому на национальном и международном уровнях продолжатся, как дальнейшая разработка инновационных управленческих инструментов, так и построение системы по координации их взаимодействия.

В 2016 г. будет постоянно возрастать роль экологического фактора в мировой экономике. Произойдет изменение и одновременное расширение приоритетов – от ограничения экономической деятельности по экологическим соображениям, как это было ранее, к стимулированию новых подходов к внедрению экоинноваций и экотехнологий, к ресурсосбережению и энергоэффективности, повышению конкурентоспособности отдельных производств за счет учета экологического фактора. Экологическая составляющая превратится в важный компонент принятия экономических решений и стратегий развития отдельных отраслей промышленности и корпораций. Акценты будут ставиться на создание «зеленых рабочих мест», изменение стереотипов поведения и потребления населением и стимулирование бережного использования природных ресурсов в домашнем хозяйстве. Успехи экологической политики будут способствовать не только охране природы, но и улучшению здоровья населения и повышению комфорта и качества жизни.

Таким образом, красной нитью на многие годы будет переход к «зеленой экономике». Для этого, в частности, будут разрабатываться инструменты экологического регулирования, стимулирующие устойчивое развитие, прежде всего, за счет более четкого определения ценности природных ресурсов и экосистемных услуг: неизбежным

результатом полной и достоверной оценки ресурсов станет их более разумное использование. Будут создаваться сегменты эко-рынков, отражающих стоимость природного богатства, в том числе в рамках платы за воду, за выбросы загрязняющих воздух веществ, за экосистемные услуги в лесном хозяйстве и бассейновом управлении водными ресурсами, за использование эко-лейблов и систем сертификации. Тем самым такие экономические инструменты как экологические налоги и системы торговли квотами на выбросы определяют уровень цен за эмиссию отдельных видов загрязняющих веществ и сделают виды деятельности, наносящие ущерб природной среде, более затратными нежели их «зеленые» аналоги. Позиция стран ОЭСР на перспективу заключается в неизбежности перехода к «зеленой экономике», и в 2011 г. они разработали стратегию зеленого роста (Towards Green Growth). Особенность современного периода – отсутствие пока единого универсального рецепта для всех групп стран в выборе инструментов реализации политики перехода к зеленому развитию, которые должны быть полностью адаптированы и отражать специфику национального развития и приоритетов на перспективу.

Особую роль экологический фактор будет играть в процессах *глобализации* – прежде всего в мировой торговле, международных инвестициях, помощи развивающимся странам, конфигурации международных финансовых рынков и в создании региональных и международных рынков торговли квотами на выбросы.

Будет происходить дальнейшее развитие и диверсификация форм экологического протекционизма в международной торговле. Ожидается рост числа двухсторонних и региональных торговых соглашений, которые будут содержать природоохранные обязательства сторон: уже сейчас в региональных торговых соглашениях с участием США, Канады, ЕС, Н. Зеландии содержится широкий набор экологических обязательств, которые оформлены либо в качестве специального экологического раздела соглашения, либо как сопутствующий ему экологический договор. Интересны недавние двухсторонние договоренности между США и Китаем о содействии в перспективе торговле зелеными товарами, включая экологически устойчивую продукцию, низкоуглеродные и чистые технологии в энергетике и в городской инфраструктуре. В перспективе будет расширяться применение принципов «эко-ответственности» в международных инвестиционных договорах, включая особые положения относительно охраны природы, здоровья и безопасности.

Одной из особенностей процессов глобализации, характеризующихся, в том числе ростом роли ТНК, будет расширение направлений и форм их природоохранной деятельности. Несмотря на то, что в некоторых случаях остается вероятность загрязнения окружающей среды предприятиями ТНК, действующими в тех развивающихся странах, где существуют более низкие стандарты качества окружающей среды, в целом же корпорациями применяются стандартные экологические практики во всех регионах, где работают их предприятия и соблюдаются единые экологические нормы в мировом масштабе. Это будет содействовать процессу переноса экотехнологий в развивающиеся страны и более широкому использованию там хороших корпоративных практик в охране природы. Выполнение эко-обязательств рассматривается корпорациями как неперемное условие повышения

конкурентоспособности, а зеленый корпоративный имидж и репутация станут важным подходом для большинства компаний.

При этом возрастет популярность добровольных механизмов – программ корпоративной социальной ответственности (Corporate Social Responsibility, CSR), предусматривающих сочетание социальных и природоохранных задач, реализуемых в районах деятельности компаний в различных отраслях; зачастую компании принимают на себя дополнительные экологические и социальные обязательства сверх уже действующих там норм и стандартов.

Финансовые институты - банки развития, частные финансовые организации и экспортные кредитные агентства, рейтинговые агентства, все в большей степени будут учитывать экологические и социальные последствия деятельности корпораций, отражая их в оценках компаний.

Ряд финансовых индексов, как например FTSE4Good и NASDAQ Clean Edge US Index уже сейчас стали оценивать для инвесторов природоохранную и социальную практику компаний. Дальнейшее развитие получают и международные финансовые институты и фонды экологической направленности: в рамках недавно закончившегося климатического саммита принято решение о создании международного климатического фонда, из которого ежегодный уровень финансирования проектов по снижению выбросов парниковых газов и по адаптации к последствиям изменения климата в развивающихся странах начиная с 2020 г. может превысить 100 млрд. долл.

Основные экологические риски

Несмотря на положительную динамику и улучшение состояния окружающей среды по многим направлениям, в 2016 г. сохраняются проблемные области в охране природы, где вероятность глобальных экологических рисков останется высокой. Это прежде всего - использование водных ресурсов, сохранение глобального климата, сохранение биоразнообразия, переработка отходов.

Вода. Основные риски в этой области связаны с нехваткой воды в ряде регионов планеты: к 2030 г. до 47 % может возрасти доля населения мира, проживающего в районах, испытывающих нехватку водных ресурсов - прежде всего в странах Северной и Южной Африки, Южной и Центральной Азии.

Вместе с тем доля населения в странах ОЭСР, проживающего в районах водного лимитирования, также несколько увеличится, оставаясь достаточно высокой – 38%. Рост мировых потребностей в воде будет связан, прежде всего, с увеличением ее потребления в промышленности и домохозяйствами, при некоторой стабилизации потребления в сельском хозяйстве.

Климат. Основные проблемы в области глобального изменения климата связаны с ростом мировых выбросов парниковых газов (ПГ), их концентрации в атмосфере, и дальнейшим глобальным потеплением с преобладающими негативными последствиями для человека и экосистем, включая возрастание частоты и интенсивности природных бедствий, наводнений, экстремальных погодных явлений, лесных пожаров, подъем

уровня моря, разрушение вечной мерзлоты, распространение инфекционных болезней и др. Главным условием успеха в решении этих серьезных проблем являются скоординированные глобальные действия всех групп стран.

После серии неудач в достижении глобальных договоренностей в области международного регулирования по сохранению климата в декабре 2015 г. на климатическом саммите в Париже при участии 195 стран (ежегодная Конференция сторон Рамочной конвенции ООН по изменению климата 1992г.) было принято Парижское соглашение по климату на период после 2020 г. Оно разработано взамен Киотского протокола, завершившему свое действие три года назад и будет теперь составной частью формирующегося международного режима рамочной климатической конвенции. Его главная цель на перспективу – удержать рост средней глобальной температуры воздуха в пределах 2 гр. С (а по возможности до 1.5 гр. С) к концу 21 века от ее доиндустриального уровня и согласовать для этого долгосрочные национальные стратегии стран по сокращению выбросов ПГ и меры адаптации к последствиям изменения климата.

Особенность нового Парижского соглашения состоит в том, что оно значительно отличается от предыдущего протокола, предусматривая: глобальный характер обязательств всех его сторон по сохранению климата и снижению выбросов ПГ; усиление акцентов на проблемах адаптации к последствиям изменения климата – второго «равновеликого» сегмента международного режима; институционализацию международной помощи развивающимся странам для финансирования их действий по адаптации и по снижению выбросов, без чего вряд ли возможно обеспечение универсального участия стран в имплементации данного соглашения: международные механизмы контроля и верификации выполнения добровольных обязательств стран.

Глобальный характер соглашения предполагает действия всех государств-участников. Именно национальные обязательства по сокращению выбросов всех стран, а не только группы развитых стран, как это было в рамках Киотского протокола – главная особенность достаточно амбициозных планов на будущее.

Суть климатической проблемы в том, что предотвращение потепления не может быть обеспечено усилиями отдельных участников при росте выбросов у других. Согласно новому режиму предусматриваются «общие, но дифференцированные подходы в зависимости от национальных особенностей». При подготовке соглашения страны-участницы представили предполагаемые национально-определяемые вклады с учетом национальных особенностей и перспектив экономического развития, содержащие будущие национальные планы, обязательства и меры на период до 2025-2035 гг. В них приводятся данные о планируемом снижении выбросов, адаптационных программах, возможностях и потребностях в климатическом финансировании и оказании/получении международной помощи.

Особенность состоит в том, что конкретные плановые показатели не включаются в международное соглашение и не становятся национальными обязательствами, будут пересматриваться и уточняться странами каждые пять лет, а их выполнение регулярно

верифицироваться на основе единого реестра планов. Соответственно соглашение не будет содержать единой глобальной квоты сокращения выбросов, как это подразумевалось предыдущим протоколом.

Национальные планы основных стран источников выбросов ПГ выглядят следующим образом. Россия, которая опустилась теперь со второго на пятое место в мире после КНР, США, ЕС и Индии планирует дальнейшее снижение выбросов двуокси углерода к 2030 г. на 70-75% по сравнению с 1990 г., при условии учета международным соглашением его поглощения лесами.

В планы США входит их сокращение на 32% к 2030 г. по сравнению с 2005 г. Китай – главный мировой эмитент, намеревается достичь пика выбросов к 2030 г., сократив при этом выбросы двуокси углерода на единицу ВВП на 60-65% по сравнению с 2005 г. Европейский Союз (28 стран) предусматривает 40% снижение выбросов к 2030 г. по сравнению с 1990 г.

Страны ЕС в последние годы проводят крайне динамичную и последовательную политику по сохранению глобального климата. Так, ими приняты: «2020: Климатический пакет ЕС» с сокращением выбросов ПГ на 20% к 2020 г. от уровня 1990 г., «2030: Пакет ЕС климат-энергетика» - на 40% к 2030 г., «2050: Низкоуглеродная экономика ЕС» - на 80% к 2050 г. Тем не менее, предварительный анализ представленных национальных планов и агрегация содержащихся в них возможных количественных планов на 2030 г. показывают, что на их основе есть возможность стабилизировать потепление к концу 21 века только лишь в пределах 3 гр.С. Амбициозная задача, поставленная Парижским соглашением, в перспективе предусматривает более агрессивные действия стран-участниц.

5. ПРОГНОЗ КОНЬЮНКТУРЫ ОСНОВНЫХ РЫНКОВ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА

Нефть и газ

Мировые достоверные запасы нефти на начало 2015 г.⁵ составили 1700,1 млрд барр., из которых на страны Ближнего Востока пришлось 47,7 % (Саудовская Аравия - 15,7%, Иран - 9,3, Ирак - 8,8, Кувейт - 6,0, ОАЭ - 5,7 и Катар - 1,5), Западного полушария - 33,1% (Венесуэла - 17,5%, Канада - 10,2, США - 2,9), Африки - 7,6% (Ливия - 2,9%, Нигерия - 2,2), Европы и Евразии (включая страны бывшего СССР) - 9,1 (в том числе Россия - 6,1, Казахстан - 1,8, Норвегия и Азербайджан – по 0,4, Великобритания - 0,2), Азиатско-Тихоокеанского региона - 2,5% (в том числе Китай – 1,1, Индия и Вьетнам - по 0,3, Австралия, Индонезия и Малайзия – по 0,2). Доля государств ОПЕК в мировых достоверных запасах нефти составила 71,6 %.

Мировая обеспеченность текущей добычи достоверными запасами нефти остается низкой, составляя на начало 2015 г, 52,5 года, в том числе в Северной Америке - 34,0 (США – 11,4, Мексика – 10,9, Канада – более 100 лет); Центральной и Южной Америке – более 100 лет (Венесуэла - более 100, Перу – 40,2, Эквадор - 39,4, Тринидад и Тобаго – 20,3, Бразилия - 18,9); Европе и Евразии - 24,7 (Казахстан - 48,3, Россия - 26,1, Узбекистан – 24,3, Азербайджан – 22,6, Румыния - 19,4, Италия - 14,5, Великобритания - 9,8, Норвегия - 9,5); на Ближнем Востоке - 77,8 (Иран и Ирак - более 100 лет, Кувейт – 89,0, ОАЭ – 72,2, Саудовская Аравия – 63,6, Катар - 35,5); в Африке - 42,8 (Ливия – более 100, Ю.Судан – 60,3, респ. Конго – 52,4, Нигерия – 43,0, Судан – 37,7); в Азиатско-Тихоокеанском регионе - 14,1 (Вьетнам - 33,0, Австралия – 24,3, Бруней – 23,8, Индия – 17,6, Малайзия – 15,4, Китай и Индонезия – по 11,9). Обеспеченность нефтяными ресурсами стран Евросоюза составила всего лишь 11,2 года; ОЭСР - 30,3, ОПЕК - 91,1 года.

Мировые ресурсы природного газа распределены еще более неравномерно, чем нефтяные - всего три государства (Россия, Иран и Катар) имеют 48,7% (17,4%+18,2%+13,1%) его мировых достоверных запасов, на страны ОПЕК приходится более 50,5%. По состоянию на начало 2015 г., мировые достоверные ресурсы газа составили 187,1 трлн. куб. м.

Мировая обеспеченность текущей добычи достоверными ресурсами газа составила 54,1 года, в том числе Северная Америка - 12,8 (США и Канада – примерно по 13, Мексика – 6); Центральная и Южная Америка - 43,8 (Венесуэла - более 100, Перу – 33,0, Бразилия – 23,1); Европа и Евразия - 57,9 (Казахстан – 78,2, Азербайджан - 68,8, Россия - 56,4, Украина - 34,3, Польша – 23,6, Узбекистан - 19,0, Норвегия – 17,7, Нидерланды - 14,3, Дания и Италия – примерно по 7,5, Великобритания – 6,6 и ФРГ – 5,6); Ближний Восток - более 100 лет; Африка - 69,8 года (Ливия и Нигерия – более 100, Алжир – 54,1); Азиатско-Тихоокеанский регион – 28,7 года (в том числе Австралия – 67,6, Вьетнам - 60,4, Индия – 45,0, Индонезия - 39,2, Папуа - Новая Гвинея – 31,0, Китай – 25,7, Бруней – 23,3, Мьянма и Малайзия – 16,0 и Пакистан – 13,8 года. Обеспеченность текущей добычи ресурсами природного газа в Евросоюзе составила 11,3, ОЭСР – 15,6 года.

⁵ Данные по запасам: BP Statistical Review of World Energy, June 2015 // www.bp.com/statisticalreview.

Таблица 7. Достоверные запасы, добыча и внутренний спрос на нефтяное сырье, млн барр./сут.

	Запасы*	Добыча			Потребление		
	2015	2014	2015	2016	2014	2015	2016
Мир, всего	1700,1	92,4	94,6	95,7	91,3	92,9	94,1
ОПЕК, в т.ч.:	1216,5	36,6	36,8	36,8	8,9	8,9	8,9
Саудовская Аравия	267,0	11,5	11,6	11,6	3,2	3,2	3,2
Иран	157,8	3,6	3,7	3,7	2,0	2,0	2,0
Ирак	150,0	3,3	3,3	3,2	0,6	0,5	0,5
Кувейт	101,5	3,1	3,1	3,1	0,5	0,5	0,5
ОАЭ	97,8	3,7	3,7	3,7	0,9	0,9	0,8
США	48,5	11,6	11,7	11,8	19,0	19,0	19,0
Канада	172,9	4,3	4,3	4,4	2,4	2,4	2,4
Мексика	11,1	2,8	2,8	2,7	1,9	1,8	1,8
Западная Европа, в т. ч.	11,6	3,8	3,7	3,7	11,6	11,5	11,5
Великобритания	3,0	0,9	0,9	0,8	1,5	1,5	1,4
Норвегия	6,5	1,9	1,8	1,8	0,2	0,2	0,2
Россия	103,2	10,8	10,9	10,9	3,2	3,2	3,3
Китай	18,5	4,2	4,2	4,3	11,1	11,2	11,4

* начало года, млрд. барр.

Как мы уже отмечали в предыдущем прогнозе, в 2014 г. произошел коренной перелом на мировом рынке нефти и сдвиги на нефтяном рынке продолжают. Десятилетний период относительно высоких цен на нефть, уровень которых ненадолго снижался в результате мирового экономического кризиса 2008-2009 гг., закономерно привел к нынешней ситуации.

Как всегда бывает, на высокие цены мировая экономика ответила как ростом эффективности потребления, так и увеличением разведки и добычи нефти. Быстро стало расти использование нетрадиционных и возобновляемых источников энергии. Потребление нефти в развитых странах стабильно снижается с 2006 года. Потребление нефти в остальных странах растет, но не так быстро

как представлялось ранее. Учитывая более высокие темпы роста экономики этой группы стран, общий объем потребления нефти увеличивается.

Решающий вклад в изменение ситуации на рынке сыграла сланцевая революция в США. В 2015 г. в США добыли 11,7 млн. барр., а в 2016 г. будут добывать 11,8 млн. баррелей в сутки. Такой рост добычи нефти в США привел к соответствующему сокращению импорта, так как общее потребление в США практически не растет. В конце 2015 г. США отменили эмбарго на экспорт нефти, державшееся 40 лет, что еще больше увеличит предложение нефти на рынке.

В целом, добыча нефти вне ОПЕК стабильно растет. В 2014 г. в этой группе стран было добыто 62,3 млн. баррелей в сутки, в 2015 г. – 63,3, в 2016 г. будет добыто 63,5 млн. барр. в сутки. В результате предложение на рынке будет значительно превышать спрос и в 2016 г. Это превышение несколько снизится в 2016 г., но все равно останется очень высоким, более 1,5 млн. барр. в сутки.

Страны ОПЕК постоянно превышали квоту добычи нефти 30 млн барр. в сутки. В конце 2015 г. квота была увеличена до 31,5 млн. барр., то есть приведена в соответствие с реальной добычей. Эксперты, которые рассчитывали на снижение квот, теперь ждут июня 2016 г. в призрачной надежде что это снижение все-таки произойдет. Мы считаем это крайне маловероятным, более того, реальная добыча может вновь значительно превысить квоты. Имеется в виду снятие санкций с Ирана, рост добычи в Ираке и Ливии.

В прошлом ОПЕК сокращала добычу и удерживала цены на приемлемом уровне. Главным балансиром ОПЕК выступала Саудовская Аравия. В прошлом цикле снижения цен Саудовская Аравия сократила добычу с 9,9 млн. баррелей в сутки в 1980 г. до 3,2 млн. барр. в сутки в 1985 г.. Добыча ОПЕК в целом с 26,9 млн. барр. в 1980 г. сократилась до 14,9 млн. барр. в 1985 г. и лишь в результате этого удалось стабилизировать цены. Добыча нефти в Саудовской Аравии превысила 9 млн. барр. в сутки только в 2005 г., то есть через пятнадцать лет. В 2015 г. Саудовская Аравия добыла более 10 млн. барр. в сутки и не собирается сокращать добычу.

ОПЕК отказалась сокращать добычу, учитывая этот негативный опыт. В нормальных условиях экспортерам выгоднее снижать добычу для поддержания цен, нежели поддерживать добычу при снижающихся ценах. Во втором случае падение доходов может оказаться больше. Но в нынешней ситуации эта стратегия сохранения доли на рынке оказывается в долгосрочном плане более эффективной. Дело в том, что снижение цены приводит к убыточности добычи на месторождениях с высокими издержками и таким путем может быть достигнут баланс спроса и предложения. Несмотря на то, что и в Саудовской Аравии, и в других нефтедобывающих странах с низкими издержками добычи гос. бюджеты составлены с расчетом на дорогую нефть, для них оказывается выгоднее секвестировать расходную часть бюджетов, но сохранить свою долю на рынке. Тем более, что в ближайшие несколько лет эта доля может быть занята Ливией, Ираком и Ираном. Россия также увеличила добычу в 2015 г., а российский экспорт нефти вырос более чем на 10%.

Следующий важнейший фактор, воздействующий на рынок нефти – снижение темпов роста экономики Китая и сокращение спроса китайской экономики на все виды сырьевых товаров, в том числе на нефть. Это не краткосрочная «заминка», а долгосрочный фактор развития экономики Китая.

Эти факторы сыграли первостепенную роль в решении ОПЕК не снижать добычу и дать рынку возможность самостоятельно найти равновесие. Предсказать, на каком уровне цен уравниваются спрос и предложение на рынке, практически невозможно. Но в 2016 г. скорее всего диапазон колебания цен будет 40-50 долл. за баррель. Чем больше упадут цены, тем быстрее начнет расти спрос и сокращаться добыча «дорогой» нефти, но весь этот процесс может занять много лет.

Низкие цена на нефть разрушают инвестиционные планы компаний не только в добычу и модернизацию производства, но и в геологоразведку – «в абсолютных цифрах суммарные капиталовложения в мировую нефтяную отрасль снизятся в текущем году на 133 млрд долларов по сравнению с 2014-м, отметил генеральный секретарь ОПЕК Абдалла аль-Бадри. Глава нефтяного картеля подсчитал, что инвестиции в отрасль, которые в прошлом году составляли 654 млрд долларов, в нынешнем году будут равны лишь 521 млрд долларов»⁶.

Ситуация на рынке газа складывается точно таким же образом, как на рынке нефти. Быстро растет добыча в США, которые уже превратились в крупнейшего производителя газа в мире, соответственно, сократился их импорт и все терминалы по регазификации, которые были построены в США в расчете на импорт сжиженного газа уже перестраиваются для экспорта СПГ. Снижение цен на нефть оказывает понижающее давление на цены на газ и такое воздействие проявляется спустя 3-6 месяцев. В 2015 году мир еще на один шаг продвинулся к созданию единого мирового рынка газа.

Перестройка на мировых рынках нефти и газа закономерно приводит к волатильности цен. В 2015 г. при средней спотовой цене на нефть (APSP)⁷ примерно в 53 долл./барр. (54,5% к 2014 г.) средняя импортная цена на газ, поставляемый в Европу (франко-граница) составила около 266 долл./1000 куб. м (73,3%). Более существенно снизились цены на газ в США (Генри Хаб, Луизиана) - до 101 долл./1000 куб. м (63,6% к 2014 г.) и в Японию, которая импортировала СПГ (cif) в среднем по 371 долл./1000 куб. м (64,4% к 2014 г.). Учитывая соотношение между спросом и предложением, а также достижения в сфере экономии энергии, подобное движение цен представляется закономерным и долгосрочным.

В этих условиях особую остроту приобретает проблема финансового обеспечения инвестиционных программ в отраслях топливно-энергетического комплекса России.

Таблица 8. Мировые цены на нефть, фоб, долл./барр.

	2014	2015	2016
«Корзина» нефтей ОПЕК (ORB) ¹⁾	96,2	50,8	37-47
Брент (Brent, 38.0 ⁰ API)	99,0	52,8	40-50
Юралс (Urals, Med, 36.1 ⁰ API)	98,0	52,4	38-48

¹⁾ ORB (OPEC Reference Basket) - среднеарифметическая цены 12 сортов нефти ОПЕК, в том числе по странам: Saharan Blend (Алжир), Bonny Light (Нигерия), Arab Light (Саудовская Аравия), Iran Heavy (Иран), Basrah Light (Ирак), Es Sider (Ливия), Kuwait Export (Кувейт), Murban (ОАЭ), Marine (Катар), Mereu (Венесуэла), Girassol (Ангола), Oriente (Эквадор).

⁶ МЭА: Мировые инвестиции в нефтегазовую отрасль в 2016 г. продолжают снижаться, 26.10.2015 // <http://oil-gas-energy.com.ua>. См. также: МВФ: страны Персидского залива за год потеряют 275 миллиардов долларов, 08.11.2015 // <http://ria.ru/economy/20151108/131652055.html>.

⁷ Average Petroleum Spot Price – средняя ежедневных цен по сортам Brent, Dubai и WTI в равных долях.

Металлы

Сталь

В 2015 году надежды на быстрое восстановление металлургического производства, минуя фазу посткризисной стагнации, не оправдались. Мировая металлургия подошла к завершению длительного цикла, который определялся в основном быстрым развитием китайской экономики. В настоящее время отрасль сталкивается с сочетанием нескольких негативных факторов, к числу которых, наряду с торможением китайской экономики, следует отнести также низкий уровень инвестиций, турбулентность финансовых рынков и геополитические конфликты.

В развитии мировой металлургии в 2015 году сохранялись все признаки нестабильности. Пройдя в 2009 году острую фазу кризиса, а затем и краткосрочный восстановительный рост в 2011-2012 гг., металлургия в целом не смогла преодолеть негативное влияние избыточных мощностей. Впервые с конца 1990-х годов мировое производство стали в 2015 г. на 1,0%. При этом средний годовой уровень загрузки мощностей не превысил 70%.

В целом, по оценке WSA, структура мирового потребления стали в 2015 году выглядела следующим образом: развитые страны - 25,8%, развивающиеся страны и страны с переходной экономикой 74,2%, в том числе Китай 49,8%.

Таблица 9. Динамика производства и потребления стали 2014- 2016 гг., млн.т.

	Производство			Потребление		
	2014	2015	2016	2014	2015	2016
Мир в целом	1637	1620	1620-1650	1540	1506	1520-1540
Азия*	1100	1090	1000-1120	910	900	880-910
Китай	822,7	806	810-815	711	686	670-680
Америка**	176	160	160-175	170	160	160-165
США	90	82	85-90	105	104	105-110
Европа***	200	205	205-210	157	160	160-170
ЕС	169	175	170-180	145	150	150-160
СНГ	105	102	100-105	57	52	50-55
Россия	71,4	71,0	70-72	42	38,5	38-40

* Япония, Китай, Республика Корея, Индия, Тайвань;

** Северная и Латинская Америка; ***Европа без стран СНГ.

Источник: World Steel Association (WSA). World Steel Dynamics (WSD).

При этом впервые за последние 16 лет стагнировало производство в четырех странах азиатской пятерки - Китае, Японии, Корее, Тайване (исключение - Индия).

В условиях медленного и неравномерного восстановления мировой хозяйственной конъюнктуры, спрос на металлопродукцию растет медленно. Прежде всего не оправдались надежды на рост спроса со стороны строительства. Если в предыдущие годы почти всегда присутствовали проекты, которые являлись локомотивами спроса (например, крупные инфраструктурные проекты на Ближнем Востоке, нефтегазовые проекты, «вытягивающие» производство плоского проката и труб), то в 2015 году столь мощных драйверов роста нет.

Спрос со стороны автопромышленности, машиностроения и производства товаров длительного пользования растет очень медленно.

Практика последнего десятилетия показала, что важнейшим фактором, определяющим состояние мировой металлургии, является характер и динамика развития металлургии *Китая*. Недавний кризис стал по существу рубежом, который показал, что прежняя модель экстенсивного роста в значительной мере себя исчерпала, и сегодня Китай стоит перед необходимостью глубокой экономической перестройки.

По мнению китайских экспертов, эра быстрого роста китайской металлургии завершается, оставляя после себя долгоиграющие проблемы, прежде всего перепроизводство. Китайская металлургия столкнулась с необходимостью сокращения производственных мощностей, избыточный объем которых оценивается примерно в 300-350 млн.т. стали. Перепроизводство металлопродукции выталкивает китайский металл за рубеж, вследствие чего экспорт в нынешнем году вырос на 27% и превысил уровень 100 млн. т., что привело к дополнительному давлению на мировой рынок.

В последние два года были закрыты несколько заводов общей мощностью около 80 млн.т и планируется ликвидация в ближайшее время дополнительно около 70 млн.т мощностей в главной металлургической провинции Хэбэй. В 2015 году в стране было остановлено 24 доменных печи, и в 2016 году ожидается дальнейшее сокращение мощностей.

Чтобы стимулировать структурные изменения в отрасли, руководство Китая отменило действовавший с 2005 года запрет для иностранных инвесторов на покупку контрольных пакетов акций китайских металлургических компаний.

Хотя это решение вряд ли окажется привлекательным для иностранцев, так как металлургия Китая, скорее всего, прошла свой «золотой век» и ей приходится сегодня решать сложные проблемы. В то же время потенциал китайской металлургии по-прежнему велик (шесть китайских компаний находятся в первой десятке мировых металлургических лидеров), и страна в обозримой перспективе безусловно будет определять динамику развития мировой металлургии.

В металлургии *ЕС* в 2015 году по-прежнему сохраняется сложная ситуация. Рынок металлопродукции в сообществе был докризисного уровня на 30%.

Своеобразным якорем для металлургии ЕС остается Германия, где в 2015 г. отмечалось оживление металлопотребляющих отраслей, прежде всего строительства и

автомобилестроения. Кроме того, важную роль должно сыграть восстановление запасов металла у дилеров и в сервисных центрах, которые практически не пополнялись два года, а также перезапуск половины доменных печей в Германии, Австрии, Испании, остановленных в период кризиса. Это говорит о частичном восстановлении производства на заводах полного цикла, которые составляют основу металлургии Европы и которые наиболее пострадали от кризиса.

Эти сигналы позволили Eurofer несколько повысить прогнозы увеличения спроса на металлопродукцию в ЕС до 4,5-5%, хотя этот рост не может полностью компенсировать потери 2012-2014 гг.. При этом цены на металлопродукцию все еще близки к минимальным за последние 4 года, что связано с падением цен на железорудное сырье и кокс, а также избытком предложения стали на рынке.

Сохраняют остроту традиционные для Европы проблемы экологии и энергообеспечения. В Великобритании под угрозой закрытия оказались два крупнейших предприятия отрасли Scuntorpe и PortTalbot, судьбу которых решало правительство страны, согласившиеся отложить строительство дорогостоящих очистных сооружений на более поздний срок.

Руководство ЕС озабочено тем, что структурные изменения в металлургии стран Европы происходят слишком медленно. Сегодня при мощностях по производству стали около 245 млн. т потребление металлопродукции в ЕС не превышает 160 млн.т. Хотя в странах Евросоюза в 2007-2013 гг. были выведены избыточные мощности по производству почти 20 млн.т стали, этого оказалось недостаточно, а подготовленный в 2014 году Еврокомиссией «План действий» практически не выполняется, так как каждая компания старается решать вопросы о закрытии производств, исходя из собственных интересов. С другой стороны, дальнейшее сокращение мощностей неизбежно связано с серьезными социальными издержками.

Сокращение мощностей рассматривается сегодня как главный путь для европейской металлургии. При этом Европа сможет сохранить эффективное и прибыльное металлургическое производство только в случае концентрации на производстве продукции с высокой добавленной стоимостью, а также на инновационных технологиях и разработках.

Российская металлургия вошла в 2015 год в состоянии рецессии. Важнейшие факторы сокращения металлопотребления: снижение инвестиционной активности в экономике страны; снижение спроса конечных потребителей вследствие сокращения реальных располагаемых доходов, рост тарифов на услуги естественных монополий; рост стоимости импортных комплектующих, как следствие значительный рост стоимости продукции (для автопрома и машиностроения).

Второй год подряд годовое производство стали не растет, что для металлоемкого российского хозяйства имеет серьезные негативные последствия.

Ситуация во многих металлопотребляющих отраслях ухудшается. Так, продажи легковых и легких коммерческих автомобилей в первом полугодии 2015 г. упали почти на 40% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Действующие механизмы автоутилизации и запрет на покупку иностранной техники бюджетными организациями

недостаточно эффективны из-за сокращения платежеспособного спроса. Автомобильные заводы весной останавливали производство или переводили его на неполную неделю.

Аналогично выглядит ситуация в железнодорожном машиностроении, где производство упало за полгода почти на 60%.

Фактически нет признаков улучшения ситуации в другой важнейшей для металлургов отрасли – строительной. Резко, почти на 40%, упал спрос на строительную арматуру.

Главные надежды связаны с трубными и оборонными компаниями. В частности, спрос на трубы большого диаметра для строительства магистральных трубопроводов за год вырос почти на 40%. Кроме того, почти не снижается потребление металлопродукции для выполнения госзаказов.

Обострение геополитической обстановки заметно сократило возможности компенсации потерь от сокращения внутреннего спроса на металлопродукцию за счет низкого курса рубля и связанного с этим увеличения экспорта. Однако, как показала практика, в последний год резко повысились риски от введения внешнеторговых ограничений в странах-импортерах российской металлопродукции. Из наиболее значимых протекционистских мер следует отметить прекращение российского экспорта горячекатаных рулонов и тонкого листа после выхода Минторга США из соглашения о неприменении антидемпинговых пошлин от 12.07 1999 г. Кроме того, Минторг США начал антидемпинговый пересмотр по толстому листу. Усилились антидемпинговые меры со стороны ЕС. Продлены пошлины в размере до 20% на российские сварные трубы и электротехническую сталь. Начато расследование по холоднокатаному плоскому прокату. Резко активизировали антидемпинговые меры против российской металлопродукции Индия, Турция, Иран, Тайланд, Мексика и другие страны.

Кроме того, практика показала, что вложения отечественного металлургического бизнеса в зарубежные активы в целом оказались не самыми эффективными. За последние три года «Норильский Никель», «Северсталь» и «Мечел» были вынуждены продать свои зарубежные предприятия в Австралии, США, Африке и Европе, потеряв на этих сделках около 7 млрд. долларов. Главными причинами этих неудач можно назвать стратегические просчеты руководства компаний, которое не смогло предложить эффективные бизнес-модели для модернизации приобретенных предприятий, многие из которых являлись технически устаревшими. Следует учесть, что в современной развитой экономике металлургия ориентирована в основном на производство высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью, что связано с высокочрезвычайными проектами модернизации приобретенных заводов. Кроме того, российские собственники, работающие в относительно благоприятном предпринимательском климате и имеющие определенные привилегии на родине, не сумели приспособиться к условиям управления бизнесом в жестких условиях зарубежного рынка.

В условиях рецессии возросло значение импортозамещения, так как после вступления в ВТО и отмены импортных тарифов, импорт металлопродукции вырос на 8% при падении экспорта на 15%. То есть по-прежнему сохраняется одна из главных характеристик российской металлургии - сравнительно низкий уровень продуктовой диверсификации. Поэтому из 15 проектов, включенных в правительственную программу по импортозамещению в черной

металлургии, треть позиций приходится на продукцию, которая в нашей стране не выпускается. Сюда относятся, например, трубы нефтегазового сортамента, в том числе из хромо-никелевых сплавов и нержавеющей сталей. Кроме того, значительную долю в импорте составляют различные виды продукции с защитными покрытиями, метизы, различные виды ферросплавов, огнеупоров, графита, керамики и т.д. Импортозамещение развивается пока недостаточно активно и сопровождается (при сокращении конкуренции) ростом цен. Прирост отраслевого выпуска за счет импортозамещения может составить 3-5%. К 2020 году доля импортной продукции не должна составлять более 5-10% потребления.

Рецессия и дефицит инвестиционных ресурсов ограничили реализацию намеченных инвестиционных проектов. Кроме того, санкции прежде всего отразились на финансовой сфере: внешних средств практически не стало, внутренние остаются весьма дорогими. Если в 2014 году общий объем инвестиций металлургических компаний составил около 118 млрд. руб., то в 2015 году не более 70 млрд. Большинство компаний по инерции достраивали существующие производственные цепочки путем ввода в эксплуатацию ранее приобретенного оборудования. По сути в 2015 году был завершен лишь один крупный проект – ввод в строй первой очереди прокатного комплекса на Каменск-Уральском металлургическом заводе. Реализацию новых проектов в условиях рыночной неопределенности руководство многих компаний считает экономически нецелесообразной, и даже рискованной. Так, фактически на неопределенное время заморожен крупный проект коренной модернизации Чусовского металлургического завода компании ОМК.

Большинство прогнозов развития российской промышленности в 2016 году пессимистичны. Падение рубля, высокий уровень процентных ставок, дефицит кредитных ресурсов, фактический переход к политике жесткой экономии бюджетных расходов, отсутствие крупных государственных антикризисных инвестиций и экономические санкции западных банков – все эти факторы обеспечивают российской металлургии «жесткую посадку». Хотя нельзя не отметить, что эти негативные факторы частично нейтрализуются масштабной модернизацией и обновлением мощностей, своевременно проведенными российскими компаниями в предшествующие 15 лет.

Таким образом, на смену тяжелого 2015 года идет не менее сложный 2016 год. Серьезных предпосылок для улучшения рыночной ситуации нет, и вряд ли металлургия сможет преодолеть рецессию. Эффект дешевого рубля дает временную передышку отрасли. Поэтому экспорт хотя и остается достаточно серьезным драйвером, но не сможет полностью компенсировать действие негативных факторов. Инвестиции частного сектора останутся на низком уровне и не способны обеспечить обновление мощностей, а также повышение производительности труда и капитала. Определенные надежды связаны с инфраструктурными проектами, строительством трубопроводов, подготовкой к чемпионату мира по футболу. Для компаний приоритетными являются три направления: сохранение более или менее приемлемого уровня рентабельности, жесткий контроль издержек и реализация инициатив в области работы с клиентами.

Алюминий

Вслед за падающим мировым сырьевым рынком в 2015 году цены цветных металлов продолжили обновление новых минимумов. Причинами этого явились слабая конъюнктура и профицит на рынке основных цветных металлов. Кроме того, на мировые цены давит укрепление доллара. Для алюминиевого производства особую важность сохраняют вопросы энергообеспечения и экологии.

При этом даже в периоды экономических спадов производство и потребление алюминия сохраняло положительную динамику. Так, в 2015 году мировое производство алюминия выросло на 5,5%, а доля Китая, который нарастил производство на 6%, в мировом производстве превысила 48%. Спрос на металл в стране сохранялся на высоком уровне, несмотря на снижение экономической динамики.

Основными потребителями металла в Китае являются транспорт и строительство, которые обеспечивают около 60% потребления алюминия.

Государственная программа КНР по повышению энергоэффективности промышленных предприятий и сокращению выбросов CO₂ в атмосферу привела к ликвидации ряда алюминиевых мощностей. Кроме того, в Китае с 2013 года установлены новые более жесткие нормы потребления электроэнергии для алюминиевых заводов. При этом в стране объявлена программа сокращения угольной генерации в производстве алюминия.

По данным IAI, установленные мощности по производству первичного алюминия в Китае выросли более чем на 1,5 млн.т. и достигли 37,545 млн.т. при потреблении около 26,5 млн.т. Переизбыток мощностей в стране способствовал снижению внутренних цен и заметно обострил финансовые проблемы компаний. В этих условиях заметно вырос экспорт алюминиевых полуфабрикатов с невысокой степенью обработки, хотя рентабельность подобных поставок в целом невысока.

Наибольший прирост потребления алюминия в 2015 году продемонстрировали США (5,5%), Япония (6,8%), Канада (7,1%). В Европе, где спрос за год вырос на 2,3%, основным драйвером роста потребления алюминия является автопром.

Российский монополист Русал в 2015 году продолжил реализацию программы модернизации производства. Основным направлением развития компании заявлено расширение продуктовой линейки за счет повышения доли продукции с высокой степенью обработки. За год удалось повысить внутреннее потребление на 7,9%. В ближайшей перспективе планируется довести уровень внутреннего потребления до 2 млн.т. главным образом за счет спроса со стороны автопромышленности, строительства, производства упаковки и отраслей ВПК. Кроме того, компания рассматривает возможность дальнейшего сокращения еще около 200 тысяч т нерентабельных мощностей.

В целом положение компании остается достаточно сложным, хотя ослабление рубля дает Русалу дополнительные преимущества на внешнем рынке. Первое полугодие 2015 г. оказалось весьма непростым, так как мировая цена алюминия упала до 1672 тыс. долл. за тонну, а экспорт полуфабрикатов из Китая вырос почти на 40%. Тем не менее компания сохранила прибыльность за счет повышения эффективности, контроля над издержками,

повышения качества и расширения продуктового ассортимента, и это несмотря на рост тарифов на электроэнергию. С помощью этих мер удалось снизить себестоимость продукции на 15% и выйти на более или менее приемлемый уровень рентабельности. Однако в конце года ситуация на рынке заметно ухудшилась. На складах Лондонской биржи металлов скопилось более 2,9 млн.т алюминия. В сочетании с мировым перепроизводством алюминия это серьезно давит на цены. Например, мировая цена на первичный алюминий за один квартал упала на 13%.

В 2016 году алюминиевые компании при весьма умеренном росте мирового производства продолжают борьбу с негативными макроэкономическими факторами и рекордным падением цен, не оставляя надежд на восстановление рынка в ближайшей перспективе.

Таблица 10. Мировое производство и потребление алюминия

	Производство			Потребление		
	2014	2015	2016	2014	2015	2016
Весь мир	51700	54550	54500 - 55000	50200	52000	52500 -53500
Китай	24900	26500	28000 - 28600	23700	26550	26000 - 27500
Япония				2200	2350	2350-2450
США	2460	2520	2500-2560	5500	5800	5850 - 5950
Россия	3850	3780	3750-3800	1140	1230	1250-1280
Канада	2670	2750	2800-1830	700	750	750-780
Бразилия	1450	1500	1520-1550	720	740	750-770
Норвегия	860	870	870-880	240	345	340-350
Австралия	1990	2030	2050-2090	340	340	350-360
Индия	1790	1870	1850-1900	1550	1580	1700-1780
Дубай	1415	1430	1870-1900	390	430	400-450

Источник: IAI (international Aluminium Institute).

Минеральные удобрения

Потребление минеральных удобрений в мировом аграрном секторе в 2016 году оценивается в 193,9 млн т. До 2018 года, по оценкам FAO, потребление удобрений будет возрастать на 1,8 % в год и достигнет 200,5 млн. т.

Таблица 11. Потребление минеральных удобрений в аграрном секторе⁸ 2014 – 2018 гг. (млн. т.)

Вид удобрений	2014	2015	2016	2017	2018
Азотные (N)	113,1	115,1	116,5	117,9	119,4
Фосфатные (P ₂ O ₅)	42,7	43,8	44,7	45,7	46,6
Калийные (K ₂ O)	31,4	31,8	32,6	33,5	34,4
Всего	186,9	190,7	193,9	197,2	200,5

Источник: The World Fertilizer Trends and Outlook to 2018. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Roma, 2015

В распределении по видам – азотные, фосфатные и калийные – среднегодовой прирост потребления удобрений до 2018 года составит 1,4%, 2,2% и 2,6% соответственно.

В 2016 году на рынок минеральных удобрений существенное влияние окажут новые макроэкономические процессы. В их числе - окончание «сырьевого суперцикла» и снижение цен на энергоносители, отрицательная динамика котировок всех продовольственных сырьевых товаров, неблагоприятная макроэкономическая конъюнктура в крупнейших странах и регионах - потребителях, на которые приходится 85% мирового потребления (Индия, Китай, Латинская Америка).

Рынок незамедлительно отреагировал снижением цен на все виды удобрений: среднегодовая цена на карбамид в 2014 году снизилась по сравнению с 2011 годом на 30%, диаммонийфосфат – на 40%, на поташ – на 37%. Сводный индекс цен на удобрения упал на 47 пунктов

Несмотря на снижение цен, будут расти производственные мощности, производство, и сохранится превышение предложения над спросом.

Наиболее значительный дисбаланс спроса и предложения ожидается по *азотным удобрениям*, из-за обширной сырьевой базы и активного выхода на рынок новых игроков.

Ненамного лучше ситуация в производстве *калийных удобрений*. Поддерживать прибыльность бизнеса помогают олигополярная структура рынка и спотовый характер торговли.

⁸ Исключая использование в промышленности, в качестве кормовых добавок в птицеводстве, животноводстве, рыбном хозяйстве.

Сравнительная сбалансированность спроса и предложения на рынке *фосфатных удобрений* объясняется значительным промышленным потреблением – почти 20% общего объема производства. Продажи осуществляются в регионы, сохраняющие позитивную динамику спроса: страны Африки (среднегодовые темпы прироста спроса 3,6%), Латинской Америки (3,3%), Западной Азии (3,2%), Восточной Европы и Центральной Азии (3,6%).

Для производителей минеральных удобрений основным конкурентным преимуществом в *развивающихся странах* служит наличие собственных производственных мощностей и дистрибьютерской сети. Только самые крупные транснациональные компании располагают достаточными средствами для приобретения прав на разработку новых месторождений и создания инфраструктуры, необходимой для продвижения продукции. Одна из немногих – норвежская компания Yara International, которая к настоящему времени инвестировала только в африканские проекты более 2,5 млрд. долл. В 2016 году компания заканчивает строительство двух аммиачных установок по 1,3 млн. т в год каждая в Тринидаде и двух установок мощностью по 1 млн. тонн в год в Габоне и Нигерии. Завершено строительство портового терминала в Танзании для транспортировки удобрений в Мозамбик, Танзанию, Буркина Фасо и Гану⁹.

Компании, не имеющие столь значительных финансовых возможностей, передают свои производственные мощности в обмен на право использования торговых сетей компаний – гигантов. Именно этим объясняется продажа американской компанией CF Industries азотных активов Yara International. Последняя, после заключения сделки в октябре 2014 года, получила производственные подразделения в США, где цены на сырье приближаются к мировому минимуму. CF Industries, ранее представленная преимущественно на региональном уровне, приобрела возможность присутствия почти в двухстах странах через транснациональные торговые сети нового компаньона.¹⁰

Для работы на рынках западноевропейских стран необходимо получение сертификатов качества в соответствии с директивой EU Integrated Pollution Prevention and Control и каждого из ее стандартов, касающихся параметров применяемой технологии (Best Available Technique – BAT) и производимой продукции (Carbon Footprint Guarantee, Swedish Climate Certification for food).

Конкуренцию выдерживают компании, готовые предложить более эффективную и экологически безопасную технологию и продукцию.

Компания Yara в 2013 – 2014 гг модернизировала весь цикл производства и очистки азотной кислоты, аммиака и карбамида, на 30% снизив удельное потребление сырья, на 50% - выбросы оксидов азота и окиси углерода.¹¹ По показателям эффективности использования сырья и параметрам экологической безопасности новая технология и получаемая продукция превзошли установленный в Евросоюзе стандарт Best Available Technique. Несмотря на то, что цены несколько возросли, компания уже начала поставки азотных удобрений, полученных по новой технологии, в Данию, Финляндию, Норвегию, Швецию.

⁹ www.scmont.com/analytics/rdsmdocs

¹⁰ www.reuters.com/article/2014/09/23/yara-intil-cf-industries

¹¹ www.yara.com

Совершенствование качества и видовой структуры производства сложных минеральных удобрений идет по пути создания так называемых «премиум продуктов» - гранулированных солей, содержащих необходимые питательные вещества в определенном соотношении в зависимости от потребностей покупателя. Их применение позволяет повысить всхожесть семян, устойчивость растений к заболеваниям и погодным колебаниям. Существенным конкурентным преимуществом гранулированных удобрений служит экологическая безопасность транспортировки и ничтожные остаточные количества в почве после завершения сельскохозяйственного сезона.

Компания Mosaic Co, имеющая собственную технологию гранулирования, выпускает несколько марок продуктов «премиум». В 2014 году компания начала новое производство MicroEssentialsSZ мощностью 1,2 млн.т. К 2017 году предполагается повысить мощности до 3,7 млн.т в год.¹²

Тенденции развития мирового рынка влияют и на отечественных производителей минеральных удобрений. При этом к ним добавляются и внутренние проблемы и тенденции развития.

Девальвация рубля по отношению к основным мировым валютам повысила ценовую конкурентоспособность продукции, позволила увеличить объем экспорта, рублевую выручку и сохранять приемлемый уровень рентабельности даже при снижении цен на мировом рынке.

В январе – сентябре 2015 года физический объем экспорта удобрений возрос на 6,5%.

В первом полугодии 2015 года чистая прибыль «Уралкалия» возросла - на 50%, «Фосагро» увеличила прибыль в 3,4 раза.

Однако, преимущества слабого рубля краткосрочны и конкурентные позиции российских производителей минеральных удобрений на внешних рынках могут пошатнуться.

В то же время, покупательная способность отечественных аграриев без значительного увеличения государственной поддержки, будет недостаточна для поддержания внутреннего спроса.

Основными потребителями российских минеральных удобрений являются Бразилия, Китай, Турция и Индия (более 60% экспорта).

Эти страны, так же как и Россия, используют преимущественно традиционные крупнотоннажные удобрения. Со временем объективные и общие для всех тенденции развития аграрного комплекса приведут к повышению требований к качеству применяемых удобрений и экологической безопасности.

¹² www.mosaic.com

Лесобумажные товары

В России, по-прежнему, главными экспортно-ориентированными отраслями лесопромышленного комплекса остаются заготовка деловой древесины¹³ хвойных пород, производство хвойных пиломатериалов¹⁴, клееной фанеры, древесной целлюлозы, бумаги и картона. На эти рынки в 2015 году пришлось 76% стоимости мирового экспорта всех видов лесобумажной продукции, производимых мировым лесопромышленным комплексом, в пересчете на долл. США. В России этот показатель в 2015 году был по-прежнему выше – 85,9%.

В целом условия для мировых рынков лесобумажной продукции в 2015 году продолжали улучшаться в сравнении с предыдущим годом. В таких регионах, как Северная Америка и Европа, этому способствовали позитивные экономические процессы, тенденции к росту в жилищном хозяйстве и строительстве, увеличение потребления деловой хвойной древесины и продукции деревообработки. Однако совокупное потребление пиломатериалов, древесных листовых материалов и бумажно-картонной продукции в 2015 году все еще отставало от уровня максимальных показателей, достигнутых в предкризисном 2007 году.

На рынках жилищного строительства в Северной Америке и Европе в 2015 году наблюдались позитивные процессы, хотя полного восстановления до уровня 2007 года пока что не произошло.

В Российской Федерации жилищное строительство восстанавливалось быстрее, чем в странах Европы и Северной Америки, вследствие чего в 2014 году был достигнут рекордный уровень по объему вводу жилья в эксплуатацию (1,08 млн. завершенных строительством новых жилищ, что на 20,3% больше, чем в 2013 году).

В 2015 году наиболее благоприятные изменения на рынке хвойной деловой древесины отмечались также в США. Продажи новых и ранее построенных жилых домов за 7 месяцев 2015 года превысили показатель за аналогичный период 2014 года, в том числе продажи новых домов – на 21%, а ранее построенных жилищ – на 10,3%. Однако, количество домов, начатых строительством, в США в 2015 году понизилось по сравнению с 2014 годом, что эксперты объясняют недостаточно восстановившимся ипотечным рынком.

По нашей оценке, в 2015 году произошел небольшой рост заготовок хвойной древесины для нужд производства целлюлозы и древесной массы.

Спрос на хвойную деловую древесину из США в 2015 году продолжал находиться в сильной зависимости от спроса со стороны такого емкого рынка, как рынок Китая, однако ситуация изменилась в пользу российских продуцентов под влиянием девальвации российского рубля. В странах Западной Европы восстановление рынка жилищного строительства в 2015 году также немного ускорилось. В Российской Федерации в 2015 году продолжалось активное жилищное строительство - за период с января по май 2015 года его объем вырос почти на 25% по сравнению с тем же периодом 2014 года.

¹³ Включает пиловочник, фанерные кряжи, балансы для целлюлозно-бумажной промышленности и прочие виды круглого леса, используемого как сырье для промышленной переработки и в строительстве.

¹⁴ Включает доски, брусья, шпалы и другую продукцию лесопиления.

В Китае сектор жилищного строительства столкнулся с серьезными трудностями после длительного периода активного роста. В сфере жилищного строительства этой страны со второго полугодия 2014 года и в 2015 году наблюдались признаки перепроизводства, когда предложение на рынках новых жилищ стало превышать платежеспособный спрос. Руководство КНР стало предпринимать антикризисные меры, с учетом того что строительный «бум» в Китае является важным фактором роста ВВП страны. Закупки подешевевшего российского леса являются хорошей возможностью снижения издержек строительства и повышения привлекательности нового жилья.

В мировой целлюлозно-бумажной промышленности продолжает действовать сильный фактор, способствующий ослаблению спроса на бумагу - использования компьютерных технологий. Это долговременный тренд, сдерживающий спрос на древесину хвойных пород, используемую для изготовления бумаги. В этом же направлении действует расширение производства макулатурной бумаги, экономящей древесное сырье. Определенное противодействие этим технологическим факторам, сдерживающим рост спроса на хвойное древесное сырье, оказывают инновации в области производства биотоплива из древесины, что создает новый рынок сбыта для хвойной древесины и отходов ее заготовки и переработки.

Структурные изменения в мировой целлюлозно-бумажной промышленности в последние годы были значительными, что проявлялось в сокращении потребления бумаги и картона, в том числе за последние 4 года в Северной Америке на 10%, в Европе – на 5%. В 2015 году потребление газетной бумаги в Северной Америке будет на 50% меньше, чем в 2005 г.

Новой тенденцией на мировых рынках целлюлозно-бумажной продукции является нарастающий спрос традиционных бумагопроизводящих районов (в первую очередь, стран Европы) на волокнистые полуфабрикаты, производимые в странах Южной Америки по относительно низким ценам, что влечет за собой замещение целлюлозы, вырабатываемой в странах Северной Америки, Европы и СНГ из хвойной древесины, на южноамериканскую крафт-целлюлозу из эвкалиптовой древесины.

Бразилия, Чили и Уругвай за последние 15 лет резко увеличили свой экспорт целлюлозы. В настоящее время Бразилия экспортирует 2/3 производимой целлюлозы, а в Чили и Уругвае степень экспортной ориентации целлюлозного производства еще выше. В настоящее время страны Северной Америки, Европы, СНГ получают примерно 50% от объема экспорта целлюлозы из этих трех южноамериканских стран. Этот экспорт будет нарастать, поскольку, к примеру, Бразилия планирует увеличить свои мощности по производству целлюлозы на 40% к 2018 году. Эти тенденции будут создавать давление на европейских и североамериканских продуцентов целлюлозы и древесной массы, принуждая их к дальнейшему укрупнению бизнеса и предприятий, а также к сокращению производства собственных волокнистых полуфабрикатов.

Таблица 12. Мировая заготовка и потребление деловой древесины хвойных пород, млн. куб. м.

	Производство			Потребление		
	2014	2015	2016	2014	2015	2016
Мир	1026,0	1030,8	1043,2	1024,6	1029,9	1042,2
Азия	72,0	70,9	72,2	118,2	118,3	119,7
Китай	29,5	28,5	29,0	64,7	64,5	65,0
Япония	18,2	18,3	18,5	22,0	22,2	22,5
Европа	416,7	420,8	429,1	403,1	406,7	415,0
Великобритания	9,2	8,9	9,1	9,3	9,0	9,2
Германия	35,0	36,8	37,5	40,8	42,7	44,0
Россия	125,2	128,9	133,2	111,5	114,0	118,1
Финляндия	41,4	39,9	40,6	42,1	40,7	41,4
Франция	17,4	17,9	18,4	16,3	17,3	17,9
Швеция	60,6	59,7	59,9	64,9	63,4	63,5
Северная Америка*	387,7	388,6	388,6	372,3	373,1	373,1
Канада	126,4	126,4	126,4	122,3	122,3	122,3
США	261,3	262,2	262,2	250,0	250,8	250,8

*исключая Мексику.

Таблица 13. Мировое производство и потребление бумаги и картона, млн. т.

	Производство			Потребление		
	2014	2015	2016	2014	2015	2016
Мир	399,8	392,9	395,4	397,1	389,5	393,3
Азия	184,4	179,1	180,3	191,5	186,1	189,399
Китай	108,8	105,0	106,0	106,1	102,0	104,0
Япония	26,5	26,1	26,0	27,1	27,0	26,8
Европа	104,8	104,3	104,9	92,5	92,6	93,2
Великобритания	4,4	3,9	3,9	9,3	9,1	9,1
Германия	22,5	22,5	22,6	20,3	20,5	20,7
Россия	8,0	8,1	8,1	7,0	7,1	7,1
Финляндия	10,4	10,1	10,0	1,1	1,0	1,0
Франция	8,2	8,1	8,2	8,8	8,5	8,5
Швеция	10,4	10,5	10,6	1,7	1,7	1,7
Северная Америка*	82,9	81,6	81,3	75,1	73,8	73,8
Канада	11,1	10,2	10,3	5,3	4,5	4,8
США	71,8	71,4	71,0	69,7	69,3	69,0

*исключая Мексику.

Региональные различия в динамике рынков хвойной деловой древесины скорее всего сохранятся и в 2016 году. То есть в странах Западной Европы и Японии продолжатся неблагоприятные процессы в потреблении лесоматериалов. В США следует ожидать более активной повышательной динамики рынка древесины для нужд строительного сектора и экспорта.

В России можно ожидать более динамичного роста производства и экспорта хвойной деловой древесины, чем в США, в первую очередь из-за снижения курса рубля. Инвестиции в строительство новых лесобработывающих предприятий в России, рост внутреннего спроса на лесоматериалы, близость экспортных рынков, потребляющих большие объемы круглого леса, явились благоприятными факторами для наращивания производства продукции ЛПК, в том числе хвойной деловой древесины, а также бумаги и картона.

Вступление России в ВТО и принятие экспортных квот на еловый и сосновый круглый лес создают новые возможности для цивилизованного участия на рынках хвойной деловой древесины. Этому благоприятствует переход России из разряда страны догоняющей по уровню своих экспортных цен в страну – «лидера цен» на мировом рынке хвойной деловой древесины, задающую тон в ценообразовании на этом рынке. Этому же способствует участие России в процедурах сертификации отечественных лесов и продукции российского ЛПК. По результатам 2014 года объем экспорта хвойной деловой древесины по физическому объему возрос на 10,4% по сравнению с 2013 годом.

В 2014 и 2015 годах роль развивающихся стран Азии, в первую очередь Китая, как локомотива процесса расширения мирового рынка хвойной деловой древесины, существенно ослабла, однако Китай продолжает оказывать сильное воздействие на мировые рынки лесобумажной продукции.

По нашей оценке, мировые заготовки хвойной деловой древесины в 2015 году (в скобках потребление) выросли на 0,4% (0,5%), а в 2016 году можно ожидать некоторого повышения темпов прироста производства и потребления этой древесины (соответственно до 1,2% и 1,2%).

Согласно нашему прогнозу, мировое производство бумаги и картона в 2015 году снизится (на 1,7%) в условиях глобальной структурной перестройки отрасли, а в 2016 году возможен некоторый рост этого производства (на 0,6%).

В промышленно-развитых странах мира в 2016 году и в последующие годы следует ожидать продолжения процесса структурной перестройки целлюлозно-бумажной промышленности. Эта перестройка подразумевает переориентацию на жизнеспособные сегменты рынка бумажно-картонной продукции, а также на изделия, получаемые путем так называемого «рифайнинга древесной биомассы» и нанотехнологической переработки древесного сырья. Усилится процесс переноса производственных мощностей, в первую очередь из стран Европы, в страны Южной Америки (Бразилию, Чили др.) для снижения себестоимости бумажно-картонной продукции.

В целлюлозно-бумажной промышленности Китая, вышедшего на первое место в мире по производству бумаги и картона, также происходили структурные изменения. Во-первых,

происходило закрытие старых, малых и неэффективных производственных мощностей по производству бумаги и картона из недревесного сырья (бамбука, хлопкового линтера и др.) с одновременным ростом числа современных крупных целлюлозно-бумажных комбинатов, использующих древесное сырье. Во-вторых, появилась новая тенденция в импортной политике: Китай стал активнее закупать на мировом рынке товарную целлюлозу (то есть полуфабрикат) вместо необработанной древесины в форме балансов или технологической щепы.

Динамика цен на главных экспортных рынках лесобумажной продукции России в 2016 году будет различаться по странам и товарным группам. Можно ожидать слабого роста экспортных цен на древесное сырье и умеренного роста экспортных цен на продукцию деревообработки (пиломатериалы, клееную фанеру) в условиях некоторого оживления спроса на эти товары на североамериканском и азиатском рынках. Мировые цены на бумагу и картон в 2016 году могут продолжить снижение, которое отмечалось в мире в 2011-2015 годах. По нашему прогнозу, среднемировые экспортные цены (в скобках российские) на рынке деловой древесины хвойных пород в 2016 году составят 100,00 долл. США за куб. м (90,00) против 100,80 (93,60) в 2014 году, на рынке бумаги и картона – 900,00 долл. США за т (660,00) против 919,70 (688,50) в 2014 году.

Краткосрочные перспективы, складывающиеся на мировых рынках хвойной деловой древесины, а также бумаги и картона, благоприятствуют упрочению положения России на мировых рынках кругляка хвойных пород. За последний год на этих рынках произошло заметное ослабление позиций Канады, США и Новой Зеландии, как главных конкурентов России на китайском и европейском рынках. В России активизировалось строительство деревообрабатывающих предприятий на ее территории. В этом принял активное участие иностранный капитал, заинтересованный в использовании российских лесных ресурсов, в том числе из Финляндии и Китая. Были построены мощности по производству пиломатериалов, клееной фанеры, древесных плит и др., в том числе у границы России с Китаем. Одновременно Россия стала отвоевывать ведущие позиции на мировом рынке хвойного древесного сырья.

6. СОСТОЯНИЕ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ОСНОВНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Страны Европейского союза

Развитие экономики ЕС в 2015 г. в целом было довольно устойчивым. Для ЕС позитивную роль сыграли низкие цены на нефть, ослабление евро и долгожданное введение в начале 2015 г. количественных смягчений со стороны ЕЦБ (несмотря на жаркие дискуссии перед этим с представителями Бундесбанка). При этом важно отметить, что восстановление экономики ЕС опирается как на наращивание экспорта (которое оказалось не слишком впечатляющим из-за замедления хозяйственной динамики в ряде крупных развивающихся стран), так и на работу на внутренний рынок (хотя по отдельным странам, например, личное потребление демонстрирует неодинаковую динамику).

Вместе с тем к середине года в ЕС обозначились риски, которые могут замедлить экономическую конъюнктуру и ухудшить социальную обстановку в 2016 г. Речь идет прежде всего о событиях на Ближнем Востоке – массовом наплыве беженцев и втягивании ведущих стран ЕС в активную фазу военной операции против террористов в Сирии. Однако мы не считаем, что названные факторы могут сильно изменить динамику ВВП или норму безработицы – скорее надо давать чуть более пессимистичный прогноз, нежели в ноябре обнародовала Еврокомиссия. Так, прогнозисты в Брюсселе ожидают рост ВВП в 2016 г. в целом по ЕС на уровне 2,0%¹⁵. При этом локомотиву интеграционной группировки – Германии (чей вклад в ВВП уже составляет свыше 1/5) дается прогноз, равный 1,9%.

Такой оптимизм разделяет лишь Кильский институт мировой экономики, который вообще ожидает рост германского ВВП на 2,1%, а ВВП в целом по ЕС – на 2,0%.¹⁶ Куда более осторожен пул ведущих германских институтов (из которого несколько лет назад как раз исключен Кильский институт), ожидающий увеличение и ВВП Германии, и ВВП ЕС в целом на 1,8%¹⁷. Однако мы больше склонны полагаться на оценки федерального правительства Германии, которое опасается, что нестабильность на внешних рынках (включая как общие проблемы мировой конъюнктуры, так и громкий скандал вокруг экспорта «Фольксвагена» в США), равно как и дополнительная нагрузка на бюджет из-за наплыва беженцев приведут к росту ВВП в Германии лишь на 1,7%.

Нельзя забывать, что по данным Евростата, в первом полугодии 2015 г. за убежищем в ФРГ обратились уже 154,1 тыс. чел. (по другим данным еще больше). Основные потоки беженцев устремились лишь в несколько стран, включая Германию, доля которой в ЕС выросла почти до 39%. При этом в Германии скопилось значительное число мигрантов, которые еще надеются доказать свое право на убежище (больше половины от всего их числа в ЕС). На конец июня 2015 г. таких в стране было 305,8 тыс. чел.¹⁸ Это, однако, не означает, что ФРГ в принципе не справится с таким потоком, например, с точки зрения удержания безработицы

¹⁵European Economic Forecast. Autumn 2015. – November 2015 (<http://ec.europa.eu>).

¹⁶Herbstprognose des IfW vom 10. September 2015 (<http://www.ifw-kiel.de>).

¹⁷Gemeinschaftsdiagnose Herbst 2015 // DIW Wochenbericht. 2015. №42 (<http://www.diw.de>).

¹⁸Asylum in the EU. Over 210 000 first time asylum seekers in the EU in the second quarter of 2015 // Eurostat newsrelease №163. 18 September 2015 (<http://ec.europa.eu/eurostat>).

на рекордно низких уровнях. Речь идет именно о временных трудностях из-за возникших дисбалансов в социальном секторе (не случайно, многие представители германского руководства полагают, что в долгосрочном плане беженцы способны позитивно повлиять на экономику ФРГ). Определенный драматизм проблема беженцев приобрела в ряде малых стран, однако масштабного экономического кризиса или попыток пересмотреть Шенгенские правила это не вызовет даже у Венгрии.

Таблица 14. Прогноз динамики ВВП и уровня безработицы в ЕС в 2015-2016 гг., %

	Доля в ВВП ЕС	Динамика ВВП		Безработица	
		2015	2016	2015	2016
Германия	20,9	1,6	1,7	4,7	4,9
Франция	15,8	0,9	1,0	10,4	10,4
Италия	11,9	0,7	0,9	12,2	11,8
Испания	7,8	3,0	2,5	22,3	21,0
Нидерланды	4,6	1,9	1,7	6,9	6,7
Бельгия	2,9	1,2	1,3	8,6	8,5
Австрия	2,4	0,6	1,4	6,0	6,0
Зона евро – 19	73,7	1,4	1,4	11,0	10,7
Великобритания	14,6	2,5	2,4	5,4	5,4
Швеция	3,2	2,7	2,5	7,7	7,7
Польша	3,0	3,5	3,2	7,6	7,2
Дания	1,9	1,6	1,7	6,1	5,9
ЕС-28	100,0	1,7	1,7	9,5	9,3

При этом рост ВВП в Германии на 1,7% в любом случае является ускорением экономической динамики в ФРГ (см. табл. 1). Увеличение темпов роста, на наш взгляд, следует ожидать и в других крупных странах зоны евро – Франции и Италии, а также в соседней с Германией Австрии.

Наибольшие проблемы, скорее всего, будут испытывать Греция и Финляндия, где в 3-м квартале 2015 г. вновь сократился ВВП. Однако в последней мы не ожидаем в целом по 2016 г. спада ВВП, несмотря на сохраняющиеся проблемы в высокотехнологичном секторе. В целом по ЕС, равно как и по зоне евро, по нашему мнению, следует ожидать повторения в 2016 г. динамики 2015 г. Нельзя не обратить внимание, что по сравнению с предыдущими

кварталами в 2015 г. происходило постепенное замедление – 0,6% по ЕС-28 и 0,5% по зоне евро в 1-м квартале, 0,5 и 0,4% соответственно во 2-м квартале, 0,4 и 0,3% – в 3-м квартале¹⁹. Несколько ухудшились к концу 2015 г. (однако пока не критично) и некоторые показатели барометров, измеряющих настроения предпринимателей. При этом по-прежнему, экономика стран вне зоны евро будет расти быстрее.

Довольно оптимистично Еврокомиссия смотрит и на ситуацию на рынках труда, однако здесь с ней скорее можно согласиться, поскольку в большинстве стран-членов предпринимаются колоссальные усилия по созданию новых рабочих мест для смягчения социального положения. Мы также прогнозируем снижение безработицы (хотя и до 9,3%, а не 9,2%, как Еврокомиссия). Безусловно, некоторое сокращение показателя произойдет в Греции и Испании, однако чудес ожидать не стоит – по крайней мере в первой из них показатель по-прежнему к концу 2016 г. будет зашкаливать за 20%, в том числе по молодежной безработице за 40%. Не намного лучше ситуации в Хорватии и на Кипре. При этом многих в ЕС удручают абсолютные цифры – до сих пор свыше 22 млн. человек в интеграционной группировке ищут, но не могут найти работу. Так, в Испании – около 5 млн. безработных, во Франции и Италии – по 3 млн. человек²⁰. Долгосрочный характер высоких показателей безработицы подрывает электоральную поддержку правительств, стремящихся проводить экономические реформы.

В этом отношении особняком стоит Германия. Тем не менее, из крупных стран именно она, по-видимому, в 2016 г. исчерпает возможности сокращения безработицы. Однако даже по национальной методике (завышающей показатели) норма безработицы в ФРГ к концу 2015 г. составляла около 6%, в том числе в самых благополучных Баварии и Баден-Вюртемберге – меньше 4%, но и на Востоке Германии она в среднем опустилась до 9%. Таким образом, даже всегда проблемная территория бывшей ГДР сейчас по ситуации на рынках труда выглядит лучше, чем Франция или Италия.

Не все благополучно в ЕС и с государственными финансами. Хотя большинство стран вернулись к небольшим бюджетным дефицитам или даже профициту, Греция, Франция и Италия будут скорее всего и в 2016 г. нарушать 3%-ный Маастрихтский критерий. Большой дефицит сопровождается ростом госдолга, что на фоне радикального правительства в Греции и усиления электоральной поддержки Национального фронта во Франции также не внушает большого оптимизма. Вне зоны евро наихудшая ситуация в Хорватии, тогда как Великобритания благодаря оживлению экономики стала неуклонно сокращать свой бюджетный дефицит.

За текущими относительными успехами и небольшими неудачами экономической политики стран ЕС нельзя забывать о том, что интеграционная группировка все больше проигрывает США, а отчасти и восточноазиатским членам ОЭСР в конкурентной борьбе в инновационном сегменте экономики. Так, совершенно очевидно, что ЕС не приближается к установленному себе в «Стратегии 2020» ориентиру тратить 3% ВВП на НИОКР – по-прежнему показатель едва превышает 2%.

¹⁹ GDP up by 0.3% in euro area and by 0.4% in EU28 // Eurostat Newsrelease. 214/2015 (8 December 2015).

²⁰ Euro area unemployment rate at 10.7% // Eurostat Newsrelease. 210/2015 (1 December 2015).

Лишь пять стран из 28 либо превышают, либо имеют шанс достичь данного уровня – Финляндия (даже после кризиса с «Нокиа»), Швеция, Дания, Германия и Австрия. В то же время несколько стран ЕС (прежде всего Болгария, Румыния, Греция, Кипр, Хорватия, Мальта и Латвия) почти исключены из сферы развития инновационной экономики. Этот факт становится особенно критичным в свете продолжающихся с переменным успехом переговоров ЕС с США о создании Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства. Переговоры идут в закрытом режиме, но с многочисленными утечками информации. При этом многие представители интеллектуальной элиты пытаются инициировать осуждающие переговоры общественные дискуссии и даже протесты, тогда как позиция бизнеса в странах ЕС менее однозначна.

Тем не менее в любом случае необходимо понимать, что создание такого рода партнерств – реакция США и некоторых других высокоразвитых стран на кризис в углублении глобальных институтов регулирования внешнеэкономических связей, включая Дохийский раунд ВТО. В этой связи ЕС не может воздержаться от сближения с США (скорее речь идет лишь о переговорах по определенным параметрам преференций и исключений).

В таких условиях трудно ожидать долгосрочного успеха интеграционного проекта, если страны-члены будут принадлежать к разным типам экономического развития, но при этом стремятся гармонизировать экономическую политику и всячески избегают честного обсуждения неизбежности межстрановой специализации внутри ЕС. Такая дискуссия должна, по-видимому, сопровождаться финансовой компенсацией проблемным странам за счет государств, больше выигравших от наднационального институционального строительства. Тем не менее фактически Германии приходится следовать этой стратегии.

Одновременно страны ЕС демонстрируют солидарность по многим вопросам, которые внешние эксперты были склонны рассматривать как поле для внутреннего конфликта. В качестве лишь двух из многих иллюстраций можно привести очередное продление санкций против России (несмотря на обвал товарооборота с нашей страной, важного для многих членов ЕС) или решение о строительстве энергетического союза в ЕС. Так, в феврале 2015 г. была обнародована рамочная стратегия Европейской комиссии, которая в ближайшие годы сведет воедино обеспечение энергетической безопасности ЕС, формирование единого европейского энергетического рынка, повышение энергоэффективности экономики, ограничение выбросов углекислого газа в атмосферу и НИОКР в сфере энергетики.

Соединенные Штаты Америки

Прошедший год был шестым годом экономического роста США после финансово-экономического кризиса 2008-09 гг. Несмотря на то, что рост американской экономики после кризиса характеризуется как медленный или слабый, формальные показатели выглядят неплохо, демонстрируя при этом постоянные позитивные изменения.

Рост ВВП по итогам 2014 г. составил 2,4%, что является одним из лучших результатов за последние годы. В I квартале 2015 г. ВВП вырос всего на 0,6%, что объяснялось, в частности, плохими погодными условиями и крупной забастовкой портовых рабочих на западном побережье, которая привела к временной остановке международных товарных потоков²¹. Во II квартале ВВП вырос на 3,9%, а в III квартале его рост вновь снизился до 2,1%. Замедление роста ВВП в III квартале произошло за счет уменьшения товарно-материальных запасов, а также снижения инвестиций в крупные конструкции и сооружения, в частности, в нефтяные платформы. Негативное влияние оказал и низкий рост экспорта из-за укрепления доллара, непростой экономической ситуации в Европе и замедления китайской экономики. Однако негативные воздействия были частично компенсированы положительной динамикой потребительских расходов населения.

В июле 2015 г. ФРС пересмотрела статистические данные по объему промышленного производства и использованию производственных мощностей. Согласно новой оценке, промышленное производство после кризиса восстанавливалось медленнее, чем считалось ранее. Предкризисный уровень промышленного производства был достигнут только в мае 2014 г., то есть на семь месяцев позже, чем по первоначальным данным. С 2011 по 2013 гг. объем промышленного производства увеличивался в среднем чуть меньше чем на 2,5% в год, в 2014 г. – на 4,5%. По новой оценке ФРС, в 2012 и 2014 гг. коэффициент использования производственных мощностей был примерно на 0,75 п.п., а в 2013 г. – примерно на 1,5 п.п. меньше первоначальных показателей.

Наиболее уязвимым сектором в ситуации падения нефтяных цен и укрепления доллара оказалась промышленность. В I и II кварталах 2015 гг. впервые после 2009 г. было зафиксировано падение уровня промышленного производства (на 0,3% и 2,3% в годовом выражении соответственно), однако в III квартале этот показатель возрос на 2,6%. Наиболее сильно пострадала добывающая промышленность, объем производства которой падал в течение всего 2015 г., достигнув максимального падения во II квартале – на 13,8%. В октябре уровень промышленного производства упал на 0,2% по сравнению с предыдущим месяцем, однако все же превысил уровень октября 2014 г. на 0,3%.

Коэффициент использования производственных мощностей в октябре составил 77,5%, снизившись с 79% в августе 2014 г. Текущее значение на 2,6 п.п. меньше долгосрочного

²¹ Повторяющееся снижение темпов роста ВВП в I квартале стало причиной выдвижения гипотезы о том, что причина кроется в методике расчета ВВП, в частности, в недостаточно корректном учете сезонных факторов. См., например: G. D. Rudebusch, D. Wilson, T. Mahedy. The Puzzle of Weak First-Quarter GDP Growth. FRBSF Economic Letter. 2015-16 May 18, 2015. <http://www.frbsf.org/economic-research/publications/economic-letter/2015/may/weak-first-quarter-gdp-residual-seasonality-adjustment/el2015-16.pdf>; Ch. E. Gilbert, N. J. Morin, A.D. Paciorek, C.R. Sahm. Residual Seasonality in GDP. FEDS Notes. May 14, 2015. <http://www.federalreserve.gov/econresdata/notes/feds-notes/2015/residual-seasonality-in-gdp-20150514.html>

среднего значения 1972-2014 гг. (80,1%). Относительно низкая загрузка производственных мощностей указывает на недостаточную инвестиционную активность бизнеса.

Здоровой основой роста американской экономики является значительное улучшение ситуации на рынке труда, что, в свою очередь, начало положительно сказываться на доходах населения и их уверенности в завтрашнем дне. Уровень безработицы снизился с пикового значения 10% в октябре 2009 г. до 5% в октябре 2015 г. Занятость в частном секторе увеличивается уже в течение 68 месяцев подряд, с марта 2010 г. За год с октября 2014 г. по октябрь 2015 г. уровень безработицы снизился с 5,7% до 5%, а количество безработных – на 1,1 млн. чел. С октября 2014 г. по октябрь 2015 г. количество частично занятых, желающих работать полный рабочий день, сократилось на 1,2 млн. и составило 5,8 млн. чел. За этот же период занятость росла в среднем на 230 тыс. рабочих мест в месяц. Однако в отраслях добывающей промышленности количество рабочих мест сокращалось: с декабря 2014 г. там было сокращено 109 тыс. рабочих мест. По-прежнему сохраняется высокой доля людей, вышедших из состава рабочей силы вследствие прекращения ими поиска работы. В октябре доля экономически активного населения составила 62,4%, что является самым низким значением с 1977 г.

К концу 2015 г. наметился рост доходов населения. Средняя почасовая заработная плата за год с октября 2014 г. по октябрь 2015 г. выросла на 2,5%, а реальный располагаемый доход в 2014 г. вырос на 2,7%, а в III квартале 2015 г. – на 3,5%. Улучшение ситуации на рынке труда повлекло за собой и увеличение потребительских расходов, являющихся важным индикатором уровня экономической активности и состояния экономики. Они стабильно росли в течение 2015 г. – на 1,8%, 3,6% и 3,2% соответственно в I, II и III кварталах. Эти изменения указывают на осторожный оптимизм американских потребителей. Несмотря на то, что в октябре 2015 г. индекс потребительского доверия составил 97,6, опустившись с 102,6 в сентябре, его абсолютное значение позволяет говорить о том, что в целом потребители положительно оценивают текущую ситуацию, хотя и не ожидают существенных улучшений экономики в ближайшее время²².

В 2015 г. произошло долгожданное улучшение на жилищном рынке, проявляющееся в росте цен и объемов строительства, а также в уменьшении волатильности. Сводный индекс цен на жилье в 20 крупных городах (S&P/Case Shiller composite index) увеличился в августе 2015 г. на 5,1% по сравнению с августом предыдущего года (для июля аналогичный показатель составил 4,9%)²³. Продажи новых домов для одной семьи в сентябре 2015 г. составили 468 тыс. в годовом выражении, что на 11,5% ниже, чем в августе 2015 г., но на 2% выше, чем в сентябре 2014 г. Показатель «начала новых строительства» лишь в феврале и в марте был на уровне менее 1 млн. в годовом выражении, а в июне достиг максимального послекризисного уровня 1,21 млн. В сентябре он составил 1,2 млн, что на 6,5% выше, чем в августе (1,13 млн.) и на 17,5% выше, чем годом ранее, в сентябре 2014 г. (1,03 млн.).

Спрос на автомобили, наряду со спросом на жилищном рынке, является важным драйвером роста экономики. Низкие цены на бензин в сочетании с доступным кредитом, улучшением

²² <https://www.conference-board.org/data/consumerconfidence.cfm>

²³ <http://www.reuters.com/article/2015/10/27/us-usa-economy-idUSKCN0SL1LB20151027#HTgxUMGsJVQdwbku.99>

ситуации на рынке труда и ростом доходов привели к увеличению спроса на автомобили. Продажи легковых автомобилей достигли в сентябре 18,2 млн. в годовом выражении, что является наибольшим значением более чем за десять лет²⁴. В октябре было продано 18,24 млн. автомобилей в годовом выражении, на 14% больше, чем в этом же месяце годом ранее. По данным консалтинговой компании Experian Automotive, в 3 квартале 2015 г. был поставлен абсолютный рекорд по размеру автокредитов с первого года ведения такой статистики (2006) – 968 млрд. долл.²⁵ Ожидается, что в 2015 г. будет продано 17,7 млн. автомобилей, что превысит рекорд 2000 г. (17,4 млн.)²⁶.

Прибыли крупных корпораций по-прежнему высоки и составили во II квартале 2015 г. почти 2,1 трлн. долл. в годовом выражении. По данным Moody's Investors Service, запасы наличных средств американских нефинансовых компаний остаются на рекордно высоком уровне и достигли в конце 2014 г. 1,73 трлн. долл., что на 4% больше уровня предыдущего года. Высокий уровень наличности свидетельствует об отсутствии достаточных стимулов для инвестиций и о недостаточной деловой уверенности бизнеса. Однако, в 2014 г. размер капитальных затрат компаний также достиг рекордной суммы в 937 млрд. долл.,²⁷ что может указывать на некоторый рост оптимистических настроений.

В связи с существенным оздоровлением ситуации в экономике назревают кардинальные перемены в монетарной политике ФРС. В конце 2014 г. была окончательно свернута масштабная программа экстренного стимулирования экономики с помощью нетрадиционных методов монетарной политики – программа количественного смягчения, начатая в конце 2008 г. Теперь на повестке дня стоит повышение целевого уровня ставки по федеральным фондам, которая находится на минимальном уровне 0-0,25% в течение почти семи лет, с декабря 2008 г. Основным препятствием для роста ставки в настоящее время формально является крайне низкий уровень инфляции, который отстает от целевого уровня 2%. Однако ФРС уже не настаивает на достижении целевого уровня инфляции как обязательного условия повышения ставки, то есть в принципе допускают возможность роста ставки до этого момента. Ставка была повышена в декабре 2015 г., и такое решение ожидалось большинством участников рынка. Члены федерального комитета по открытым рынкам при принятии решения о повышении ставки на 0,25 п.п. опирались на «широкий спектр информации», включая состояние рынка труда, уровень инфляции и инфляционные ожидания, а также данные о событиях на финансовых рынках и в глобальной экономике.

Дж. Йеллен неоднократно подчеркивала, что не стоит придавать чрезмерного значения самому факту повышения ставки. Гораздо более важна общая установка ФРС, а она заключается в том, что политика центробанка будет оставаться крайне мягкой еще в течение достаточно долгого времени и после повышения.

Переход от нетрадиционных методов монетарного воздействия на экономику к более привычным может оказаться непростым. В результате количественного смягчения на

²⁴ <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-10-01/fiat-chrysler-backed-by-jeep-lineup-extends-u-s-sales-streak>

²⁵ <http://www.assetfinanceinternational.com/index.php/global-news/americas/news-americas-2/12563-us-auto-loan-balances-at-record-968-billion>

²⁶ <http://www.businessinsider.com/us-auto-sales-october-2015-11>

²⁷ https://www.moody.com/research/Moodys-US-non-financial-corporates-cash-pile-grows-to-173--PR_324721

балансе ФРС в настоящее время находится около 4,5 трлн. долл., что является веским свидетельством исчерпания, или, по крайней мере, недостаточности только монетарных методов воздействия на экономику. Постепенное снижение этого баланса является не имеющей аналогов в истории задачей, и пока не очень понятно, как именно она будет решаться. Однако ясно, что на повестке дня в очередной раз стоит задача поисков новых форм финансового регулирования и монетарного воздействия.

Объективными долгосрочными факторами, сдерживающими рост экономики, являются старение населения, вызванное увеличением продолжительности жизни, и выход на пенсию поколения беби-бумеров (поколения примерно 1946-1964 годов рождения). Это означает меньшее количество доступных трудовых ресурсов. К этому разряду проблем относится и дефицит высококвалифицированных кадров, который уже сейчас, по сведениям из самих компаний, является одним из существенных препятствий, затрудняющих их нормальное функционирование. По данным опроса Национальной ассоциации деловой экономики²⁸, резко возросло число компаний, столкнувшихся с дефицитом квалифицированных кадров. Во втором квартале 2015 года с отсутствием кадров нужной квалификации столкнулись 35% респондентов, в то время как в опросах, проведенных в предыдущих трех кварталах, эта доля составляла около 25%. Существование аналогичной проблемы в среде малого бизнеса подтверждают данные Национальной федерацией независимого бизнеса: в июле 2015 г. 44% компаний мелкого бизнеса столкнулись с дефицитом или отсутствием квалифицированных претендентов на вакантные позиции²⁹. По другим данным, в США около 2/3 компаний имеют открытые вакансии, на которые они не могут найти работников необходимой квалификации. Особенно сильна эта проблема в технологических секторах и здравоохранении³⁰.

Перед последним кризисом, в декабре 2007 г., на одну открытую вакансию приходилось 1,8 безработных, а в сентябре 2015 г. эта пропорция составила 1,4. С февраля 2015 г. на рынке труда наблюдается необычная ситуация – количество открытых вакансий превышает количество нанятых на работу, что является свидетельством трудностей в поиске работников нужной квалификации.

Негативно влияет на ситуацию в американской экономике и слабый зарубежный спрос, который, в свою очередь, вызван как общей недостаточно благоприятной ситуацией в мировой экономике (замедление роста в Китае, долговые проблемы в Европе), так и высоким курсом американского доллара, следствием чего является подорожание американского экспорта и уменьшение спроса на американские товары.

Низкие цены на нефть и энергоносители оказывали в 2015 г. двойственный эффект на американскую экономику. С одной стороны, они отрицательно сказались на динамике промышленного производства, особенно энергетики и нефтяной промышленности, а также смежных с ними отраслей. С другой стороны, падение цен на нефть дает положительный

²⁸ http://nabe.com/NABE_Business_Conditions_July_2015_Summary. В опросе принимали участие 112 экономистов, работающих в бизнесе.

²⁹ <http://www.cnbc.com/2015/07/20/survey-shows-growing-us-shortage-of-skilled-labor.html>

³⁰ How U.S. companies can fill the skills gap. Commentary by R. Dobbs, J. Manyika, J. Woetzel. May 12, 2015.

<http://fortune.com/2015/05/12/how-u-s-companies-can-fill-the-skills-gap/>

эффект за счет сокращения издержек у компаний и сокращения расходов населения на энергоносители³¹.

Недостаточность инвестиционного и потребительского спроса является непосредственной причиной медленного роста экономики. В то время как уровень потребительского спроса находится в зависимости от доходов и настроений потребителей, то есть, в конечном счете, от ситуации на рынке труда, причины низкого инвестиционного спроса более сложно объяснить. Одна из возможных причин заключается в том, что компании сталкиваются с необходимостью перестраивать свою деятельность и проводить реструктуризацию как из-за необходимости снижения издержек в связи с изменившейся экономической конъюнктурой, так и по более фундаментальным причинам. К ним относятся поиск перспективных потребностей, стратегических идей, новых методов организации и управления бизнесом, которые все чаще становятся обязательными условиями выживания. Об этом косвенно свидетельствует возросшее количество слияний и поглощений и увольнений.

По оценке PricewaterhouseCoopers, с января по май 2015 г. в США произошло 4 654 сделок слияний и поглощений на общую сумму 875 млрд. долл., а 54% глав американских компаний планируют совершить поглощение в 2015 г.³² Согласно оценкам, 2015 год может стать рекордным после финансового кризиса по количеству таких сделок. Особенностью 2015 года стал и резкий рост количества увольнений. По данным компании Challenger, Gray & Christmas, Inc., в III квартале произошел резкий рост увольнений в компаниях, расположенных на территории США. Наибольшее количество сокращений пришлось на июль (более 105 тыс.) и апрель (более 61 тыс.). Всего за 3 квартал 2015 г. было объявлено о сокращении 205 759 рабочих мест, что является наибольшим значением с III квартала 2009 г. Основные сокращения пришлось на компании энергетической промышленности, розничной торговли и компьютерные компании, а также на государственный сектор³³. Основными причинами сокращений рабочих мест стали реструктуризация, необходимость снижения издержек, падение цен на нефть, а также закрытие предприятий, слияния и поглощения.

С точки зрения структурной перестройки, влияние на американскую экономику оказало падение цен на энергоносители. В первую очередь, негативному воздействию подверглись отрасли добывающей промышленности, а также связанные с ними металлургическая и машиностроительная промышленность. Например, компания Caterpillar, ведущий производитель крупной спецтехники и строительного оборудования, объявила в сентябре 2015 г. о начале глобальной реструктуризации и сокращении издержек. План реструктуризации предполагает сокращение 4-5 тыс. человек к концу 2016 г., а к концу 2018 г. число уволенных может достигнуть 10 тыс. человек. Данный план позволит снизить операционные издержки на 1,5 млрд. долл. в год. Такие планы связаны с ожидаемым снижением объема продаж и прибыли компании на 5% в 2016 г.. По словам главы компании, причинами реструктуризации является сочетание неблагоприятных условий в ключевых регионах (прежде всего, падение продаж в Китае) и отраслях промышленности, поставщиком которых является компания – горнодобывающей, энергетике, строительстве и железнодорожном транспорте.

³¹ Одним из последствий падения нефтяных цен стал рекордный рост автомобильных продаж в США в 2015 г.

³² <http://www.forbes.com/sites/maggiemcgrath/2015/06/17/why-2015-could-be-the-best-year-for-us-since-the-financial-crisis/>

³³ <https://www.challengergray.com/press/press-releases/2015-september-job-cut-report-employers-slash-nearly-60k-hp-cuts-make-more-half>

Однако, наряду с компаниями, так или иначе связанными с добычей нефти, большое количество сокращений пришлось и на другие сектора, в частности, на компьютерную промышленность. В сентябре 2015 г. о сокращении около 30 тыс. рабочих мест в связи с масштабной реорганизацией объявила компания Hewlett-Packard. Компания General Electric сокращает более 300 рабочих мест, закрывая завод в штате Массачусетс, однако при этом будет создано несколько сотен новых высокотехнологичных рабочих мест³⁴. Компания 3M Co. собирается упразднить 1,5 тыс. рабочих мест в рамках плана реструктуризации, вызванной падением прибыли из-за укрепления доллара и снижения продаж. После слияния строительных компаний Standard Pacific Corp. и Ryland Group Inc. будет сокращено около 10% персонала³⁵, что связано с необходимостью ликвидации дублирующих функций во вновь созданной компании, CalAtlantic Group Inc.

При оценке влияния падения нефтяных цен на американскую экономику следует иметь в виду, что непосредственное воздействие оно оказывает только на небольшую часть экономики – добывающую промышленность и связанные с ней договорными отношениями сегменты обрабатывающей промышленности и сферы услуг. Промышленное производство составляет 20,7% американского ВВП (в т.ч. обрабатывающая промышленность 12% ВВП), в то время как сфера услуг – 79,3%³⁶. Таким образом, большая часть экономики является потребителем энергетических ресурсов, и снижение цен на них оказывает на нее стимулирующее воздействие.

Остаются неизменными стратегические ориентиры американской экономики, обеспечивающие ее стабильность и конкурентоспособность в долгосрочной перспективе, независимо от текущих колебаний экономической конъюнктуры. Таким ориентиром для американской экономической политики остается научно-технический прогресс и инновационное развитие как основа конкурентного преимущества США в глобальной экономике. Несмотря на то, что в последние несколько лет на первом плане при обсуждении вопросов экономической политики преобладали текущие вопросы, связанные с преодолением последствий кризиса и восстановлением экономики, в американской администрации никогда не забывали о роли США как лидера научно-технического развития и «инновационной сверхдержавы». В президентском бюджете на 2016 г. государственные затраты на НИОКР составляют 146 млрд. долл.

В конце октября 2015 г. администрация Б. Обамы представила обновленный текст «Стратегии американских инноваций» - программного документа, в котором содержатся наиболее важные направления американской политики в научно-технической сфере³⁷. К главным задачам государства отнесены инвестирование в НИОКР и создание наилучших условий для возникновения инноваций в частном и некоммерческом секторах. В документе обозначены стратегические направления, на поддержке которых предлагается сфокусироваться в ближайшие годы. К ним относятся передовые технологии в

³⁴ <https://www.bostonglobe.com/business/2015/11/01/general-electric-will-close-its-avon-factory-trimming-local-jobs/zNUTM3CEDIHLby06YIqp5J/story.html>

³⁵ <http://www.cnbc.com/2015/10/01/us-layoffs-surge-43-in-sept-to-58877-challenger.html>

³⁶ <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2012.html>

³⁷ A Strategy for American Innovation. National Economic Council and Office of Science and Technology Policy. October 2015. https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/strategy_for_american_innovation_october_2015.pdf

обрабатывающей промышленности (advanced manufacturing), высокоточная (персонализированная) медицина (precision medicine), исследования мозга, передовые автомобильные технологии (в т.ч. беспилотные автомобили), «умные» города, экологически чистые и энергоэффективные технологии, инновационные образовательные технологии, программы освоения космоса (в том числе коммерческие полеты), освоение новых рубежей в информационных технологиях. Помимо перечисленных стратегических направлений остаются в силе государственные приоритеты по развитию системы образования (особенно инженерного, математического и естественнонаучного), по привлечению в страну высококвалифицированных кадров из-за рубежа, а также по созданию физической и цифровой инфраструктуры. Также подчеркивается, что выделение приоритетных областей исследований не означает отмены необходимости финансирования государством широкого спектра фундаментальных исследований, некоторые из которых могут в будущем стать источниками стратегических прорывов.

Приоритет содействия развитию человекоориентированных некоммерческих секторов – образования и здравоохранения – является незыблемой основой американской экономической политики. В 2011 г. расходы на образование в США составляли 6,9% ВВП, из них государственные расходы – 4,7% ВВП. Расходы на здравоохранение составляют около 18% ВВП, что является одним из самых высоких показателей в мире. Администрация Б. Обамы добилась проведения беспрецедентной по масштабам реформы здравоохранения, результатом которой должно стать значительное увеличение количества лиц, имеющих медицинскую страховку, а также повышение эффективности работы системы здравоохранения.

В оставшийся год своего президентского срока Б. Обама уже не стоит перед необходимостью вывода экономики из кризиса и не связан проблемами перспектив собственной избирательной кампании. Поэтому он пытается провести в жизнь некоторые социальные и экономические меры, которые он считал приоритетными с самого начала своего пребывания в должности, но вызывающие сильное сопротивление у республиканцев. К ним относятся, в частности, иммиграционная реформа и комплекс мероприятий по поддержке среднего класса и борьбе с неравенством.

В ноябре 2014 г. президент Б. Обама объявил о существенных изменениях в иммиграционном законодательстве, которые он намерен осуществить в обход конгресса, задействовав президентские полномочия. Среди предложенных президентом изменений – усиление контроля на границах, меры по привлечению высококвалифицированных иностранных специалистов и легализация статуса около 5 млн. чел., которые находятся в стране незаконно.

В русле борьбы за увеличение доходов среднего класса Б. Обама 29 июня 2015 г. поднял пороговое значение годовой заработной платы, ниже которого оплата сверхурочных происходит в полуторном размере, с 23660 до 50440 долл. в год. Изменения должны окончательно вступить в силу в 2016 г. Несмотря на то, что в ответ многие работодатели, скорее всего, уменьшат часы сверхурочной работы, на повышение оплаты труда могут претендовать около 5 млн. человек. В то же время, уменьшение сверхурочных часов может привести к некоторому росту занятости в краткосрочной перспективе.

Летом 2015 г. была поставлена точка в вопросе о законности реформы здравоохранения. Верховный суд США принял решение о том, что предоставление субсидий для покупки медицинской страховки на федеральных биржах является столь же законным, как при ее приобретении на биржах, учрежденных штатами. Это решение означает, что республиканцам не удалось остановить реформу здравоохранения, и она будет продолжаться.

Осенью 2015 г. межпартийная борьба в Конгрессе вступила в новый виток, однако по уже хорошо известному сценарию. Демократические и республиканские конгрессмены в нижней палате опять не могли достичь согласия в вопросе финансирования правительства на следующий финансовый год, что угрожало закрытием государственных учреждений, как это уже произошло в 2013 г. В конце сентября спикер палаты представителей республиканец Дж. Бейнер объявил о своем решении уйти в отставку, объяснив это, в частности, разногласиями с консервативно настроенными членами республиканской партии по бюджетным вопросам и непрекращающимися межпартийными склоками. Временный бюджет правительственных учреждений (сроком до 11 декабря) был в итоге принят 30 сентября, за считанные часы до окончания финансового года, причем в нарушение обычной процедуры Сенат первым одобрил этот законопроект из-за сохранявшейся до последнего момента неопределенности в нижней палате. Одновременно снова остро встал вопрос об очередном повышении потолка государственного долга США.

В конце октября между демократами и республиканцами были достигнуты соглашения о бюджете и о потолке госдолга. Конгрессом был принят, а президентом подписан бюджет на два года – до сентября 2017 г. Он предусматривает увеличение финансирования как социальных, так и военных программ в общей сложности на 80 млрд. долл. Одновременно был продлен до марта 2017 г. потолок государственного долга, что означает, что до этого момента казначейство может занимать средства в соответствии со своими потребностями. Решение этих двух вопросов существенно оздоровило ситуацию вокруг бюджетных проблем в конгрессе. Следующее обсуждение годового бюджета придется уже на время после президентских выборов. Голосование по бюджету было последним в карьере бывшего спикера нижней палаты Джона Бейнера, на смену которому пришел республиканец Пол Райан.

В 2015 г. в американской экономике сохранялась некоторая неопределенность и неустойчивость, пронизывающая буквально все важнейшие сферы, и проявляющаяся в низкой инвестиционной активности бизнеса и недостаточной силе потребительского спроса. С количественной стороны это выражается в относительно медленном росте ВВП, неадекватном нормальному росту в эту фазу цикла. После кризиса 2008-2009 гг. экономика США росла в среднем чуть больше чем на 2% в год, что значительно ниже среднего долгосрочного значения роста этого показателя, составляющего 3,24% с 1947 г. по настоящее время. (3,8% – в 1992-2000 гг., 2,7% – в 2002-2007 гг.). Таким образом, произошел переход американской экономики к новому, более медленному сценарию роста. Как всегда в течение длительного периода роста (который продолжается уже около шести лет) появляется опасность неожиданного сваливания в рецессию, однако в настоящее время мы оцениваем вероятность этого невысоко, поскольку по всем показателям экономика США еще не исчерпала резервов роста в нынешнем цикле. В условиях нестабильной ситуации в мировой экономике США являются, и в ближайшие годы будут оставаться опорой мирового экономического роста.

Замедление роста является неизбежным спутником исторических периодов, во время которых происходит корректировка накопившихся структурных дисбалансов, значительная перестройка производственной базы и перенастройка экономики в соответствии с новыми потребностями развития. Представляется, что в настоящее время в США происходит структурная перестройка финансовых, научно-технологических, организационных, управленческих и социальных механизмов функционирования экономики.

Продолжают вводиться в действие и оттачиваться новые формы финансового регулирования и обеспечения финансовой стабильности, которые касаются всех аспектов финансовой жизни, от новых требований к капиталу и деятельности банков и финансовых организаций до регулирования финансовых рынков и защиты потребителей финансовых услуг. Идет реструктуризация внутри компаний, в ходе которой они приспособляются к новым потребностям и научно-техническим и организационным возможностям, ликвидируют старые и создают новые рабочие места и процессы, качественно отличающиеся от тех, которые были утрачены в результате кризиса и его последствий.

В стране назрела необходимость широкомасштабного обновления инфраструктуры, как на общенациональном, так и на региональных уровнях, осознается неизбежность проведения реформы налогообложения, проводится крупнейшая за всю историю США реформа системы здравоохранения. Дефицит кадров нужной квалификации свидетельствует о необходимости совершенствования иммиграционного законодательства и улучшения собственной системы образования.

Несмотря на то, что проведение в жизнь больших общенациональных реформ сильно затруднено межпартийным противостоянием в конгрессе, решение вышеназванных проблем будет в ближайшем будущем находиться в фокусе американской экономической политики.

Таблица 15. Основные показатели экономики США, %

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ВВП	1,8	-0,3	-2,8	2,5	1,6	2,2	1,5	2,4	2,5	2,5-2,8
Промышленное производство	2,5	-3,4	-11,3	5,7	3,0	2,8	1,9	3,7	1,6	1,8-2,0
Потребительские расходы	2,2	-0,3	-1,6	1,9	2,3	1,5	1,7	2,7	3,2	3,5-3,8
Частные производственные капиталовложения	-3,1	-9,4	-21,6	12,9	5,2	10,6	4,5	5,4	5,2	5,4-5,8
Инвестиции в жилье	-18,8	-24,0	-21,2	-2,5	0,5	13,5	9,5	1,8	8,5	5,0-9,0
Государственные расходы и инвестиции	1,6	2,8	3,2	0,1	-3,0	-1,9	-2,9	-0,6	0,6	0,4-0,8
Потребительские цены*	2,8	3,8	-0,4	1,6	3,2	2,1	1,5	1,6	0,2	1,5-2,0
Уровень безработицы**	5,0	7,3	9,9	9,3	8,5	7,9	6,7	5,6	5,0	4,7-5,0
Дефицит счета текущих операций, в % к ВВП	4,9	4,7	2,7	3,0	3,0	2,8	2,2	2,2	2,5	2,4-2,7

*Индекс, включающий расходы на энергоресурсы и продовольствие.

** Доля в экономически активном населении, на конец года

Япония

Экономическая конъюнктура в Японии в 2015 г. была весьма неустойчивой. Год начинался значительным подъёмом: прирост ВВП в первом квартале составил 9% на годовом уровне благодаря частным капиталовложениям, жилищному строительству (приросты, соответственно, на 12,2% и 8,4%) и значительному увеличению экспорта (на 9,3%).

Уровень цен на рынке потребительских товаров начал повышаться, позволяя надеяться на то, что долговременной дефляции цен, наконец-то, приходит конец. Однако подъём не был поддержан личным потреблением населения, а это 2/3 совокупного спроса.

Уже во втором квартале затормозился рост ВВП и промышленного производства, и увеличение государственных инвестиций в инфраструктуру (на них приходится 20% совокупного спроса) не смогло поддержать конъюнктуру. Потребительские расходы населения и частные капиталовложения сократились, экспорт замедлился. В третьем квартале произошло сокращение ВВП и частных инвестиций в основной капитал. По данным за два квартала японская пресса поспешила сделать вывод о начале рецессии.³⁸

В чём причины такого резкого перелома?

Восстановление динамики частных инвестиций на внутреннем рынке было и остаётся одной из главных задач экономической программы кабинета Абэ. Её выполнение идёт плохо, несмотря на обильный приток денежных средств на счета японских корпораций. Благодаря девальвации японской иены и росту экспорта в 2012-2014 гг. корпоративный сектор накопил значительные прибыли. В 2014 г. чистая прибыль компаний в среднем была на 42,1% выше, чем годом ранее.³⁹ Кроме того, свою роль сыграла более высокая капитализация компаний в результате роста фондового рынка, удешевившая банковский кредит.

Крупные корпорации вкладывают деньги не столько в новое оборудование, сколько в покупку земельных участков, недвижимости (помещения для офисов) и строительство. В 2014 г. эти инвестиции выросли на 22,8%. Но в 2015 г. они сократились на 13,1%.⁴⁰ Во-первых, корпоративный сектор реагирует на неопределённую ситуацию в мировой экономике, а именно, на замедление экономического роста в Китае и на ожидаемое повышение процентной ставки Федеральной резервной системы США.

Во-вторых, крупные корпорации дожидаются давно обещанной правительством налоговой реформы. В Японии действует очень высокая ставка налога на прибыль - 32,11%, причём эффективная ставка выше - 34,62%. Такая налоговая нагрузка на финансы компаний побуждает их к оттоку капиталов за границу. Министерство финансов предлагало в 2016 г. снизить официальную ставку до 31% и в 2017 г. опустить её ниже 30%. Но Федерация экономических организаций Японии («Кэйданрэн»), главный лоббист интересов бизнес-сообщества, потребовала как можно скорее понизить её до 30%.

³⁸TheNikkei, November 12; November 21, 2015

³⁹Данные Министерства экономики, промышленности и торговли Японии. www.meti.go.jp

⁴⁰По данным опросной статистики «танкан», которую ежеквартально публикует Банк Японии. Опрос от 1 сентября 2015 г. www.boj.or.jp

Тем временем крупные корпорации продолжают переводить свою текущую и инвестиционную деятельность за границу. Японские корпорации уже вложили в заграничные сети больше, чем в основной капитал в собственной стране. Примерно половина заграничных производственных и сбытовых филиалов расположена в странах Азии, 30% находится в странах Северной Америки.⁴¹

Вложения в заграничные филиалы на 20% финансируются из их же собственных прибылей и на 80% - оттоком капитала из метрополии.

Японские компании продают в странах Северной Америки и Западной Европы готовые промышленные изделия – автомобили, электронику, текстильные товары и пр. Большая часть этих товаров производится в Китае, на Тайване, в Южной Корее и Таиланде. Эти страны, главные партнёры Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, покупают в Японии преимущественно промышленные полуфабрикаты – детали, узлы и компоненты оборудования для сборки автомобилей, электроники, офисного оборудования и реэкспорта готовой продукции не только в развитые страны Запада, но и в богатеющие страны этого региона. Благодаря деятельности японских транснациональных корпораций Азиатско-Тихоокеанский регион стал японской промышленной фабрикой за рубежом.

Снижение промышленного производства во втором и третьем кварталах 2015 г. и замедление экспорта непосредственно связано с замедлением экономического роста в Китае. Ситуация на китайском рынке затронула транспортное машиностроение, производство оборудования связи, компонентов для сборки смартфонов, снизились заказы на металлорежущие станки.⁴² Сокращение спроса на крупнейшем в мире автомобильном рынке Китая угрожает интересам не только японских автомобильных концернов, но и всей экономике Японии.

В 2104 г., впервые за всю послевоенную историю японской экономики, экспорт товаров перестал играть обычную роль движущей силы на выходе из спада. Пусковой механизм роста должен был действовать со стороны внутреннего рынка, но он работает довольно слабо как со стороны инвестиций, так и потребительского спроса.

Стагнация потребительского спроса связана, во-первых, с демографической ситуацией в стране, и во-вторых, с состоянием рынка труда. В настоящее время 26,7% населения Японии старше 65 лет. В стране 6 млн. 800 тыс. пенсионеров, не склонных «развязывать кошельки» после того, как в 2013 г. ставка налога на розничные продажи была поднята с 5% до 8%. Численность населения трудоспособных возрастов будет снижаться из-за старения населения и снижения рождаемости. Как показывает демографический прогноз, ситуация на рынке труда в дальнейшем будет только ухудшаться. По оценке демографов численность работающего населения с 2010 по 2030 г. сократится на 11%.⁴³

При низком уровне безработицы в Японии наблюдается острый дефицит на рынке труда в автомобильных перевозках, розничной торговле и здравоохранении и особенно в строительстве. Из-за нехватки строительных рабочих и квалифицированных инженеров задерживаются тендеры на выполнение государственных инфраструктурных проектов, запланированных для проведения

⁴¹Trends in Overseas Subsidiaries. Ministry of Economy, Trade and Industry, June 2015. www.meti.go.jp

⁴²TheNikkei, September 1. 2015.

⁴³Оценка Национального института народонаселения и социального страхования. TheNikkei, January 25, 2014/

Олимпийских игр 2020 г. в Токио. В правительстве уже не первый год обсуждается законопроект о привлечении иностранных работников (в настоящее время их насчитывается всего 150 тыс. чел.). Принятие этого законопроекта каждый год откладывается из-за опасений о росте преступности среди иностранцев, а также о большой нагрузке на местные бюджеты расходов на жильё для приезжих, их обучение японскому языку, и т. д.

Реформа рынка труда, проведенная в Японии в 2003 г., резко расширила для работодателей возможности нанимать персонал по временным контрактам, сроком до 1 года в промышленности и до 3 лет в сфере услуг.⁴⁴ Целью этой реформы было сделать рынок труда более гибким и эффективным. Исторически сложившиеся, неписанные правила найма и увольнения сковывают трудовые отношения в Японии традицией «пожизненного найма» и оплаты труда по стажу, а не по квалификации работников. Срочные контракты и оплачиваются ниже, и не дают работникам дополнительных льгот, которые положены на штатных должностях. Дискриминация такого рода во многом держится на обычаях. Её нельзя искоренить, но в конце 2012 г. была сделана попытка хотя бы отчасти её смягчить. Новый закон о трудовых контрактах разрешил компаниям переводить работников, нанятых по срочным контрактам, через 3 года в штат. Теперь этим законом, как приманкой, пользуются предприниматели как способом преодолевать дефицит на рынке труда. В последние годы каждый третий наёмный работник в Японии трудится по срочному контракту.

Работодатели нанимают по временным контрактам лиц пенсионного возраста. В 2015 г. 21,3% занятых по найму было старше 65 лет.⁴⁵ Дискриминация по форме контрактов никуда не делась: этим людям платят 60% того, что им полагалось бы по штатному расписанию.⁴⁶

Преодоление дефляции было и остаётся одной из главных задач экономической программы правительства Абэ. Решением этой задачи занимается Банк Японии, проводящий политику количественного смягчения с апреля 2013 г.

Банк Японии ожидает, что выход экономики из дефляции состоится в первой половине 2016 г. Как показало осторожное поведение предприятий и населения, компаниям и домохозяйствам нужно время для того, чтобы отойти от представлений, которые сформировались при длительной дефляции.⁴⁷

После того, как летом 2015 г. были приняты непопулярные законы о разрешении японским силам самообороны вести военные действия за границей, правительство Абэ стало терять поддержку населения. Рейтинг одобрения политики кабинета Абэ понизился с 46% до 35%, но лично Абэ и его партия рассчитывают сохранить поддержку избирателей в 2016 г., когда в стране состоятся очередные выборы в верхнюю палату парламента.

В сентябре 2015 г Синдзо Абэ был переизбран на пост главы правящей Либерально-демократической партии. Понимая ситуацию в стране и учитывая свои политические интересы,

⁴⁴ Разрешено нанимать по срочным контрактам инженерный персонал, врачей и медсестёр, торговых служащих – японцев и иностранцев.

⁴⁵ J CER, September 3, 2015.

⁴⁶ The Nikkei, May 15, 2015.

⁴⁷ The Nikkei, October 3, 2015.

правительство пересмотрело приоритеты своей экономической политики и распределение её мероприятий по срокам. В сентябре 2015 г. была опубликована новая, вторая программа реформ.

Первая программа, принятая в конце 2012 г., была осуществлена не полностью. Проведены реформы в здравоохранении, энергетике и на рынке труда. Начаты решительные реформы в сельском хозяйстве. Но выход экономики из состояния дефляции ещё не состоялся. Не завершена и налоговая реформа.

В новой программе содержится новая иерархия приоритетов. Восстановление экономического роста объявлено более высоким приоритетом, чем оздоровление государственных финансов. Всё внимание в новой программе обращено на стимулирование внутреннего спроса.

Во-первых, новая программа предусматривает реформу налогов на прибыль. Нагрузка на прибыль предприятий должна быть снижена до 25%. Это может подтолкнуть компании тратить свои рекордно высокие нераспределённые прибыли на модернизацию оборудования и повышение зарплат и тем самым стимулировать экономический рост.⁴⁸

В конце октября правительство приняло законопроект о дополнительном бюджете размером более чем в 3 триллиона иен (24,3 млрд. долл.), который должен быть исполнен до конца марта 2016 г. В нём предусматриваются расходы на обновление системы искусственного орошения сельскохозяйственных земель, на развитие здравоохранения и инфраструктуру. Цель этих затрат - стимулирование внутреннего спроса.

В ближайшие два года прибыльные компании получают бюджетную дотацию в размере 420 млрд. иен (3,51 млрд. долл.) для инвестирования и повышения зарплат. Предполагается, что такая дотация заставит компании отказаться от различных способов уклонения от уплаты налогов.⁴⁹ Крупные убыточные компании (их 6 400 из 29 тыс.) будут платить налог на прибыль по упрощённой формуле.⁵⁰ Малые предприятия с годовым доходом до 8 млн. иен платят и будут платить налог по льготной ставке в 15%,

Принято решение отложить до 2017 г. повышение ставки налога на розничные продажи до 10%. Вероятнее всего, ставка будет поднята в несколько приёмов, а для товаров первой необходимости будут приняты льготные ставки.

Во-вторых, в новой программе обозначена амбициозная задача остановить снижение численности населения Японии. Согласно прогнозу Национального института народонаселения и социального страхования, население Японии – 126,9 млн. чел. на октябрь 2015 г. – к 2060 г. может сократиться до 87 млн. чел.⁵¹ В программе ставится задача сохранить численность населения на уровне 100 млн. чел.

Третью позицию этой программы представляет новая промышленная политика, направленная на привлечения инвестиций в экономику Японии. Имеются в виду новейшие информационные

⁴⁸TheNikkei, November 27, 2015.

⁴⁹Налог на прибыли корпораций платят всего 30% компаний (в США и Великобритании - 59%).

⁵⁰Proformastandardtaxation – упрощённый отчёт о прибылях и убытках за вычетом случайных и нерегулярных расходов.

⁵¹Цит. поSaitoJun. Agenda for the Second Stage of Abenomics. JCER, October 6, 2015.

технологии. Но эта часть программы ещё не проработана и формы стимулирования не определены. Поставлен только общий количественный ориентир: при номинальном темпе роста свыше 3% и реальном в 2% довести ВВП страны к 2020 г. до 600 трлн. йен (4,94 трлн. долл.). Правда, по оценке Банка Японии потенциальный темп роста японской экономики не превышает 0,5% в год.⁵²

Государственный долг Японии продолжает расти и достиг 226% ВВП. Японии не угрожает суверенный дефолт, так как иностранным держателям принадлежит менее 10% её облигаций государственного долга. Правительство не считает бюджетную ситуацию опасной, пока финансовые активы частных корпораций (2644 трлн. иен) и финансовых учреждений (3202 трлн. иен) вместе с финансовыми активами населения (2686 трлн. иен) в 8 раз превышают размеры государственного долга (1054 трлн. иен).

Сбережения домохозяйств составляют 1 квадриллион 694 млрд. йен, или 14,23 трлн. долл., причём 72% этой суммы лежит на счетах в частных банках и вложена в полисы страховых компаний. Эти учреждения держат более 90% облигаций государственного долга

Иными словами, частный сектор располагает достаточной суммой сбережений, чтобы поглощать новые выпуски облигаций и оплачивать обслуживание государственного долга.

Принимая свою программу «количественного смягчения», Банк Японии обозначил предельный срок её завершения: время, когда темп инфляции достигнет 2% в год, а 31 октября 2015 г. Банк объявил о расширении масштаба своей программы с 40 до 80 трлн. йен в год.

Правительство связывает надежду на стимулирование экономического роста с заключенным в конце сентября 2015 г. многосторонним соглашением о создании Транс-Тихоокеанского партнёрства (ТТП). Соглашение подписали 12 стран⁵³, на которые приходится 36% мирового ВВП.

Транс-Тихоокеанское партнёрство ставит японскую экономику в ситуацию полноценной рыночной конкуренции и открывает рынок для импорта дешёвого продовольствия, который угрожает фермерам, но выгоден потребителям. По соглашению о ТТП Япония постепенно отменит тарифы на 95% позиций своего импорта, в том числе на 100% промышленных и 88,4% сельскохозяйственных товаров, кроме риса, говядины, свинины и молочных продуктов. По соглашению вводится правило страны происхождения товара, согласно которому при определённой квоте производства в странах ТТП товар будет облагаться пошлиной по льготной ставке.

Кроме того, ТТП предусматривает снижение барьеров для иностранных капиталовложений и открытие для конкуренции таких секторов, которые находятся под протекционистской защитой (в Японии это сельское хозяйство), а также защиту прав интеллектуальной собственности в инновационных отраслях (например, в фармацевтике). По оценке

⁵² The Nikkei, September 29, 2015.

⁵³ Переговоры о ТТП начались в 2012 г., Япония присоединилась к ним в 2013 г. 12 участников ТТП - Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили и Япония.

американского Института мировой экономики Петерсона, благодаря участию в ТТП к 2025 г. экспорт товаров из Японии возрастет на 140 млрд. долл. (примерно на 20%).

Политическое значение ТТП не менее важно, так как это соглашение является существенной вехой в развитии экономической интеграции в огромном Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ситуация в японской экономике в 2015 г. была нестабильна и очень сильно зависела от конъюнктуры в мировой экономике. Поэтому опубликованные осенью 2015 г. прогнозы на 2016 г. укладываются в широкий диапазон.

Ведущий в стране Японский центр экономических исследований (JCER) опубликовал среднесрочный прогноз-катастрофу. Потенциальный темп роста ВВП в 2015 г. будет ниже 1% и к 2020 г. упадет до 0,2%. Причина – тяжелая демографическая ситуация. К 2020 г. государственный долг возрастет до 260% ВВП. В конце 2020-х гг. наступит экономический коллапс.⁵⁴

Развернутый прогноз JCER по кварталам до 2017 г. содержит следующие параметры.⁵⁵

	2015	2016	2017
Годовые приросты ВВП, %	0,2	0,9	0,6
Годовые приросты промышленного производства, %	-0,2	1,6	1,6
Темп инфляции (по индексу оптовых цен), %	-2,0	-0,2	2,0
Темп инфляции (по индексу розничных цен), %	0,5	2,6	2,0
Курс йены к доллару	121,0	124,3	125,2
Цена нефти на мировом рынке (WTI, \$/barrel)	50,0	52,1	54,6
Биржевой индекс Nikkei Average	19 241	19 839	20 548
Темп прироста ВВП США	2,4	2,6	2,5
Темп прироста ВВП Китая	6,9	6,6	6,2

⁵⁴The 42nd Medium-term Economic Forecast, FY2015-2030. JCER, August 2015. www.jcer.or.jp

⁵⁵Данные за календарные годы. Summary of the 164th Quarterly Forecast, Japan Center for Economic Research, November 25/ 2015. www.jcer.or.jp

Банк Японии опубликовал консенсус-прогноз членов своего правления. Темп роста ВВП в 2016 г. составит 1,2-1,6%, в 2017 г. 0,1-0,5%. В дальнейшем (2016-2023 гг.) рост ВВП ожидается в пределах 1,5-2,0% в год. Инфляция в 2016 г. достигнет 1,8%, в 2017 г. 3,3%, в дальнейшем около 2% в год.⁵⁶

В последнем прогнозе ОЭСР для Японии содержатся менее оптимистические цифры: темп экономического роста поднимется с 0,5% в 2015 г. до 1% в 2016 г, но в 2017 г. может снова снизиться до 0,5%, так как повышенный налог на розничные продажи вызовет сокращение потребительского спроса. Прогноз инфляции – 1,5% в 2017 г.⁵⁷

Эти прогнозы не предвещают катастрофы, но предсказывают, что, по крайней мере, одна важная задача экономической политики – выход из долголетней дефляции – будет решена.

⁵⁶Outlook for Economic Activity and Prices. The Bank of Japan, October 2015. www.boj.or.jp

⁵⁷Japan - Economic forecast summary (November 2015) www.oecd.org

Китай

Экономическая ситуация в Китае в 2016 г. будет стабильной – масштабный кризис и жесткая посадка маловероятны. Своеобразной страховкой от экономических потрясений выступают золотовалютные резервы Китая, объем которых по состоянию на август 2015 г. составил около 3,5 трлн. долларов. Вместе с тем, не исключены отдельные негативные явления, связанные с последствиями кризиса на фондовых рынках Китая, а также с традиционными проблемами китайской экономики.

Позитивным фактором, поддерживающим экономический рост, будет выступать внешняя экспансия китайского капитала, осуществляемая в рамках концепции «Один пояс, один путь» (Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXIв.).

Однако положительные результаты реализации этой концепции смогут проявиться в среднесрочной и долгосрочной перспективе. В пределах 2016 г. вклада «ОПОП» в экономическое развитие Китая будет недостаточно для компенсации негативных факторов, основными из которых являются следующие:

- Снижение спроса на китайскую продукцию на основных экспортных рынках.
- Недостаточные темпы прироста внутреннего потребления.
- Снижение конкурентоспособности китайских товаров из-за роста внутренних издержек, прежде всего, затрат на рабочую силу.
- Сохранение избыточных промышленных мощностей и выпуска продукции внутри Китая.
- Охлаждение рынка недвижимости.
- Рост задолженности региональных правительств.
- Антикоррупционная кампания.

Внимание китайского правительства в 2016 г. будет сосредоточено на решении **традиционных и новых** проблем китайской экономики.

Главные традиционные проблемы связаны с тем, удастся ли правительству поддерживать **оптимальный баланс** в следующих сферах:

- **в экономике:** прежде всего, баланс между сохранением относительно высоких темпов экономического роста, обеспечивающим занятость и развитие отсталых территорий; постепенным переходом на инновационную модель (ведущую к высвобождению рабочей силы); защитой окружающей среды, т.н. «зеленой экономикой».
- **в финансовой сфере:** баланс между эффективным использованием государственных финансовых инструментов; развитием частной инициативы; проведением либеральных рыночных реформ в банковском секторе и на фондовом рынке.

- **в социальной области:** задача обеспечения социального равенства находится в противоречии с расширением сферы действия частной инициативы. Обогащение богатых приводит к увеличению разрыва не только между ними и бедными, но и между богатыми и креативным средним классом. В этих условиях актуализируется задача поддержания баланса между концентрацией богатства в достаточно узких социальных слоях, с одной стороны, и созданием «социальных лифтов» как для бедных, так и для нового среднего класса, с другой.

Главные новые проблемы связаны с последними важнейшими китайскими новациями: борьба с коррупцией и реализация «ОПОП».

- **Коррупция:** необходимость баланса между продолжением всеохватывающей борьбы с коррупцией, с одной стороны, и недопущением «перегибов» и ошибочных решений, а также нейтрализацией испуга чиновников, который парализует их повседневную работу по принятию важных для бизнеса и общества решений, с другой.
- **Один пояс, один путь – экономическая составляющая.** Главный риск видится в невозможности финансирования проектов в случае кризиса в китайской экономике. В этой связи актуальной становится задача нахождения **оптимального баланса** между государственными средствами финансирования «ОПОП»; частными китайскими ресурсами; международными возможностями поддержания китайской инициативы. **Один пояс, один путь – политическая составляющая:** важно поддержание баланса между различными (финансовыми и иными) инструментами воздействия на страны-партнеры. Одних финансовых вливаний будет недостаточно для формирования нового восприятия Китая в странах-партнерах по «ОПОП». Потребуется более активное использование инструментов «мягкой силы»

Китайский фондовый кризис 2015 г. сохранит свое негативное влияние и в 2016 году. Главные источники финансирования китайского бизнеса – банки, пока не испытывают серьезных проблем с погашением выданных кредитов.

У Китая существуют институциональные (госбанки) и финансовые (золотовалютные резервы) возможности защиты экономики от кризиса.

Вместе с тем, главные риски 2016 г. видятся в следующем:

- **Экономические риски:** у компаний, зарегистрированных на фондовом рынке, снижается капитализация, что, соответственно, уменьшает их возможности кредитования. Это более чувствительно для тех компаний, которые работают с частными банками.
- **Социальные риски:** индивидуальные инвесторы на рынке акций теряют деньги, у них возникают проблемы с возвратом банковских кредитов. Может возникнуть социальное недовольство, направленное против властей, которые **«не могут управлять ситуацией»**.
- **Девальвация юаня:** если фондовый кризис продлится долго, то это может привести к девальвации юаня и вызвать соответствующие дисбалансы в китайской экономике в

пользу экспортеров (которые зарабатывают на слабом юане) против интересов импортеров. Однако в случае коррекции фондового рынка в сторону повышения стоимости акций, спрос на китайскую валюту также будет скорректирован в сторону повышения, что может вызвать рост курса юаня.

- **Биржевые уроки:** нынешний кризис показал китайским инвесторам, крупным и индивидуальным, как важно выбирать осмотрительную линию поведения при торговле акциями, как важно иметь диверсифицированные пакеты акций. Риск видится в том, что эти уроки могут быть недостаточно учтены в последующей работе инвесторов на бирже.

Вероятное развитие ситуации на фондовых рынках Китая может пойти по нескольким направлениям.

Худший вариант – кризис на фондовом рынке распространяется на всю экономику. Происходит существенная девальвация юаня. Сокращаются золотовалютные резервы. Углубляются до критического уровня диспропорции между экономикой (потребность в капитале) и фондовым рынком и банковской системой (предложение капитала).

Экономический кризис усугубляется социальной нестабильностью – недовольные потерей денег индивидуальные инвесторы провоцируют социальные беспорядки.

Внутренние проблемы негативно влияют на реализацию стратегии «ОПОП» и уменьшают ресурсы Китая для проведения активной внешней политики.

Однако у Китая есть ресурсы для того, чтобы избежать такого разворота событий: большая доля финансирования через государственные банки, крупные золотовалютные резервы, в целом сохранение доверия населения к власти.

Наиболее вероятный вариант. Фондовый рынок сам нащупывает дно и осуществляет коррекцию. Государство осуществляет **ограниченное вмешательство** в работу фондового рынка без административных ограничений, с помощью продолжения реформ фондового рынка.

Механизм восстановления: инвесторы следуют за игрой государства на повышение и верят в продолжение либерализации фондового рынка.

Это не будет окончательным восстановлением рынка, вслед за коррекцией может последовать новый спад. Однако, это укрепит доверие инвесторов к китайским властям, показывающим приверженность реформам.

Отказ от реформ был бы новым сигналом к тому, что от китайских акций надо избавляться, что повлекло бы за собой новые обвалы рынка.

В случае дальнейшего обвала фондового рынка до критического уровня в 50-70% у Китая сохраняются упоминавшийся выше рычаги блокирования рисков распространения кризиса на экономику (золотовалютные резервы, банковская модель финансирования, большая роль государственных банков, и, что особенно важно для инвесторов, приверженность правительства продолжению реформ).

Вместе с тем, однозначно ответить на вопрос, переоценен или нет китайский фондовый рынок – затруднительно. Существуют факты, свидетельствующие о его недооценённости.

Во-первых, сохраняются ограничения на приток иностранного капитала. Отсюда можно предположить, что при полной либерализации количество игроков и капитала увеличится.

Во-вторых, кризис на рынке недвижимости не закончился – тенденция к удешевлению коммерческих и жилых помещений сохраняется. Отсюда можно заключить, что приток инвестиционного капитала из сектора недвижимости на фондовый рынок не закончен.

В-третьих, даже принимая во внимание снижение котировок и капитализации, падение не достигло своего дна – минимальные значения наблюдались в 2008 и 2013 годах. При этом в 2007 г. общая капитализация фондового рынка Китая составляла примерно 120% ВВП – т.е. падение в 2008 г. было гораздо серьезнее, чем в 2015 г., однако, не привело к катастрофическим последствиям.

В-четвертых, поскольку народный банк Китая продолжает политику удешевления кредитов (снижение учетной ставки, норм резервирования и т.д.), то можно предположить, что часть кредитных ресурсов вернется на фондовый рынок.

В-пятых, на конец 2014 г. китайские домохозяйства держали в акциях примерно 10% своих сбережений (все остальное - наличные и недвижимость). При развитии сектора услуг в целом и финансовых услуг в частности на фондовые рынки придет дополнительный капитал. В пользу этого говорят и планы китайского правительства по расширению квот для размещения капитала на фондовом рынке китайскими пенсионными фондами.

Вместе с тем, влияние фондового кризиса на китайскую экономику, конечно же, прослеживается.

Во-первых, общее количество компаний, чьи акции торгуются на китайских биржах – примерно 3 тыс. Падение их котировок приведет к уменьшению закупок оборудования, остановке программ расширения, уменьшению объема получаемых кредитов.

Во-вторых, Китай тратит на поддержку фондового рынка золотовалютные резервы. Например, в августе 2015 г. объем золотовалютных резервов сократился на 94 млрд долларов. Вместе с тем, точного ответа, какой объем ЗВР необходим стране – нет. В соответствии с разными теориями считается, что объем ЗВР должен покрывать 100% краткосрочного внешнего долга (на конец 2013 г. соответствующий показатель для Китая составлял примерно 600 млрд. долл.) или – денежный объем импорта за три месяца (примерно 600 млрд. долл.). И в первом и во втором случае – объем ЗВР Китая избыточен. Такой объем ЗВР нужен правительству Китая как страховка на случай серьезного экономического кризиса.

На фоне фондового кризиса обострилась дискуссия о необходимости реформы финансового сектора. Основной аргумент «за» - реформирование и либерализация финансовой сферы отстает других секторов экономики и тормозит их развитие. В целом в 2016 г. китайское правительство будет по-прежнему придерживаться либерального плана развития китайской экономики.

Индия

2015 год - первый год пребывания у власти правительства во главе с Нарендрой Модии характеризовался в целом положительными тенденциями в экономике, и «активистской» многовекторной внешней политикой премьер-министра. Она создавала в стране и мире образ деятельного прагматика, решительно настроенного на преодоление «стационарной динамики» развития, сформировавшейся в последние годы правления правительства Манмохана Сингха (2004-2014). Эта инерция положительного восприятия деятельной «команды» новых политиков определенным образом повлияла на прогнозы экономического роста Индии в 2016 г.

Так, обычно сдержанный «Economist Intelligence Unit» полагает, что темпы роста индийской экономики в 2016 г. возрастут до впечатляющих 7,7%, что позволит правительству Н.Модии спокойно пережить социально-политическую «турбулентность» в отдельных штатах. Еще более оптимистичным выглядит прогноз Всемирного банка 7,9 %. Положительный настрой в отношении перспектив индийской экономики поддержали эксперты ООН: согласно их оценке, экономический рост в Индии в 2016 г. будет не ниже 7,7%. Обосновывая свой сценарий, эксперты МВФ ссылались на положительный эффект институциональных реформ (видимо, речь идет о преобразовании Плановой комиссии Индии), стимулировавших рост инвестиций в экономику. Однако прогнозы МВФ в отношении роста индийской экономики выглядят сдержанно: рост прогнозируется в 7,5%.

Явным диссонансом прозвучала оценка специалистов рейтингового агентства Moody's, предсказавших замедление темпов роста индийской экономики до 7% и предложивших свое объяснение подобному сценарию. Согласно Moody's, на поведение индийской экономики в 2016 г. значительное влияние окажет «малоинтенсивный» муссон (причем второй год подряд), а также «незапланированные» зимние дожди 2014-2015 гг. (которые нарушили сельскохозяйственный цикл). В прогнозе Moody's отмечается: 1) инициативы правительства по модернизации инфраструктуры пока не дали видимых результатов; 2) платежеспособный спрос аграрного сектора все еще находится в «стационарном» состоянии; 3) взаимодействие экономических и политических институтов по-прежнему подвержено влиянию внутренних дестабилизирующих факторов (скорее всего речь идет о растущем социальном нетерпении сельской и городской бедноты). Далее, аналитики Moody's обращают внимание на возможное возобновление роста инфляции («подстегиваемой» нехваткой продукции аграрного сектора).

Эксперты Moody's подчеркивают, что рейтинговое агентство рассматривает аграрный сектор не только как 17% общеиндийского ВВП, но и как способность сельского хозяйства решать проблему занятости и генерировать доходы и накопления домохозяйств, которая по важности значительно повышает роль агросферы в экономической жизни страны.

Дефицит влаги в восточных и северо-восточных штатах составил 13%, в центральной Индии – 9%, в южной/полуостровной части субконтинента – 20%; и только в северо-западной зоне превысил норму на 1%. Аналитики Moody's напоминают: осадки

являются ключевым фактором экономического роста в Индии, где более половины площади сельскохозяйственных угодий зависит от естественного орошения.

Moody's отмечает в качестве позитивных трендов: 1) благоприятное влияние на экономический рост падения цен на энергоносители; 2) слабую зависимость хозяйственной динамики от условий мировой торговли; 3) замедление инфляции до 3,8% летом 2015 г.

Эксперты Moody's подчеркивают: главные риски развития экономики Индии в 2016 г. связаны с возможным замедлением процесса реформ, что зависит от общенационального консенсуса, который неизбежно ослабевает по мере того, как наименее противоречивые меры правительственного плана реализуются и наступает черед преобразований, вызывающих серьезные разногласия в индийском обществе. Несмотря на благоприятный эффект низких цен на нефть и золото, повышение эффективности экономических и социальных институтов, политическая активизация населения затрудняет выход Индии на траекторию устойчивого роста.

Осенью 2015 г. определенно возросло значение социально-политического контекста экономического развития Индии. Толчком послужили неожиданные результаты выборов в законодательное собрание штата Бихар, одного из крупнейших по количеству населения и избирателей в Индии. Бихар делегирует 40 депутатов в федеральный законодательный орган, Народную палату (ЛокСабха), которая насчитывает 540 депутатов. Результаты нынешней кампании оказались для правящей партии значительно хуже, чем итоги парламентских выборов 2014 г.

Выборы в Бихаре могут иметь далекоидущие *внутриполитические* последствия. Голосование (вслед за выборами в союзной территории Дели) показало падение доверия к политической стратегии Бхаратия Джанета Парти (БДП), построенной на трех основных принципах:

- 1) «президентском» стиле политического руководства;
- 2) подчинении региональных выборов общенациональной логике и модели голосования;
- 3) успешной «проекции» эффективного экономического управления премьер-министра и его «команды».

Видимо, прав известный аналитик Канвал Сибал, полагающий, что успех нынешнего премьера будет в немалой степени зависеть от последовательного продвижения правительством Н.Моди «повестки развития», т.е. экономического роста, сопряженного с максимально возможной занятостью и «справедливым» распределением национального дохода в обществе.

Выборы в «проблемном» Бихаре, думается, показали недостаточность высоких показателей экономического роста для благополучия значительных сегментов индийского общества, которые постепенно переходят к политической активности. Помимо этого не подтверждаются ожидания части политической элиты о неизбежности пребывания правительства БДП у власти в течение двух легислатур, т.е. 10 лет, ввиду невозможности для

Индийского национального конгресса (ИНК) оперативно перегруппировать силы и в ближайшее время вновь обрести политическую боеспособность. Определенным препятствием для «беспроблемного» пребывания Н.Моди во главе правительства могут стать противоречия внутри руководства БДП после неудачных выборов в Бихаре.

Подводя итоги полуторагодового правления правительства Н.Моди, аналитики задаются вопросом о профессиональном соответствии некоторых членов «команды» премьера сложности задач, решаемых Индией в условиях растущего социального нетерпения большинства населения, особенно молодежи (18-35 лет). Кроме того есть подозрения, что показатели экономического роста выглядят «столь впечатляюще» вследствие «статистических манипуляций» и что Индия может повторить печальный опыт 2013 г. и 2014 г. после энергичного роста 2010 г. и 2011 г.

Известный индийский экономист А.Найяр считает, что нынешняя мировая экономическая ситуация вряд ли будет способствовать разворачиванию процесса «делай в Индии» и форсированному фундаментальному преобразованию экономики страны. Правительству Н.Моди необходимо изыскивать внутренние ресурсы для поддержания энергичного экономического роста в 2016 г.

В 2016 г. перед правительством стоит задача не только поддерживать темпы роста экономики выше семи процентов в год. Не менее важно снижение дисбалансов развития между индийскими штатами, которые имеют тенденцию к углублению. Попытки же усилить исполнительную власть за счет других институтов^{*}, как показывает опыт страны, контрпродуктивны и не помогут решить проблемы экономического роста и развития.

^{*} Среди индийских интеллектуалов обсуждаются перспективы введения чрезвычайного положения в стране.

7. АНАЛИЗ ДОСТОВЕРНОСТИ ПРОГНОЗА НА 2014 ГОД

Анализ достоверности прогноза МВФ и ИМЭМО на 2014 год показывает, что на этот раз точность прогнозов практически одинаковая.

Таблица 16. Сопоставление прогнозов темпов прироста ВВП с фактическими данными на 2014 г.

	Оценка МВФ	Оценка ИМЭМО	Фактические данные
Весь мир	3,6	4,0	3,4
Развитые страны	2,0	2,1	1,8
США	2,6	3,0	2,4
Япония	1,2	1,8	-0,1
Зона евро	1,0	1,1	0,9
ЕС 28	1,3	1,4	1,5
Германия	1,4	1,8	1,6
Франция	1,0	1,0	0,2
Италия	0,7	0,5	-0,4
Великобритания	1,9	2,0	3,0
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой	5,1	5,7	4,6
Китай	7,3	7,7	7,3
Индия	5,1	5,5	7,3
Бразилия	2,5	3,0	0,1
Россия	3,0	2,5	0,6

Из 15 наблюдений в 8 оказались точнее оценки МВФ, в 2 оценках ошибка одинакова и в 5 – точнее оценки ИМЭМО. Отклонения прогнозных оценок от фактических данных хорошо видны на гистограммах, на которых эти отклонения в ту или другую сторону указаны на оси абсцисс, а доля оценок в процентах, попавших в соответствующий интервал – на оси ординат (диаграммы 1, 2).

Диаграмма 1. Интервалы ошибок прогнозов МВФ на 2014 г., %

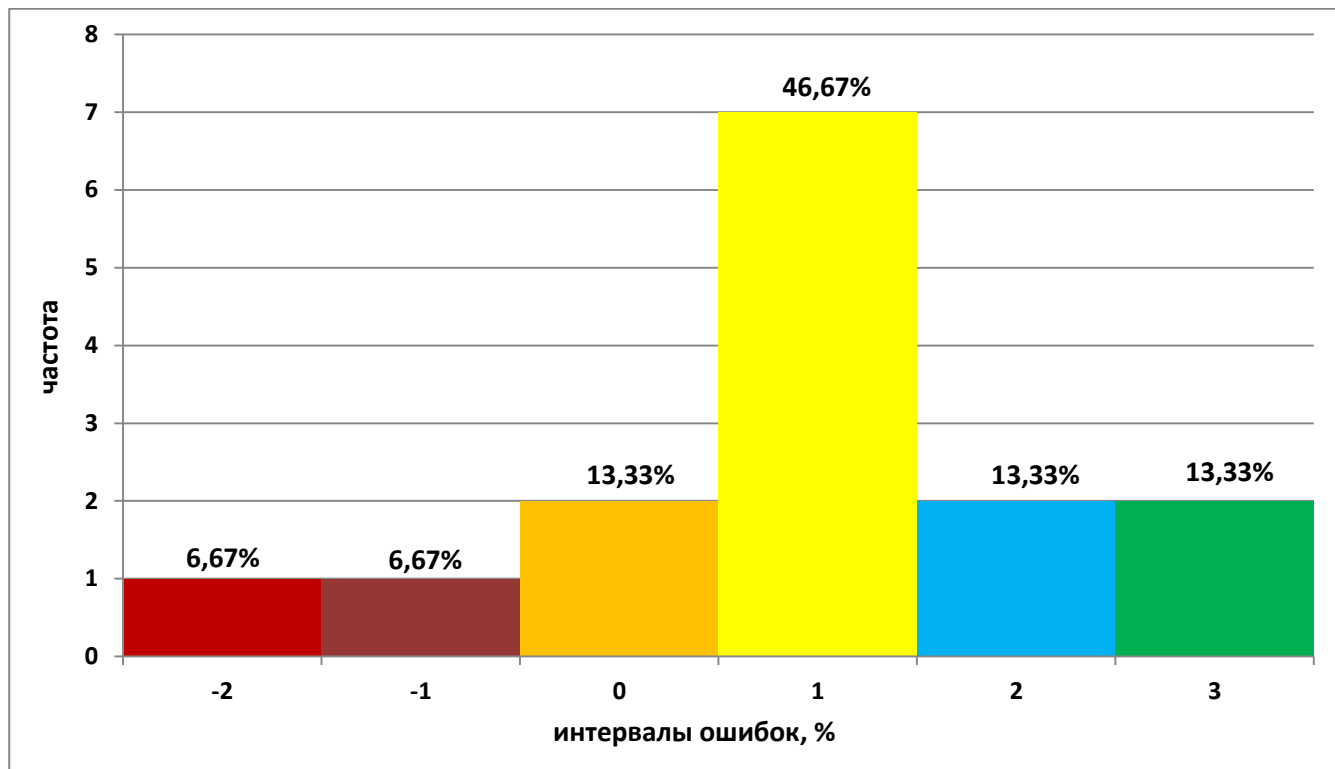
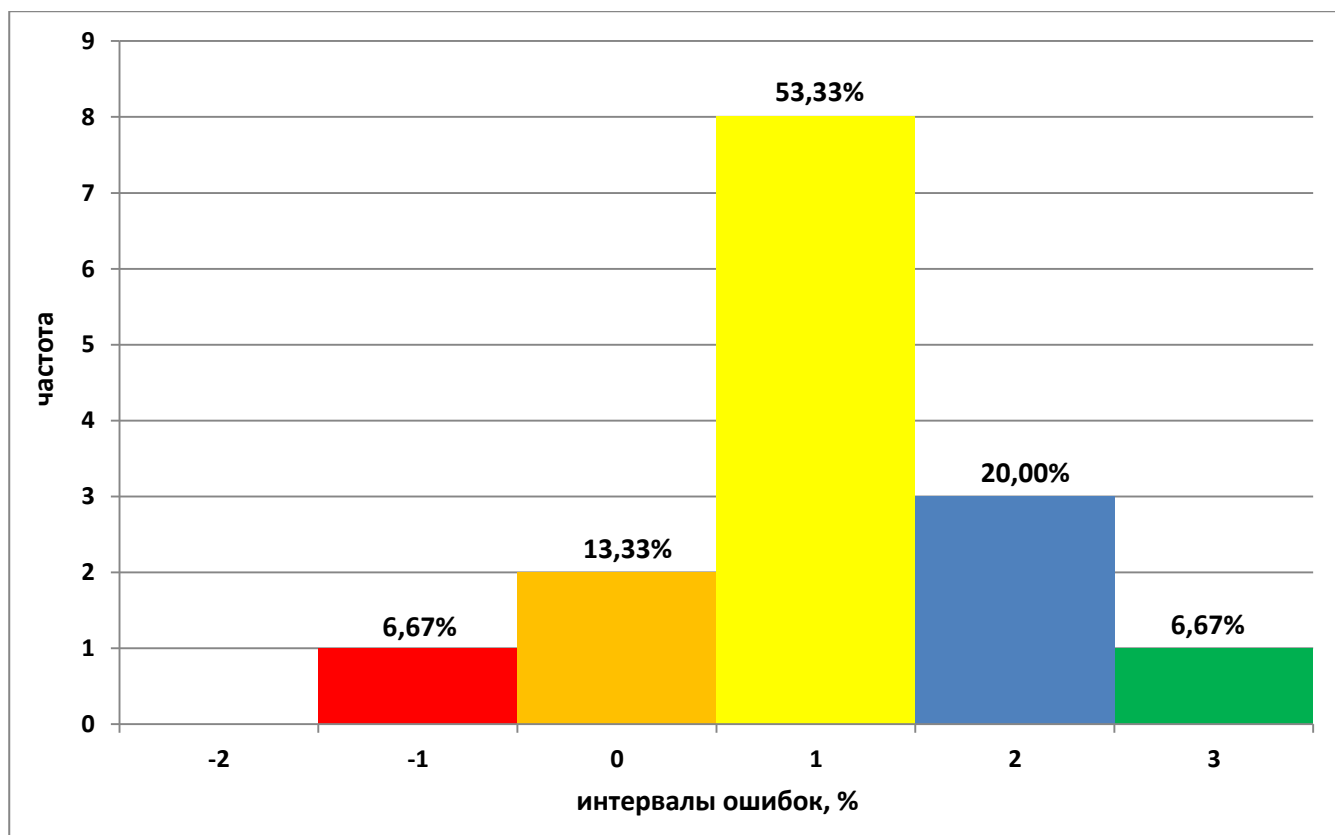

Диаграмма 2. Интервалы ошибок прогнозов ИМЭМО на 2014 г., %

В обоих прогнозах был переоценен потенциал роста мировой экономики. И МВФ и ИМЭМО прогнозировали более быстрый рост, чем это оказалось фактически. При прогнозировании экономического роста в развитых странах обе оценки были практически равны (МВФ – 2,0%, ИМЭМО – 2,1%) и близки реальному росту этой группы стран – 1,8%.

При прогнозировании роста остальных стран мира ошибка оказалась существенной. Прогноз прироста экономики развивающихся стран и стран с переходной экономикой МВФ оценивался в 5,1%, а ИМЭМО – 5,7%. Фактически же этот рост составил 4,6%. Ошибка была связана с более оптимистичной оценкой роста таких крупнейших экономик этой группы стран, как Бразилия и Россия, в которых рост оказался минимальным – 0,1% в Бразилии и 0,6% в России.

Важно понимать, что при прогнозировании определяются правильные тенденции. Самое сложное – количественная оценка выявленных тенденций и ошибка в 0,5-0,6 процентных пункта является очень хорошим результатом.

На диаграммах видно, что в интервал ошибок МВФ -0,6 +0,6% попало 8 оценок (53,33% всех оценок), а в тот же интервал ошибок ИМЭМО попало 7 оценок (46,66% всех оценок). В интервал ошибок МВФ -1,1 +1,1% попало 11 оценок (73,33% всех оценок), в тот же интервал ошибок ИМЭМО попало также 11 оценок (73,33% всех оценок).

Статистический анализ показывает, что стандартная ошибка прогноза ИМЭМО составила 0,98, а прогноза МВФ 0,86. Средний квадрат ошибки прогноза ИМЭМО оказался равным 1,573, а прогноза МВФ 1,438.

ЧАСТЬ II

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

РОССИЯ

Принуждение к взаимодействию

Россия входит в обещающий быть беспокойным 2016 год, не решив внешнеполитических и внешнеэкономических проблем истекших двух лет. Напротив, к ним прибавилось участие в военной операции в Сирии. В какой мере оправдался прогноз ИМЭМО на 2015 г.? Удастся ли переломить негативные тренды, препятствующие переходу страны к устойчивому развитию?

На старте 2016 г. есть положительные моменты. Как и предсказывалось в прогнозе-2015, России и Западу удалось избежать полномасштабной «холодной войны». Хотя диалог Россия-НАТО остается замороженным, военные учения приобрели демонстративно высокую интенсивность, Польша и страны Балтии выступают за размещение дополнительных сил НАТО на своей территории - стороны в целом все же сдержались и не пересекли красной линии, остались в пределах существующей парадигмы взаимоотношений.

России удалось избежать изоляции. Об этом свидетельствуют начавшиеся с осени активные контакты с западными лидерами (А.Меркель, Ф.Олландом, Д.Кэмероном и др.), равно как однозначное заявление госсекретаря Дж.Керри после встречи с В.Путиным в конце декабря: «У США нет конкретной политики по изоляции России».

Главным положительным итогом 2015 года стало возобновление диалога России и Запада. Но диалога во многом вынужденного – у сторон появился «общий враг», однако не прибавилось ни доверия, ни взаимного понимания. В 2016 году недостаток взаимного доверия относительно целей и намерений партнеров в регионе Ближнего Востока может снизить эффективность взаимодействия в борьбе с терроризмом, прежде всего в Сирии и вокруг нее, где ни Россия, ни Запад не способны в полной мере спрогнозировать развитие ситуации. Они предпринимают определенные меры по координации действий – так, 20 октября РФ и США подписали меморандум о безопасности полетов в Сирии, который регламентирует действия всех самолетов и беспилотников в воздушном пространстве этой страны. Но элемент непредсказуемости остается значительным – в том числе по причине вероятных в условиях террористической активности и военных действий инцидентов и потерь. Резкое обострение отношений РФ с Турцией из-за сбитаго российского бомбардировщика, если конфликт все же не будет урегулирован на уровне двух президентов, повлияет на геополитический баланс в регионе, но также будет иметь последствия и для российской экономики, в том числе затрагивая энергоэкспорт.

Украинский кризис уже перестал быть главным стержнем международной жизни и в 2016 году, вероятно, останется на втором плане, как минимум, в силу трех обстоятельств: остроты и приоритетности ближневосточных проблем; очевидной неспособности украинской власти проводить ожидаемые Западом реформы; проявляемой Россией сдержанности. Однако Украина останется «дежурной темой» геополитических и идеологических разногласий между Россией и Западом.

В еще более явной форме в 2016 году проявится взаимное недоверие в сферах энергетической политики и безопасности, в первую очередь в отношениях с Евросоюзом, что особенно беспокоит Россию на фоне падения цен на энергоносители.

Доминантной парадигмой отношений Россия - Запад в 2016 году с высокой вероятностью останется взаимное «принуждение к взаимодействию». С одной стороны, шаги к

восстановлению отношений с Западом, несмотря на антизападный накал пропаганды, вынуждена делать Россия. Это обусловлено экономическим кризисом (сопровожаемым отдельными проявлениями социального протеста, как в случае с акциями «дальнобойщиков»), падением цен на нефть и санкциями, не компенсируемыми, как предполагалось, углублением сотрудничества с Китаем. С другой стороны, не способный эффективно справиться с миграционным кризисом Евросоюз к осени осознал, что единственным, хотя весьма трудным и долгим путем выхода из ситуации является урегулирование конфликтов в странах, откуда идет основной поток беженцев, прежде всего в Сирии. Запад в целом был вынужден признать необходимость взаимодействия с Россией в борьбе с экзистенциальной угрозой исламского фундаментализма и терроризма. «Принуждение» президента США к переговорам осенью 2015 г. во всем мире было признано дипломатическим успехом В.Путина.

Главный вопрос 2016 года - насколько устойчивым окажется начавшийся диалог?

Геополитика – или игра в шашки

Западную, а тем более, российскую текущую политику трудно характеризовать как продуманную долгосрочную стратегию. В 2016 году, на мировой «шахматной доске» стороны будут состязаться в блицтурнире по «дворовым» шашкам на нескольких досках. Что вызывает, как минимум, четыре серьезные проблемы.

Первая – зачастую игра на одной доске «смешивает» игру на другой. Так, подписание договоренностей по ядерной проблеме с Ираном существенно меняет, особенно в среднесрочной перспективе, игру на мировой «энергетической доске». А военное участие России в Сирии – расклад и баланс сил на Ближнем Востоке, в Персидском заливе и на глобальной арене.

Вторая проблема – фигуры нередко переставляют не игроки, а заинтересованные «соседи-болельщики», такие, например, как Турция или Греция (делая это втихую, но иногда и напрямик). Уместен и такой образ: в ситуации цейтнота и лихорадочного поиска решения острых проблем (терроризм, миграция, дефолт) в реальности на первый план нередко выходят игроки второй «региональной», даже третьей «субрегиональной» лиги.

Третья проблема – налетающая гроза (миграционный «потоп» лета 2015 года) может смешать фигуры и даже перевернуть доску, и тогда игра начинается снова.

Наконец, четвертая – в отличие от «шахматной тишины», здесь есть шумный пропагандистский фон, затрудняющий принятие рациональных решений и сам превращающийся в политический фактор.

В международных отношениях доминируют *геополитические* подходы. Однако активизация региональных процессов на фоне и / или в целях компенсации глобализации, резкое обострение проблем безопасности (разного уровня, сути и масштаба, от пандемий до терроризма, кибер и ядерной безопасности) диктуют государствам и их объединениям необходимость использовать гибкие и высоко реактивные подходы к решению международных проблем. Из-за цейтнота, во-первых, нередко снижается ценностная, идейная составляющая политики, а во-вторых, усиливаются противоречия в рамках интеграционных объединений, даже устоявшихся. Самые яркие примеры – расхождения в отношении украинского кризиса стран-членов ЕАЭС, в отношении проблемы миграции или греческого дефолта – в ЕС.

В этих условиях ценностная парадигма становится чрезмерно ригидной, она мешает при принятии решений. Что делает правящие элиты в западных демократиях более уязвимыми

для критики, как слева, так и справа. У внешних же игроков появляются основания для обвинений в ханжестве и лицемерии, для утверждений о несостоятельности европейских ценностей. Цейтнот не дает времени на внутривнутриполитические договоренности и, как результат, популярность радикальных, экстремистских сил растет до опасного для стабильности и внутренней безопасности уровня. Нарушается традиционный, выработанный десятилетиями баланс между внутренней и внешней политикой.

Нынешний подход, как в России, так и на Западе, скорее, можно охарактеризовать как *реальную экспресс – политику* в условиях, которые принято называть «новой нормальностью» (*new normal*). Такой подход снижает предсказуемость, не способствует установлению доверия, но зато в большей степени соответствует взаимодействию «от противного», против общих угроз, *вынужденному взаимодействию*, цели и ориентиры для которого хорошо известны.

Риски такого взаимодействия высоки. В таком практически *ad hoc* формате, даже при наличии «молчаливого согласия», не проговариваются в достаточной степени детали, не предусматриваются в полной мере последствия и реакция других игроков, несоразмерно большую роль играет личностный фактор (Путин-Эрдоган), а сами стороны недостаточно комплексно принимаются во внимание даже свои собственные интересы.

Наиболее рискованной в этом смысле является военная операция в Сирии. Если по вопросу о необходимости борьбы против ИГИЛ позиции сторон совпадают, то в остальном их видение ситуации, и прежде всего мирного урегулирования, существенно различается. Так, западные, да и российские аналитики полагают, что поддерживая правительство Б.Асада и алавитов в Сирии, Россия преследует несколько целей. И укрепить свои позиции в самой Сирии, на Ближнем Востоке, а также в качестве глобального актора. И углубить сотрудничество с Ираном, сблизившимся с США в период завершения переговоров по ядерной проблеме. И принудить Соединенные Штаты к диалогу и переговорам. Очевидно, что повестки контрагентов России в регионе и на Западе отличаются. Различия в целеполагании сторон в таком взаимодействии снижают его ценность, затрудняют его расширение и, тем более, дальнейшую переориентацию на цели развития.

Большая «шахматная доска»

На фоне *реальной экспресс-политики*, на которой будет сосредоточено внимание политических деятелей, общественности и СМИ, в 2016 году получат развитие заложенные в 2013-2015 гг. долгосрочные стратегии ведущих мировых акторов. Именно эти стратегии будут формировать большую глобальную шахматную доску на период ближайших 10-20, возможно и более лет. В мировой политике *начинается реформа глобального управления*.

Действующими лицами здесь в первую очередь являются Соединенные Штаты и Китай, приступившие в 2015 году к реализации ранее заявленных мега-региональных торгово-экономических форматов, которые постепенно будут менять глобальный геополитический ландшафт. Это инициированные Соединенными Штатами Транстихоокеанское партнерство (ТТП) и Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство (ТТИП), а также инициативы Китая – «Экономический пояс шелкового пути» (ЭПШП), и с его участием - Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП).

Хотя на фоне украинского кризиса Соединенным Штатам удалось укрепить в Европе свои позиции, в направлении проекта ТТИП во взаимоотношениях с ЕС в 2015 году не произошло заметных подвижек. Но некоторые новые акценты заслуживают внимания. Ранее настороженные в отношении ТТИП ведущие европейские державы, прежде всего Германия, озабоченные политическими разногласиями и экономическими проблемами в ЕС,

постепенно начинают рассматривать этот проект как инструмент поддержания и сохранения европейской интеграции, пусть даже в тесной связке с США и под их «зонтиком».

А на транс-тихоокеанском направлении Вашингтоном достигнут прорыв. В октябре, после пяти лет переговоров министры торговли США и 11 государств Тихоокеанского пояса (Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Чили и Япония) подписали в Атланте договор о Транстихоокеанском партнерстве (ТПП - Trans-Pacific Partnership, TPP) – крупнейшее за последние два десятилетия соглашение такого рода. ТПП предполагает создание зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что охватит примерно 40% глобального ВВП и около трети мирового торгового оборота. ТПП обеспечит странам-участницам бесполошинную торговлю по большинству товаров и существенно снизит тарифы на остальные продукты. Но это гораздо больше, чем зона свободной торговли – предметом регулирования становится обширный круг вопросов, связанных с охраной интеллектуальной собственности, инвестициями, финансами, таможенным сотрудничеством, сельским хозяйством, медицинской и другими сферами. Будут учитываться проблемы, относящиеся к Интернету и цифровой экономике, а также участию государственных предприятий в международной торговле. Согласно расчетам Института мировой экономики Петерсона, партнерство должно увеличить реальные доходы 12 стран-участников на \$285 млрд к 2025 году [The Economist (www.economist.com/.../21649613-america-inc).], причем 64% от общего прироста ВВП придется на Японию и США.

Текст соглашения, долго державшийся в секрете, был опубликован в начале ноября. Учитывая, что достижение договоренности являлось одной из главных целей уходящего в 2016 году президента США Б.Обамы в экономической сфере, а также то, что Конгресс США в июне 2015 г. принял закон о наделении президента особыми полномочиями при заключении международных торговых сделок для реализации Транстихоокеанского партнерства («Trade Promotion Authority», TPA - «fast track»), эксперты полагают, что ТПП будет ратифицирован в скором времени.

Комментируя заключение соглашения, Барак Обама заявил, что «США не могут позволить таким странам, как Китай, писать правила глобальной экономики» (Reuters). Однако создание противовеса Китаю - лишь часть замысла ТПП. По мнению Нобелевского лауреата по экономике Джозефа Стиглица, ТПП не столько будет способствовать свободной торговле, сколько «управлять торговыми и инвестиционными отношениями его участников, но от лица самых влиятельных бизнес-лобби в каждой из стран». The Economist назвал ТПП «глобальной корпоративной повесткой дня» («global corporate agenda»).

К концу 2015 года оформились также контуры, содержание, а равно и проблемные моменты масштабной инициативы Китая «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП). Заявленный Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. во время визита в Астану (заодно Китай купил тогда долю в крупнейшем нефтяном месторождении Кашаган), спустя два года проект получил экономическое, идеологическое и политическое обоснование как стратегическая долгосрочная концепция Китая «Один пояс - один путь», включающая наземную и морскую версию нового Великого Шелкового пути. Долгосрочный характер концепции не вызывает сомнений, так как в ее основе лежат насущные внутренние социально-экономические потребности Китая, необходимость новых рынков ресурсов, труда, сбыта для китайских компаний, новых рабочих мест. Ведущие российские эксперты рассматривают проект как *новую китайскую Идею и даже идеологию* по инфраструктурному реформатированию глобальной экономики, созданию цепи инфраструктурных проектов, которые свяжут Азию, Европу, Африку и Латинскую Америку. Причем часть объектов уже построена.

Проект охватит 4,4 млрд. человек, объемы промышленного производства в его границах составят 21 трлн. долл. По данным Китайского банка развития в проект «Один пояс – один

путь» будет вложено около 900 млрд. долл., и он охватит 60 стран. Уже создан Фонд развития Шелкового пути в 40 млрд. долл. с возможностью докапитализации. Создан и быстро развивается Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (Asian Infrastructure Investment Bank, АИВ)».

Обращает на себя внимание, что в рамках проекта морские пути должны соединить Южно-Китайское море с Индийским океаном и южной частью Тихого. Для защиты морских путей Китай уже разработал стратегию, согласно которой ВМФ Китая перейдут от защиты территориальных вод к защите интересов Китая в Мировом океане.

Поддерживая высокий уровень политического взаимодействия с Москвой, Пекин одновременно усилил активность в государствах соседях, партнерах и союзниках России (Иран, Казахстан, Белоруссия) что интерпретировалось и западным, и российским экспертным сообществом как усиление конкуренции.

Одновременно, несмотря на противоречия по вопросам безопасности в Южно-Китайском море, Китай активно налаживал связи с Западом. Наиболее эффективным свидетельством растущего политического веса Китая стал королевский – с салютом – прием, оказанный Президенту Си Цзиньпину в Великобритании в октябре 2015 г. Аналитический центр *Stratfor* с некоторым меланхолическим ехидством констатировал, что «спустя два века Китай и Великобритания поменялись ролями». И там же: «Китай с удовольствием воспользуется случаем завязать сепаратные отношения с традиционным ближайшим союзником США в своих усилиях стать глобальной самостоятельной силой». Другим примером этого тренда стало вступление Великобритании, вопреки воле США, в Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), создание которого было предложено Китаем.

В реализации проекта для Китая имеет значение поддержка всех партнеров, и больших и малых. Так, первой европейской страной, вставшей на Шелковый путь, стала Венгрия, подписавшая в июне 2015 г. меморандум о взаимопонимании по строительству «Экономического пояса Шелкового пути». Венгрии была обещана роль «локомотива и лидера развития».

России в проекте отводится не самое значительное место. Пока речь идет о высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва-Казань (будет продолжена до Пекина), контракт на строительство которой выиграла китайская Railway Group. Планируется скоростная дорога между китайской провинцией Гирин и Владивостоком. Есть договоренность о создании Российско-китайского инвестиционного банка. Однако очевидно, что обладая несравненно большими инвестиционными ресурсами, Китай создает серьезную конкуренцию России в странах Центральной Азии, а также в отношениях с Казахстаном. Также очевидно, что ЭПШП может составить серьезную конкуренцию Евразийскому экономическому союзу. Учитывая это, Россия подписала с Китаем совместное заявление о сотрудничестве по «сопряжению» двух проектов. Однако по экспертным оценкам, осуществление такого будет сложной, в том числе в политическом плане, задачей.

В действительности как американские, так и китайские мегапроекты являются не только выражением устремленности к укреплению глобальных позиций и обретению преимуществ в конкурентных отношениях на мировой арене. Они также свидетельствуют о назревшей необходимости коррекции базовых принципов торговых отношений, уходящих корнями в Бреттон-Вудскую систему.

Это предположение подтверждают еще несколько знаковых саммитов и событий декабря 2015 года. ВТО на саммите в Найроби отошла, наконец, от повестки Дохийского раунда. Там же прошли отдельные закрытые переговоры США и ЕС с Китаем, Индией и Бразилией.

МВФ включила юань в корзину специальных прав заимствования (Special Drawing Rights – SDR). Конгресс США одобрил, наконец, реформу МВФ, которая расширяет права голоса Китая, России, Бразилии. Прошел климатический саммит в Париже; хотя на нем не были приняты юридически обязывающие соглашения, эксперты полагают, что он продемонстрировал готовность, в том числе технологическую, к транзиту в новую энергетическую пост-нефтяную эру.

События конца 2015 года свидетельствуют о том, что мировая политэкономия и геополитика входят в переходную фазу к новой пост-Бреттон-Вудской системе – к будущей системе глобального управления. Её становление будет идти параллельно с формированием нового геополитического и геоэкономического баланса, что в существенной мере будет определять и стратегический военно-политический ландшафт 21-го века. Одновременно все мегапроекты, но прежде всего ТТП и ТИПП, ориентированы на переход экономик вовлеченных стран на новый технико-технологический уровень.

Занятая украинскими проблемами и восстанавливающая позиции глобального игрока посредством военного участия в сирийском урегулировании, *Россия в 2016 году вплотную окажется перед жестким вызовом – она рискует навсегда отстать в развитии как современная держава.*

Несмотря на все - причем обоснованные - опасения, не исключено, что для России, качественно отстающей по многим параметрам от Китая и тем более от США, в самом ближайшем будущем реальным форматом участия в глобальной торгово-экономической перестройке является создание зоны свободной торговли в рамках ШОС. О чем и шла речь на саммите организации в декабре 2015. При этом, в формате ЗСТ расширенного ШОС и в случае целенаправленной реализации торгово-экономических и инфраструктурных проектов, соответствующих интересам самой России в рамках инициативы Шелкового пути, ей, возможно, удастся выправить или компенсировать неудачи на иных направлениях – в том числе в ЕАЭС и в отношениях с Евросоюзом. В 2016 году Россией будут также, вероятно, предприняты шаги с целью восстановлению баланса и поиска новых ниш с помощью отдельных двусторонних крупных торгово-экономических прорывов – подобно соглашениям, достигнутым в декабре 2015 года с Индией.

Тем временем, несмотря на существенное снижение безопасности, в мире не предпринимается реальных шагов к реформированию этой сферы. Созданная после второй мировой войны система во главе с ООН пережила развал ялтинской системы и связанные с этим множественные конфликты (включая украинский). Однако конфликты нового поколения (с участием несистемных игроков, подобно сирийскому) требуют незамедлительных действий по совершенствованию *управления сферой безопасности, в первую очередь реформы ООН. И в этой сфере, Россия имеет шансы подтвердить лидерские позиции.*

В отношениях с Западом базовым направлением стратегии России в 2016 году останется преодоление попыток ее изоляции, снятие санкций и нормализация отношений с ключевыми партнерами.

В то же время существенное ухудшение финансово-экономической ситуации в стране, падение курса рубля в отношении доллара и евро, негативные ожидания, связанные с нехваткой западных инвестиций, кредитов и технологий, особенно в перспективе двух-трех лет, оттоком капитала – все это сопровождалось сознательным нагнетанием антизападных настроений, активно поддерживаемых средствами массовой информации, особенно телевидением. Рост этих настроений стал фактором, который руководство России в 2016

году должна будет принимать во внимание при восстановлении диалога с Западом, что будет также обусловлено урегулированием украинского кризиса.

Прогнозировать этот процесс сложно. С одной стороны, Россия в конце 2015 года пошла на уступки по ряду жизненно важных вопросов - по поставкам на Украину зимой газа. Москва предложила реструктурировать долг Украины. Наконец, в ходе декабрьской пресс-конференции Президент Путин высказался по поводу транзита через Украину: «Да, на корпоративном уровне, я сам слышал, в ходе острых дискуссий кто-то говорит: а мы вообще прервём этот транзит. Я не уверен, что это надо делать – прерывать украинский транзит». С вступлением в силу 1 января экономической части Соглашения об ассоциации Украины с ЕС Россия переводит торговлю с ней в стандартный режим наиболее благоприятствуемой нации. С другой стороны, трудно представить, что пока Киевом не будут выполнены условия, касающиеся особого статуса ЛНР и ДНР, Россия в полной мере выполнит положения Минских договоренностей в части границы. С высокой вероятностью в 2016 году конфликт останется в *полу-замороженном* состоянии.

Главной проблемой в 2016 году, и об этом свидетельствуют выборы осени 2015 года, останется собственно ситуация в самой Украине, глубокие внутривластные разногласия и социально-экономический кризис. Похоже, в Европе, прежде всего в Германии, начинают это понимать. На фоне, во-первых, острого миграционного кризиса и усиления террористической угрозы, во-вторых, прекращения боевых столкновений на Востоке Украины и, в-третьих, очевидного пробуксовывания реформ и внутривластного напряжения в самой Украине, в Европе нарастает «усталость» от украинского кризиса, *Ukraine fatigue*. Аналогичное влияние оказывает кризис политики добрососедства ЕС, прежде всего в формате «Восточного партнерства», вызванный как финансово-экономическими проблемами и остротой проблемы миграции в ЕС, так и ставшим очевидным несоответствием этих форматов (негативно воспринимаемых Москвой) ситуации в странах-партнерах и в Европе в целом. В случае если Москва сохранит сдержанность и будет формально придерживаться Минска-2, нельзя исключить, что с лета 2016 года Евросоюз постепенно пойдет на смягчение санкций. Ожидать таких шагов от США до выборов трудно.

Фактором, который будет серьезно осложнять диалог, останутся замороженные отношения РФ с НАТО. В то же время, в случае скоординированных с США действий в Сирии, нельзя исключать постепенного восстановления рабочего взаимодействия с альянсом. В связи с успешными действиями России в Сирии, а на Западе они отчасти интерпретировались и как намеренная демонстрация российской военной мощи, некоторые западные аналитики вновь начали ставить вопрос о необходимости актуализации системы договоров об ограничении и сокращении вооружений - например, договора РСМД (1987 г.). Вряд ли в 2016 году на этом направлении произойдет прорыв, однако в случае постепенной нормализации отношений с Западом вопросы контроля над вооружениями могут вновь стать элементом их кооперативной повестки дня.

Резервом налаживания отношений с Европой в 2016 году останутся крупнейшие корпорации, прежде всего немецкие, итальянские, заинтересованные в снятии санкций и продолжении активного бизнеса в России.

На восточном направлении в 2016 году трудно ждать существенных изменений. Вероятно, будет доминировать возобладавший в 2015 году реалистический подход и оценки состояния и перспектив сотрудничества с Китаем, прежде всего, по энергетическим проектам. Если до недавнего времени Россия пыталась сбалансировать растущую мощь Китая через интеграционные проекты ШОС и БРИКС, то после старта ТТП и ЭПШП подход Москвы к ним может измениться, так как, по сути дела, в обозримой перспективе они единственные

дают России возможность участвовать в процессах торгово-экономической глобальной перестройки. В то же время расширение ШОС за счет Индии и Пакистана, учитывая межстрановые противоречия, затруднит процедуру принятия решений в организации.

На евразийском направлении сотрудничество в рамках расширившегося в 2015 г. ЕАЭС, с одной стороны, позволило России частично ослабить негативное воздействие санкционного режима. В то же время 2015 год очевидно продемонстрировал недостаточность потенциала ЕАЭС и, тем более, СНГ, для реализации региональных и глобальных геополитических стратегических амбиций России. Другое дело, что при полном восстановлении партнерских отношений России с Евросоюзом, формат ЕАЭС мог бы оказаться полезным и интересным для Европы в плане дальнейшей взаимо-интеграции. Однако такой сценарий выходит далеко за рамки 2016 года.

Энергетический вектор. Именно в энергетической сфере наиболее выпукло проявляется вынужденная практика *реальной экспресс-политики*. Резкие политические колебания в отношениях со странами партнерами и их объединениями ставят Россию в положение зависимости от потребителей, транзитеров и конкурентов, что делает страну особенно уязвимой в ситуации падения цен на энергоносители. По сути, к началу 2016 года Россия предлагает энергопроекты *a la carte*. Европа, безусловно, пользуется этой ситуацией, но и там возникли серьезные противоречия в отношении выбора маршрутов транзита.

Развитие ситуации в энергетической сфере – дополнительный аргумент в пользу необходимости диверсификации и структурных реформ в российской экономике, снижения сверхзависимости от нефтегазовых доходов.

В 2016 году, несмотря на, а скорее, благодаря крайне сложной ситуации на Ближнем Востоке, угрозе терроризма и исламского экстремизма, вынужденное взаимодействие в сфере безопасности и диалог России и Запада будут продолжены. Их развитие может привести к нормализации отношений, восстановлению сотрудничества в целях развития и модернизации. Но этот сценарий не предрешен.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Внутренняя политика

Президентская предвыборная гонка

В 2016 году стержнем внутривнутриполитической жизни США станет кампания по избранию нового президента. Предвыборная логика будет определять повестку дня Конгресса и обеих партий.

В борьбе за электорат партии и их кандидаты вынесут на первый план все самые острые вопросы как внутренней, так и внешней политики, давая самые невероятные обещания. В силу общественного недовольства и разочарования, а также идеологической поляризации партий избирательная кампания уже характеризуется существенным успехом внесистемных кандидатов. Эти политики-аутсайдеры – правоконсервативные Дональд Трамп и Бен Карсон у республиканцев и ультралевый, по американским меркам, сенатор от Вермонта Берни Сандерс у демократов - стали лидерами формирования повестки кампании, способствуя радикализации позиций других кандидатов.

Одновременно радикальные аутсайдеры открыли возможность более умеренным кандидатам выступить на контрасте с ними рациональными и системными игроками. Между двумя радикальными полюсами находятся 13 кандидатов от Республиканской партии и два демократических кандидата. Республиканские кандидаты в своем большинстве борются за внимание консервативного электората, соревнуясь друг с другом в радикальных предложениях, основная суть которых – отменить все, что сделал Обама, и вернуть страну назад в «дообамовскую эпоху».

Такой ситуацией могут воспользоваться Хиллари Клинтон (Демократическая партия) и Марко Рубио (Республиканская) и стать фаворитами гонки. Рубио – сенатор от штата Флорида выступает с более умеренными позициями, чем большинство его соперников по партии, что делает его наиболее приемлемым кандидатом для партийных функционеров. Он молод, при этом уже заработал себе уважение в партии и в Конгрессе, его латиноамериканские корни и умеренная позиция в отношении иммиграционной реформы могут помочь Республиканской партии привлечь латиноамериканский электорат, голоса которого очень нужны обеим партиям для победы. Партийная элита рассчитывает, что он не только сможет объединить республиканский электорат на этапе праймериз, но и на этапе межпартийной борьбы привлечь умеренных независимых избирателей и таким образом противостоять Хиллари Клинтон, как наиболее вероятному демократическому кандидату.

Х. Клинтон устойчиво остается самым популярным кандидатом, обгоняя своих однопартийцев на десятки процентов. За ней весь женский электорат Демократической партии. Она вполне успешно завоевывает поддержку афроамериканцев и латиноамериканцев благодаря леволиберальной риторике, которую она добавила в свою кампанию, конкурируя с Сандерсом за левую часть электората, избиравшего Обаму. Но Клинтон – профессиональный политик, она легко проявляет гибкость и готова поддержать то, против чего раньше выступала. А это – как раз то, от чего хотят избавиться американские избиратели в надежде изменить Вашингтон. Ее успех на последнем этапе выборной гонки будет во многом зависеть от способности сделать невозможное: предложить золотую середину, которая устроит оба полюса Америки.

Повестка уходящего Президента

Президент Б. Обама в предвыборном ажиотаже будет постепенно превращаться из активного игрока, определяющего внутривнутриполитический процесс, в фоновую фигуру избирательной кампании многочисленных претендентов на Белый дом, однако для него будет остро стоять задача закрепления результатов своего президентства во внутренней и внешней политике.

В социально-политической сфере для Обамы приоритетным будет продвижение результатов деятельности двух его администраций, составляющих его политическое наследие и имеющих долгосрочное влияние на развитие страны:

- историческая реформа системы здравоохранения, которую Обама смог не только провести, но и закрепить решением Верховного суда;
- реформа финансового регулирования, которая, несмотря на республиканские поправки, серьезно изменила правила игры;
- борьба за равные права граждан, которая привела к решению Верховного суда о легализации однополых браков.

Жесткое противостояние с республиканским Конгрессом, которое лишь обострится в связи с предвыборной кампанией, не позволит Президенту совершить каких-то серьезных реформаторских прорывов перед уходом. В фокусе внимания администрации будут находиться, как минимум, две ключевых темы: *иммиграционная реформа* и проблемы регулирования миграции; вопрос о возможных *ограничениях в области оборота огнестрельного оружия*.

Обама намерен довести до конца свой план по предоставлению легального статуса миллионам иммигрантов, нелегально находящихся на территории США. В связи с тем, что проект реформы иммиграционной системы был блокирован республиканским Конгрессом, Обама решил проводить реформирование через президентские исполнительные акты. Он рассчитывает до конца своего президентства получить решение Верховного суда в поддержку уже принятого указа о легализации 5 млн. мигрантов и начать его реализацию. По Конституции иммиграционная политика находится в ведении федерального правительства. Можно предположить, что Верховный суд поддержит в этой борьбе именно Президента, а не штаты, правительства которых пытались отменить действие президентских актов, и Конгресс.

Маловероятно, что в запале предвыборной гонки Конгресс откажется от критики Президента и, вместо того чтобы обвинять его в имперских замашках и нарушении Конституции из-за расширения использования такого инструмента как исполнительные акты, передаст ему на утверждение проект комплексной иммиграционной реформы. В 2016 г. вопрос легализации нелегальных иммигрантов, условия которой вполне можно было бы согласовать так, чтобы они устроили и демократов, и республиканцев, перешел в плоскость институциональной и партийной конкуренции.

Конгресс сделает все, чтобы заблокировать инициативы Президента в области иммиграционной политики. И дело здесь не в различиях позиций между партиями. В условиях растущего латиноамериканского электората обе партии хотят сделать иммиграционную реформу именно своим достижением. Республиканцы не горят желанием пополнять копилку Демократической партии и лично Обамы, даже если это в краткосрочном плане тормозит процесс завоевания ими латиноамериканских избирателей. Они рассчитывают вернуть себе Белый дом в 2016 году и надеются, что огромная работа,

проделанная конгрессменами обеих партий в последние два года, позволит президенту-республиканцу начать свой срок с триумфальной иммиграционной реформы, которая была бы, по сути, смягченной версией реформы Обамы.

Перспективы взаимодействия Президента и Конгресса

Действующему республиканскому Конгрессу практически нечего предложить избирателям в качестве итога своей двухлетней работы. Скорее всего, 114 Конгресс останется в истории как один из самых конфликтных, идеологизированных и неэффективных. Даже смена спикера Палаты Представителей, которую осуществили республиканцы в октябре 2015 года в надежде добиться большего единства, вряд ли сделает его более работоспособным. В выборный год конгрессмены и сенаторы традиционно начинают играть, прежде всего, за себя, а потом уже за партию, ориентируясь на запросы своего округа и штата в надежде на переизбрание. Будущий год не станет исключением. Можно ожидать еще большей радикализации сторонников правоконсервативного движения *Tea Party*, которые в силу своей многочисленности серьезно усложнят бюджетный процесс и будут блокировать любые недостаточно консервативные законопроекты. Их целью будет не продемонстрировать работоспособность федерального института, а подтвердить свою верность консервативным лозунгам, которые привели их к победе в прошлый раз и должны обеспечить новую.

В то же время дальнейшая идеологическая радикализация может стоить Республиканской партии мест в следующем Конгрессе. Американцы очень недовольны деятельностью этого органа власти: его рейтинг не превышает 7-9%, а это - рекордно низкая популярность для любого состава Конгресса США, который исторически серьезно уступает по популярности президентам. Даже консерваторы, которые и привели республиканское большинство в обе палаты в 2013 году, разочарованы его неспособностью противостоять инициативам Обамы и реализовывать консервативную повестку. Умеренные республиканцы недовольны бесконтрольностью радикалов в стенах Конгресса и разочарованы партийными лидерами, не умеющими обеспечить единство партии и решать назревшие проблемы.

Президентство Обамы, вопреки его изначальной нацеленности на межпартийное единство, еще больше раскололо американское общество на два лагеря недовольных избирателей. Один лагерь составляют разочарованные либералы, которые недовольны, что Обама отступил от своих обещаний, не смог реализовать их в полном объеме, не принес им обещанный новый Вашингтон и с ним новый мир. В другом лагере - обозленные консерваторы, которые обвиняют Обаму в том, что он украл у них Америку, которую они знали, подорвал их ценности и идеалы, лишил их страну лидерского статуса и подвергает ее растущей террористической опасности.

Внешняя политика

Борьба с международным терроризмом

Поскольку в фокусе президентской кампании 2016 г. будут находиться вопросы внутренней политики, действия американского руководства в области внешней политики и политики безопасности будут испытывать заметное воздействие внутривнутриполитической конъюнктуры.

Национальная безопасность США, в первую очередь в связи с угрозой международного терроризма, будет одной из важнейших тем внутривнутриполитических баталий 2016 года. Особую остроту она может приобрести в случае новых террористических актов на территории США, а также против американских граждан в различных регионах мира. Теракт в Сан-Бернардино и развернувшиеся вокруг него политические дебаты показали, что в случае новых «местных» терактов, администрация Обамы может стать объектом критики со стороны республиканцев,

считающих ее действия недостаточными. Более того, крупномасштабный теракт на территории США может сместить основную часть повестки президентской кампании - от социально-экономической проблематики в сторону вопросов национальной безопасности и борьбы с международным терроризмом. Такое развитие событий может повлиять и на позицию администрации Обамы относительно дальнейших действий на Ближнем Востоке.

Ситуация на Ближнем Востоке

Администрация Б. Обамы предпримет ряд шагов, направленных на интенсификацию борьбы против Исламского государства (ИГ) на территории Ирака, однако не пойдет на полноценную войсковую операцию «на земле» с использованием значительного американского воинского контингента. Если в США в 2016 г. не произойдет крупных терактов, имеющих внутривнутриполитический резонанс, Обама предпочтет оставить возможность начать новую крупную военную кампанию на Ближнем Востоке следующему Президенту, в особенности, если станет ясно, что в предвыборной гонке лидирует кандидат-республиканец.

Одной из проблем для Вашингтона будут разногласия между членами созданной им для борьбы с ИГ коалиции. При формальной поддержке Ирака в противоречиях с Турцией США могут пойти на содействие дальнейшей суверенизации иракского Курдистана. Несмотря на демонстрируемую Вашингтоном лояльность турецкому руководству, уровень доверия к нему стремительно падает. В 2016 г. США, при поддержке европейских союзников, усилят давление на Анкару в связи с необходимостью укрепления контроля на турецко-сирийской границе и сокращения ее «прозрачности» для боевиков и вооружений. Еще один теракт в Европе может серьезно обострить эту проблему для американо-турецких отношений. Хотя США удалось убедить Турцию в необходимости вывести подразделения ее армии из-под иракского города Мосул, в 2016 г. пренебрежительное отношение турецкого руководства к суверенитету и границам Ирака может вызвать новые трения между правительством Р. Эрдогана и администрацией Б. Обамы.

США сохраняют умеренно высокий уровень политического давления на официальное руководство Сирии, отчасти признавая легитимность действий правительства Б. Асада против ИГ и его статус в качестве лидирующей силы на подконтрольных территориях. Однако Вашингтон будет противодействовать попыткам легитимировать этот статус Асада посредством выборов на освобожденной части страны. Поддержка США и их союзников в регионе будет способствовать сохранению завышенного уровня требований сирийской оппозиции на переговорах с официальным Дамаском.

Руководство США не будет на политическом уровне признавать факт сотрудничества с Россией в борьбе с ИГ и продолжит критиковать ее действия в публичном пространстве. Однако в реальности уровень взаимодействия между военными и спецслужбами двух стран в регионе Ближнего Востока может существенно возрасти. Пределами для российско-американского сотрудничества может быть недовольство союзников США по коалиции, в первую очередь – Турции, а также Катара, Саудовской Аравии и Великобритании. Кроме того, США будут противодействовать любым попыткам закрепить с помощью политического усиления правительства Б. Асада военные успехи, достигнутые благодаря российской военной поддержке сирийской армией и солидарными с ней силами (в первую очередь – сирийскими курдами).

США будут оказывать прямую и косвенную поддержку «исламской коалиции», создаваемой Саудовской Аравией, используя ее как структуру, действующую параллельно коалиции во главе с США. Создание такой коалиции позволяет Вашингтону снять с себя часть политических рисков и военной нагрузки в борьбе против ИГ и получить больше поддержки в мусульманском мире. Одновременно США необходимо, чтобы американская коалиция не

была единственной альтернативой той, которую создали Россия, Иран, Ирак и Сирия – Вашингтону политически выгоднее, чтобы борьба против ИГ велась силами стран мусульманского мира.

Развитие результатов принятия Совместного комплексного плана действий, достигнутого с Ираном, в 2016 г. будет скромным. В случае намеченного вывоза высокообогащенного ядерного топлива для его хранения и переработки вне страны, а также продажи излишков тяжелой воды, позиция Вашингтона по вопросу об отмене санкций будет и дальше смягчаться. Однако ряд разногласий по более широкому спектру вопросов, включая ситуацию в Сирии, будет тормозить снятие с Ирана американских и международных санкций. Существенным стимулом к постепенной отмене в 2016 г. ограничений на работу кампаний из США на иранском рынке уже стала активная лоббистская деятельность американского бизнеса, стремящегося не уступить азиатским и европейским конкурентам. Одним из важных политических рычагов давления США на конкурентов будет готовность применять санкции в отношении неамериканских транснациональных корпораций, которые постараются войти на иранский рынок до отмены американских и международных ограничений.

Азиатско-тихоокеанский регион

Важнейшим сюжетом для внешней политики США в Тихоокеанской Азии в 2016 г. останется реализация проекта Транстихоокеанского партнерства (ТПП). Здесь также многое будет зависеть от внутривнутриполитической ситуации – от того, насколько Конгресс будет готов поддержать реализацию этой инициативы до конца требуемого срока (90 дней от внесения Президентом законопроекта о присоединении США).

При наличии такой поддержки США продолжат реализацию ТПП в его расширенном понимании – не только как зоны свободной торговли, но и как пространства единых стандартов, принципов регулирования в торговой и финансовой сферах, а также в области правовых механизмов защиты авторского права и интеллектуальной собственности. Одной из ключевых внешнеполитических задач для Вашингтона в 2016 г. будет вовлечение Республики Корея (РК) в состав партнерства. После присоединения Японии к ТПП вхождение РК означало бы серьезные трудности на пути китайской инициативы по созданию зоны свободной торговли КНР – Япония – Республика Корея. Китай окажется в еще более сложном положении, чем после принятого в октябре 2015 г. решения руководства Индонезии – крупнейшей экономики ЮВА вступить в ТПП, что создало проблемы для развития зоны свободной торговли Китая и АСЕАН. Администрация Обамы будет продолжать использовать критику Китая за нарушения правил ВТО с целью добиться от Конгресса США поддержки в завершении присоединения к ТПП.

В 2016 г. маловероятно, что Вашингтон будет уделять значительное внимание трудным вопросам в американо-китайских отношениях, в первую очередь, территориальным спорам в Южно-Китайском море, а также другим противоречиям между КНР и американскими союзниками (Японией) и партнерами в АТР. Однако динамика реализации программ китайского военного строительства и дальнейший рост военных расходов, в первую очередь, в части развития военно-морского флота и военно-воздушных сил, будет служить для Вашингтона поводом выступать с критикой позиций и действий КНР по основным региональным проблемам и с обвинениями в стремлении к силовому доминированию в регионе. В стратегической перспективе такое развитие событий крайне выгодно для американского военно-промышленного комплекса и его лоббистов в политическом истеблишменте и экспертном сообществе. Одновременно США будут продолжать линию на многоуровневое вовлечение Китая в диалог по вопросам экономики и безопасности в регионе и на глобальном уровне.

Отношения с ЕС и НАТО

В 2016 году внимание американского руководства будет приковано к двум важнейшим темам в диалоге со странами ЕС и НАТО – обеспечение их невоенной безопасности и создание Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП).

В случае совершения, что высоковероятно, исламистами в странах ЕС крупномасштабных и резонансных терактов, США окажутся под еще большим давлением со стороны европейских союзников и партнеров, которые уже сейчас критикуют Вашингтон за неготовность принять активное участие в обеспечении их безопасности от террористической угрозы. Дополнительные трудности на этом направлении могут возникнуть трудности из-за различий позиций США и ведущих стран ЕС по поводу развития ситуации на Ближнем Востоке, в том числе относительно Сирии и Ирака и действий России.

Несмотря на то, что США будут периодически напоминать о готовности обеспечить военную безопасность стран НАТО, придавая особое символическое значение взаимодействию со странами Восточной Европы и Балтии, совместным учениям и другим мероприятиям, внимание Вашингтона к традиционной военной безопасности союзников в целом не будет расти. Многое здесь будет зависеть от характера политических отношений с Россией и от темпов восстановления политического диалога по линии Совета Россия-НАТО. Несмотря на сохранение напряженности в отношениях России и Турции, США постараются свести к минимуму попытку Анкары ангажировать Альянс к участию в конфронтации с Москвой и использовать свою лояльность Вашингтону для получения американской поддержки. Дальше действий политико-демонстрационного характера втягивание США и НАТО в российско-турецкие противоречия не пойдет. Администрация Обамы может даже оказать умиротворяющее политическое воздействие на позиции турецкого руководства.

Основное внимание и усилия США на европейском направлении будут сконцентрированы на подготовке к подписанию соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве. Для администрации Обамы принципиально важно завершить работу над сделкой со странами ЕС до конца срока его президентства. Несмотря на существенные трудности, с которыми столкнулся переговорный процесс, в связи с вопросами о стандартах, шанс сделать это в 2016 г. сохраняется благодаря наличию у администрации соответствующих полномочий. Однако рассчитывать, что соглашение, в случае его заключения, пройдет Конгресс в 2016 г. не приходится.

Администрация Обамы попытается принудить страны ЕС сохранять солидарность в вопросе о санкциях в отношении России до тех пор, пока их в полном объеме будет сохранять Вашингтон, однако есть вероятность роста противоречий между США и их европейскими союзниками и партнерами по этому вопросу. Потери европейского бизнеса несопоставимо больше того ущерба, который понесли американские компании от введения режима санкций и других ограничений, а также российских контрмер. Поэтому сохранение полного режима секторальных санкций за пределами осени 2016 г. может вызвать рост недовольства европейских компаний. Что будет иметь политические последствия в странах ЕС, чья экономика в наибольшей степени связана с российской, и в ЕС в целом. Это отразится и на трансатлантическом уровне. Однако, даже если между членами ЕС не будет достигнуто единство в вопросе о продлении режима санкций в отношении российских компаний и банков, широко используемая США экстерриториальная практика применения принятых американскими органами власти ограничительных мер в торговой и иных сферах, а также активное использование судебных и иных инструментов давления на другие страны и неамериканские компании будет создавать существенные трудности для европейских корпораций и банков. В вопросе о политических санкциях, в первую очередь направленных

против российских официальных лиц и других персон, США смогут рассчитывать на сохранение поддержки со стороны ЕС.

Отношения с Россией

Взаимодействие с Россией будет одним из самых противоречивых направлений американской внешней политики. С одной стороны, Вашингтон не откажется от жесткой риторики в отношении действий и позиций Москвы, а также от периодических выпадов по всему списку острых вопросов повестки российско-американского диалога. Возможно также демонстративное введение санкционных мер, дополняющих и «надстраивающих» уже действующие. С другой стороны, администрация Б. Обамы будет постепенно снижать градус напряженности в отношениях с Россией и все чаще идти на негласное сотрудничество в отдельных сферах и достигать компромиссов по вопросам второстепенного характера.

Особое значение для развития взаимодействия с Россией в 2016 г. будут иметь три темы:

- безопасность в Европе, в первую очередь в связи с террористической угрозой;
- развитие положения в Сирии и Ираке, а также динамика противоборства с ИГ и международным терроризмом;
- политическая и экономическая ситуация на Украине.

По первым двум направлениям есть предпосылки для постепенного наращивания коммуникации между Россией и США/НАТО, в особенности, если риски для европейской безопасности будут расти. По украинской тематике достижение компромиссов будет зависеть не только от позиций и действий Москвы и Вашингтона, но и от того, насколько острые формы примет дальнейший политический и экономический кризис на Украине, а также насколько прочной окажется «заморозка» военного конфликта на Донбассе. При этом России и США будет легче достигать компромиссов при решении задач тактического и функционального характера, чем стратегических прорывов в отношениях. Последние до конца президентства Б. Обамы и, вероятно, на протяжении 1-2 лет после него практически исключены.

С одной стороны, в случае если по всем трем направлениям США окажутся заинтересованы в более тесном взаимодействии с Россией, успехи российской операции в Сирии станут еще более очевидными, а протесты европейского бизнеса и части политического истеблишмента станут еще громче, есть вероятность, что администрация Обамы до конца своей работы отменит часть экономических «секторальных» санкций, которые были введены посредством президентских исполнительных актов. Обама не захочет оставлять следующему президенту возможности нормализации отношений с Россией. Отмена политических санкций против России и российских компаний и граждан в ближайшие годы исключена.

С другой стороны, действия Вашингтона будут опираться на анализ того, насколько эффективно российская экономика будет адаптироваться к санкционному давлению. В случае если в российской экономике не проявятся признаки улучшения ситуации, понижающие тренды в динамике цен на мировом рынке нефти и региональных рынках газа сохранятся, а эффективность российских действий на Ближнем Востоке снизится, позиции идеологов усиления давления на Россию укрепятся. Под их влиянием администрация Обамы может сохранить в полном объеме режим ограничительных мер против России, включая секторальные санкции и даже пойти на их расширение. Ситуация на Украине не будет здесь иметь принципиального значения, хотя и сможет выступать в качестве триггера.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

На распутье

При всех сложностях в экономике, связанных с преодолением последствий экономического кризиса и дисбалансами зоны евро, у основных политических сил ЕС на протяжении ряда лет сохранялось понимание, что солидарность, сохранение единства интеграционного объединения – необходимое условие успеха. Однако в течение 2015 г., главным образом под влиянием беспрецедентного миграционного кризиса, в ряде стран стало заметно стремление обособиться от сложностей, испытываемых соседями по ЕС. Пока нельзя говорить о победе этой опасной для Евросоюза тенденции. По большинству экономически и политически значимых вопросов ЕС продолжает совместную работу. Однако ни одна из проблем, заставлявших в последние несколько лет говорить о нестабильном характере развития Союза, не нашла удовлетворительного долговременного решения и вероятность новых обострений в течение 2016 г. довольно велика.

Вплоть до 2015 года ход гражданской войны в Сирии оставался на периферии внимания европейских стран и рассматривался преимущественно как внешний вызов. Потоки беженцев изменили это восприятие, но на осознание масштабов проблемы ушло не менее полугода. К концу 2015 г. в Евросоюз прибыло порядка 1 млн. мигрантов без надлежащих документов, включая беженцев. Эта цифра в четыре раза превышает показатель 2014 г. Подавляющее большинство мигрантов попадает в ЕС через Средиземное море, добираясь до греческих островов и берегов Италии. Греция оказалась основным маршрутом проникновения в ЕС беженцев именно в тот момент, когда ее экономику едва спасли от краха общими силами Евросоюза. Возможность возложить заботу о мигрантах на Грецию фактически не рассматривалась, да и сами они изначально ориентировались на поиск убежища в более зажиточных странах ЕС, прежде всего в Германии и Швеции, известных более высокой готовностью к интеграции приезжих.

Греческий финансовый кризис в течение 2015 г. развивался драматично, и на его решение ушло немало времени и усилий институтов ЕС. Год начался с победы на парламентских выборах в Греции лево-популистской коалиции СИРИЗА во главе с А. Ципрасом, которого политический мейнстрим Евросоюза воспринял с большой настороженностью. Новое греческое правительство неоднократно приводило переговоры с международными финансовыми институтами и органами ЕС на грань срыва. Наиболее ярко это проявилось в момент референдума, проведенного в Греции в начале июля, когда оказанную гражданами поддержку правительству в споре с ЕС можно было интерпретировать как мандат на выход из еврозоны. Тем не менее, соглашение с кредиторами вскоре было достигнуто, а в сентябре А. Ципрас вновь заручился поддержкой избирателей на внеочередных выборах. К концу года проблемы Греции поблекли на фоне миграционного кризиса и были почти забыты общественностью. Но с учетом популистского характера греческого правительства новые срывы договоренностей и сложные переговоры, а возможно и выход Греции из еврозоны, полностью исключать нельзя.

В феврале 2015 г. в Минске по результатам многочасовых переговоров лидеров Украины, России, Франции и Германии были достигнуты базовые договоренности об урегулировании конфликта на востоке Украины. Вскоре после фактической реализации предусмотренного соглашением прекращения огня озабоченность ЕС ходом украинского кризиса заметно снизилась. Здесь также сыграл свою роль приоритетный характер событий в Сирии и вызванной ими волны беженцев. Однако такое смещение фокуса внимания не следует преувеличивать. Серьезное обострение обстановки в зоне конфликта может быстро вернуть

украинскую тему в центр европейских политических дискуссий. К соблюдению Минских договоренностей ЕС прямо привязал перспективу отмены объявленных в отношении России экономических санкций, что, с точки зрения политиков Евросоюза, должно способствовать урегулированию конфликта.

Если вооруженное нападение экстремистов на редакцию французского журнала «Шарли Эбдо» в январе 2015 г. рассматривалось преимущественно как атака против базового принципа свободы слова, то террористические акты в Париже в ноябре, унесшие жизни 130 человек, заставили европейских политических лидеров заговорить о полномасштабной войне, развернутой экстремистами против западного образа жизни и требующей новых подходов в области безопасности. Терракты подтолкнули Францию, Германию и Великобританию непосредственно подключиться к борьбе с экстремистами в Сирии пока силами авиации и, возможно, отдельных отрядов специального назначения.

Заметная в ЕС атмосфера неуверенности, определяемая внешними вызовами, только гугщается с учетом ряда внутренних процессов, происходящих в отдельных странах-членах и в отношениях между ними.

Ослабевающий Брюссель

Самостоятельное значение наднациональных структур в принятии решений в ЕС всё менее заметно. Европейская комиссия начинает напоминать секретариат обычной международной организации, помогающий странам-членам в тех случаях, когда они об этом просят. У Европейского парламента не получается завоевать доверие граждан и продемонстрировать свою значимость. Основные решения принимаются консенсусом государств-членов. Обеспечить консенсус при этом становится всё сложнее, поскольку субрегиональные и национальные интересы отдельных стран нередко берут верх над желанием сформировать общую политику.

Неспособность ЕС увеличить темпы экономического роста подогревает евроскептические настроения. Принципиально изменить складывающуюся тенденцию сможет только повышение динамичности европейских экономик, вне зависимости от того, насколько большим будет реальный вклад интеграционных процессов в достижение искомого результата. В конечном счете, формируемое ЕС общее пространство расширяет возможности как больших, так и малых стран. Но возможностями нужно суметь воспользоваться. Если это не получается, маргинальные популисты начинают обвинять в экономических трудностях ЕС. В ряде случаев им удается воздействовать на ведущие партии.

В 2016 г. в крупнейших странах ЕС не ожидается ключевых выборных баталий общенационального уровня. 2017 г. – напротив, год выборов во Франции и Германии. У находящихся у власти политических элит есть время, чтобы продемонстрировать позитивные результаты своей работы, в первую очередь, в сфере экономики и в урегулировании миграционного кризиса.

Наиболее значительная часть миграционной волны, с которой приходится справляться Евросоюзу, непосредственно связана с сирийским кризисом. Взаимодействие по Сирии с ведущими глобальными и региональными акторами, включая Россию, будет необходимо, но его эффективность может оказаться недостаточной, чтобы обеспечить политическое урегулирование. Кроме того, в сирийском вопросе смогут играть реальную роль только ведущие страны ЕС, что будет дополнительно ослаблять коммунитарные механизмы.

Демонстрацией качества консенсуса по внешнеполитическим сюжетам внутри ЕС станет решение вопроса о продлении экономических санкций в отношении России. В случае если

положение в Украине будет оставаться стабильным, позиции сторонников отмены наиболее чувствительных санкций могут уже в течение 2016 г. укрепиться в степени, достаточной для принятия соответствующего решения. В наибольшей степени расположены к восстановлению отношений с РФ страны Южной Европы, а страны Балтии и Польша выступают как наиболее упорные критики России, однако ни те, ни другие не могут самостоятельно направлять принятие решений в ЕС. Ключевой величиной, определяющей, в какую сторону склонятся «весь», остается Германия.

Важным символом успешности ЕС на протяжении длительного времени была привлекательность Евросоюза для соседей – она не исчезла, но существенно потускнела. Многосторонние механизмы «Политики соседства» ЕС и ориентированного на взаимодействие с частью постсоветского пространства «Восточного партнерства» фактически рассыпались на разнородные двусторонние отношения ЕС с отдельными соседями. Некоторый параллелизм сохраняется разве что в движении Грузии, Молдовы и Украины по пути сближения с ЕС. Гражданам Молдовы еще в апреле 2014 г. было предоставлено право безвизовых краткосрочных поездок в ЕС без права работы. Поскольку многие молдаване обладают вторым паспортом члена ЕС – Румынии, предоставляющим более широкие права гражданина Евросоюза, этот шаг не стал для Молдовы определяющим. В конце 2015 г. Еврокомиссия поддержала предоставление безвизового режима Грузии и Украине. Ожидается, что визовые требования могут быть отменены в середине 2016 г. Для населения стран, озабоченных с советских времен оторванностью от Запада, это может быть важным достижением, способным укрепить популярность находящихся у власти правительств и обеспечить кредит доверия, необходимый для проведения болезненных реформ. В случае планомерной реализации заключенных с ЕС соглашений об ассоциации, они будут способствовать сближению с ЕС в других сферах. Тем временем заявленные Россией экономические меры в ответ на вступление в силу экономической части соглашения Украины с ЕС будут восприняты в Европе как инструмент экономического давления и могут спровоцировать более серьезное и трудно контролируемое обострение отношений.

После потрясших Европу террористических атак перед ЕС стоит задача координации деятельности правоохранительных органов и специальных служб, организации обмена данными. Это, в свою очередь, обострит дискуссии относительно общественного контроля деятельности государственных ведомств в деликатных сферах и о праве распоряжаться персональными данными. С технической точки зрения, на уровне ЕС необходимые меры могут быть реализованы более эффективно, чем на уровне отдельных стран, не обладающих необходимыми ресурсами. Однако различия между подходами к проблемам безопасности в разных странах ЕС могут стать существенным препятствием, открывая дорогу популистам, предлагающим искать альтернативные Евросоюзу пути решения проблем в этой сфере.

Трансатлантический контекст

Экономический вес Евросоюза превышает вес США. Однако Соединенные Штаты демонстрируют более успешную динамику развития, а сплоченность ЕС подвергается испытаниям. Предпринимается попытка компенсировать потерю темпа европейского интеграционного процесса за счет интенсификации трансатлантических отношений. Однако на пути экономической логики стоят политические разногласия внутри ЕС. Атлантистские настроения распространены в политических элитах европейских стран, но в противовес им также довольно заметно более осторожное отношение к Соединенным Штатам и открытый анти-американизм маргинальных политических групп.

Трансатлантическая зона свободной торговли (в рамках американской инициативы Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства – ТТИП), наряду с НАТО – альянсом, значение которого повышается в условиях нарастающей дестабилизации и

неспособности ЕС продвинуться в формировании собственной оборонной политики – могли бы означать готовность США и ЕС действовать более согласованно на мировой арене. Однако динамика дальнейшего движения в этом направлении в ближайшие годы будет зависеть от исхода президентских выборов в США в ноябре 2016 г.

Британские сомнения

Референдум о членстве в ЕС должен состояться в Великобритании до конца 2017 г., но может быть назначен уже на вторую половину 2016 г. Вопросы миграции изначально занимали центральное место среди озабоченностей критически настроенных к Брюсселю британцев. При этом речь идет, в первую очередь, о трудовой миграции из других стран ЕС, то есть о том единстве европейского пространства, которое является одним из фундаментальных достижений европейского интеграционного процесса. Последствия сирийского кризиса явно усугубляют ранее существовавшие опасения. Если ЕС не удастся четко продемонстрировать свою эффективность в решении миграционных проблем, число сторонников выхода из Союза будет расти. Отказаться от проведения референдума для британского правительства политически невозможно.

Неудачей закончилась попытка снизить минимальный возраст избирателей до 16 лет, что должно было бы увеличить число еврооптимистов. Даже если сам референдум будет отложен на более поздний срок, сами данные опросов общественного мнения, указывающие на рост евроскептических настроений, станут дестабилизирующим фактором в отношениях Великобритании с Брюсселем, а также, возможно, в диалоге между Лондоном и заметно более еврооптимистичной Шотландией.

Премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон пытается найти решение, которое позволит ему заявить о победе над Брюсселем, не желая идти на уступки британским требованиям. Скорее всего, декларативная форма, дающая премьер-министру шанс сохранить лицо перед избирателями, будет найдена, но ее убедительность и фактическое влияние на исход референдума могут оказаться недостаточными.

В случае успеха сторонников выхода из ЕС на референдуме, фактический выход займет значительное время, потребует длительных согласований переходных форм взаимодействия. Но в мировой политике эффект выхода может проявиться значительно быстрее. Претензиям ЕС на способность играть самостоятельную роль в решении глобальных вопросов и участвовать в урегулировании кризисов будет нанесен чувствительный удар.

Великобритания, в свою очередь, будет формировать собственную систему преференциальных торговых отношений, в первую очередь с США и другими ведущими экономиками, а также с участниками Британского содружества наций. Парадокс, на который регулярно стараются обратить внимание сограждан противники выхода из ЕС, заключается в том, что в случае выхода Великобритания, скорее всего, попытается остаться участником Европейской экономической зоны и стать стороной ТТИП, в то время как ее влияние на выработку правил в рамках соглашения сильно уменьшится.

Маловероятное согласие Евросоюза с существенными изменениями в законодательстве, на которых настаивает Великобритания, было бы не многим меньшей опасностью для интеграционного объединения, чем выход страны из ЕС, поскольку означало бы свертывание реальной интеграции ради сохранения вывески.

Внутриполитический ландшафт Великобритании претерпевает существенные изменения. В сентябре 2015 г. находящаяся в оппозиции Партия лейбористов выбрала нового лидера – Дж. Корбина, представителя левого крыла партии, резко отличающегося от доминировавших

ранее левоцентристов. С этих позиций он подвергает критике и Евросоюз, что может иметь значение в контексте будущего референдума. Высказывания Корбина по вопросам внешней и оборонной политики правящие консерваторы уже попытались представить как угрозу национальной безопасности. Лейбористы настроены на сокращения в военной сфере и склонны с пониманием относиться к российским официальным подходам по ряду международных вопросов.

Значительная часть политического класса Великобритании хотела бы рассматривать лидерство Корбина как сугубо временное явление. Действительно, нельзя исключить, что в результате дальнейшей внутрипартийной борьбы, возможных скандалов и провокаций его позиции существенно ослабнут. Критики Корбина полагают, что его закрепление на лидерских позициях лишит лейбористов каких-либо шансов на успех в борьбе с консерваторами. Противостояние ведущих партий приобретает еще большее значение ввиду ослабления претендентов на роль третьей силы – либерал-демократы утратили былые позиции, а евроскептическая Партия независимости скорее подталкивает консерваторов принять часть продвигаемых ею тезисов, но не может претендовать на лидерство.

В мае 2016 г. парламентские выборы должны пройти в Шотландии. Предсказуемое подтверждение лидерства националистов может стать поводом для возобновления разговоров о независимости, утихших после победы сторонников сохранения в составе Великобритании на референдуме 2014 г. Дискуссия может завершиться «ничьей», но она поглотит заметный политический ресурс партий и внимание британцев. При самом неудачном раскладе, гипотетический успех евроскептиков на референдуме при нежелании Шотландии выходить из ЕС и непримиримом характере разногласий между ведущими партиями, может практически парализовать принятие ключевых решений в стране.

Германия: обещание справиться

2016 г. пройдет в Германии под знаком активной внутренней дискуссии, в центре которой будут стоять вопросы безопасности, беженцев, адаптации социальной политики, а также ключевые внешнеполитические вызовы – участие Германии в антитеррористической борьбе, разрешение противоречий в ЕС.

На фоне предвыборной кампании в пять земельных парламентов в 2016 г. произойдет дальнейшее дробление партийного ландшафта, которое может обернуться тем, что по результатам выборов в 2017 г. в бундестаге будет шесть фракций - Союз ХДС-ХСС, СДПГ, «Зеленые», «Левые», СвДП и «Альтернатива для Германии» (АдГ). Предпочтения электората и дальше будут изменчивы, что с учетом возросшей террористической угрозы и неуверенности в судьбах ЕС может означать рост популярности АдГ и снижение уровня поддержки традиционных партий. Дрейф на размежевание политических предпочтений старых и новых (восточных) земель продолжится: в новых землях значительно больше будет поддержка крайне-правых.

Серьезным внутривнутриполитическим вызовом в 2016 г. останется борьба с правым радикалами. В 2015 г. нападений на места проживания беженцев было в три раза больше, чем в 2014 г. В марте 2016 г. конституционный суд начнет рассмотрение вопроса о соответствии конституции Национал-демократической партии Германии. В случае отрицательного вердикта партия может быть запрещена.

Усилится внимание к вопросам безопасности в целом. Предполагается увеличение численности правоохранительных органов.

Популярность канцлера А. Меркель снижается, но пока не достигла минимума 2010 г. Ее возможный отказ от выдвижения собственной кандидатуры на выборах 2017 г. или даже отставка до выборов крайне маловероятны. Меркель сохранит риторику, предполагающую, что Германия справится с наплывом беженцев, но будет принимать меры для ограничения их фактического притока в страну. Эти меры станут для нее важной уступкой баварской ХСС и критикам внутри собственной партии.

Список «безопасных» стран, не рассматриваемых в качестве возможного источника беженцев, будет расширяться, процесс рассмотрения ходатайства ускорится, также как и высылка из страны тех, кто не получил статуса беженца. Все больше беженцев будут получать так называемую «субсидиарную защиту», а не статус беженца согласно Женевской конвенции. Это означает, что предоставление постоянного права на проживание откладывается как минимум на пять лет, и если в этот период ситуация в регионе стабилизируется, то подпадающих под субсидиарную защиту беженцев попросят вернуться на родину. Аналогичной будет ситуация и в случае перехода на модель «контингентных беженцев». Они будут въезжать в Германию легально (прежде всего, сирийские беженцы из Турции), но их число и длительность пребывания будут ограничены, и этот статус не будет предполагать ходатайства о предоставлении политического убежища. Также вероятно ограничение на право приглашения семей. В то же время получившие статус беженца будут быстрее интегрированы - успешному выходу на работу будет уделяться повышенное внимание.

Еще год поток беженцев может сохраниться на уровне 2015 г. На цели их приема правительство ФРГ закладывает в бюджет 6 млрд. евро. На уровне ЕС Германия продолжит линию на равное распределение беженцев, а также переход на контингентную модель. Будет оказываться поддержка другим странам в контроле внешних границ ЕС.

Взаимодействие с Турцией по решению проблемы беженцев будет развиваться. Речь идет о предоставлении совокупными усилиями стран ЕС помощи Турции до 3 млрд. евро. Турции также обещаны облегчение визового режима, выход переговоров о вступлении в ЕС на новый уровень и признание Турции «надежной» страной. То есть Германия готова в обмен на решение проблемы беженцев закрыть глаза на нарушение прав человека в Турции. При этом акцент на преимуществах, которые Турция должна получить от ЕС в целом, а не от Германии на двусторонней основе, означает, что любые задержки с выполнением обещаний можно будет объяснить отсутствием консенсуса в ЕС. Схожая политика – смягчение риторики в отношении нарушения прав человека в обмен на конструктивное взаимодействие по вопросу беженцев – будет проводиться и в отношении других стран региона.

Германия приняла решение направить военный контингент в поддержку Франции, а также других стран коалиции против ИГИЛ. Численность контингента ограничена 1200 военнослужащими. Мандат выдан на один год - при продлении правительству придется заново проводить решение через бундестаг. Германия также будет поддерживать Францию в Мали. Размер контингента - второй по разрешенному количеству после Косово за всю историю ФРГ – в сочетании с небоевым характером участия говорит о нерешительности ФРГ, но и одновременном понимании своих обязательств, как перед партнерами, так и мировой общественностью. Будет ли изменен характер вовлечения ФРГ, а также будет ли направлено максимальное количество солдат – вопрос открытый. Вероятно, на первом этапе численность контингента будет сильно меньше разрешенной.

На фоне событий во Франции в ФРГ усилилась дискуссия об усилении гуманитарной поддержки Сирии. Предлагается предоставить Сирии 10-миллиардный пакет помощи со стороны ЕС; в то же время бюджет министерства иностранных дел на гуманитарную помощь в 2016 г. был увеличен лишь на 450 млн. евро.

Отношения с РФ, вероятно, сохранят ту же модальность, что и в 2015 г. Некоторые политики и далее будут ратовать за сближение (например, вице-канцлер З. Габриель, СДПГ), предприниматели – указывать на потерю рынков. Но односторонних решительных шагов по сближению с РФ или отмене санкций Германия предпринимать не будет. Постепенной смене настроения могут способствовать противоречия внутри Украины, конфликт в Сирии и расширение сотрудничества в области энергетики (Северный поток-2).

2015 г. ознаменовался серьезными скандалами вокруг германских производителей: Volkswagen признал нарушение стандартов по выхлопам вредных веществ. Deutsche Bank обвиняется в нарушении санкционного режима в отношении России. Вовлечение в скандалы США, как арбитра или как обвинителя, указывает на усиление конкуренции и трения между американским и западноевропейским бизнесом. Это играет на руку противникам соглашения о свободной торговле между ЕС и США. В то же время, партии правящей коалиции в целом склонны поддерживать движение к заключению ТТИП.

Германия усилит внешнеполитическую поддержку своих производителей, что на практике будет означать расширение экономической тематики в министерстве иностранных дел и усиление азиатско-тихоокеанского направления во внешней политике. Последнее – долгосрочный тренд в германской внешней политике, который поддерживается мерами внутри страны (усиление научного сотрудничества с регионом, подготовка собственных переводчиков и аналитиков).

Франция: Грозовой фронт

Заметные, хотя и не решающие успехи крайне-правой партии «Национальный фронт» во главе с Марин Ле Пен в первом туре региональных выборов в декабре 2015 г. в очередной раз заставили представителей ведущих политических сил – правящих социалистов и оппозиционных республиканцев – задуматься о необходимости координации усилий перед лицом общей угрозы. В оставшееся до выборов 2017 г. время президент Ф. Олланд скорее всего не успеет кардинально улучшить свои позиции. Избиратели скептически оценивают его пребывание у власти. Социалисты будут пытаться минимизировать свои потери, но инициатива всё чаще будет оказываться в руках республиканцев Н. Саркози.

Даже если ведущим партиям удастся изолировать «Национальный фронт», республиканцам, вероятно, придется учесть в своей работе наиболее популярные лозунги партии Ле Пен. Так, возможно, что в рядах республиканцев будет брать верх умеренный евроскептицизм под голлистским лозунгом «Европы отечеств», то есть Европы национальных государств со слабыми коммунитарными институтами. Президент Олланд также не будет расположен форсировать процесс европейской интеграции.

Французские политики продолжают поиск драйверов экономического роста и более эффективных административных механизмов. Эта рутинная работа не обещает быстрых успехов. Более ярких достижений Олланд ищет на внешнеполитической арене. Франция обладает военным и политическим ресурсом, чтобы внести свой вклад в урегулирование сирийского кризиса. После террористических атак в Париже достижение результата на этом направлении стало одним из основных требований общества. Французское влияние на борющиеся с режимом Б.Асада оппозиционные группы направлено на организацию содержательного политического диалога между конфликтующими сторонами. Дипломатический успех на сирийском направлении – чуть ли не единственный шанс Олланда завершить президентство на высокой ноте. Ради него французский президент готов идти на предметные переговоры и практическое взаимодействие с Россией, как это было продемонстрировано уже в конце 2015 г. Олланд также старается внимательно относиться к

своей роли посредника в урегулировании украинского кризиса. Конечный успех Минских договоренностей был бы отчасти отнесен и на его счет.

Франция – одно из наиболее важных и, одновременно, наиболее слабых звеньев в переговорах по ТТИП. Традиционный левый уклон французской политической жизни предполагает особое внимание к защите наемных рабочих внутри страны и интересов французских производителей на мировых рынках. Также для французской политики характерен довольно высокий по европейским меркам уровень антиамериканизма. В совокупности требования и позиция Франции могут привести к затягиванию переговоров.

Испания: Внутриполитические перемены

В 2016 г. Испания входит с новым раскладом политических сил в парламенте. На выборах в конце декабря 2015 г. правящая Народная партия утратила большинство, достаточное для формирования правительства. Кроме того, на выборах хорошо показали себя новые, ранее не представленные в парламенте партии – левые популисты «Подemos» и либеральная Гражданская партия. Столь пестрое политическое поле и необходимость договариваться о коалиции для формирования правительства – необычные явления в испанской политике. На внутрипарламентские противоречия накладывается усиливающийся каталонский сепаратизм.

Испанское законодательство не предполагает опции сепарации региона. Но с учетом настроения населения Каталонии такие законодательные положения можно было бы принять с тем, чтобы обеспечить цивилизованное разрешение конфликтной ситуации. Однако успешное завершение каталонского движения к независимости может подтолкнуть в том же направлении ряд других регионов страны. Испания, некогда претендовавшая в ЕС на роль важного внешнеполитического посредника в отношениях с Латинской Америкой, может погрузиться во внутриполитические перипетии.

Как и для Франции, для Испании характерно осторожное отношение к перспективе Трансатлантического партнерства. Не случайно популисты из «Подemos» использовали критику готовящегося соглашения в качестве одной из тем предвыборной кампании. Полученные ими 20% голосов стали большим успехом новой партии, но она все же не сыграет решающей роли в принятии решений в ближайшее время. Партии мэйнстрима поддержат соглашение.

Италия: В поисках другой Европы

Успех популистского движения «Пять звезд» еще в 2013 г. скорректировал политическую карту Италии. По-видимому, недовольство избирателей пропагандируемой институтами ЕС политикой ограничения расходов только нарастает. Премьер-министр М. Ренци всё громче выступает за изменение подходов, принятых в экономических ведомствах Евросоюза. При этом речь идет о стране еврозоны, отличающейся неровным уровнем регионального развития. Популистская повестка может возобладать здесь даже без смены правительства, что станет большой проблемой для ЕС.

М. Ренци утверждает, что является сторонником социальной Европы, которая поддерживает культуру, инновации и занятость, а не Европы, основанной исключительно на цифрах, параметрах и ограничениях. Такой подход нивелирует противоречие между традиционным для Италии еврооптимизмом и накопившимся разочарованием в ЕС. Речь фактически идет о лозунге, который позволяет более уверенно чувствовать себя в диалоге с финансово-экономическими институтами ЕС: отклонение от одобренной ими политики может рассматриваться как новаторская попытка продвинуться в сторону той Европы, о которой мечтает Ренци.

Стараясь придать практическое измерение идее «другой Европы», Италия идет на неочевидные альянсы в рамках ЕС. Так, главы МИД Италии и Великобритании выступили соавторами статьи, в которой британский евроскептицизм и итальянский еврооптимизм представлены как вариации трактовки европейского интеграционного процесса, которые вполне можно примирить. Для этого необходимо лишь осуществить реформу ЕС, которая снизила бы регулятивную нагрузку на бизнес, подстегнула конкурентоспособность ЕС и обеспечила бы занятость. Среди задач упоминается также успешное заключение ТТИП. Германия, в свою очередь, в контексте сформулированных итальянским правительством задач оказывается консервативной силой, получающей выгоду от существующего устройства Евросоюза.

2016 г. Италия проживет в условиях бюджета, предполагающего снижение налогов без снижения расходов. В Брюсселе такая политика вызывает понятные упреки, которые могут стать лучше слышны в том случае, если принятая Италией стратегия станет источником заметных экономических проблем.

Центральная Восточная Европа

Новое в позиционировании стран ЦВЕ в ЕС и НАТО

В 2015 г. наблюдались активизация и усиление позиций стран ЦВЕ в ЕС и НАТО. Такое повышение инициативности, «субъектности» ЦВЕ было обусловлено повышением политического и экономического «веса» ЦВЕ и необходимостью реагирования на новые общеевропейские и региональные вызовы, включая отношения с Россией.

В НАТО состоят 12 из 16 стран ЦВЕ (не считая Косово), в декабре 2015 г. в альянс пригласили Черногорию. Вероятно, к концу 2017 г. на регион ЦВЕ будет приходиться уже почти 45% общего числа стран-членов НАТО и 48% его европейских стран - членов (включая Турцию). Кроме того, в октябре 2015 г. о готовности вступить в НАТО заявила Македония, интенсифицируются связи с НАТО Боснии и Герцеговины и Сербии. В 2015 г. представители стран ЦВЕ заняли ряд важных позиций в альянсе, включая Председателя Военного комитета НАТО (Чехия) и помощника Генсекретаря НАТО по возникающим вызовам безопасности (Румыния). В перспективе это, вероятно, приведет к повышению «веса» стран ЦВЕ в структурах НАТО.

В 2015 г. заметно усилился тренд к формированию странами ЦВЕ собственной региональной «повестки дня» в рамках стратегии НАТО в Европе. Основными ее инициаторами стали Польша и Румыния, которые при активной поддержке стран Балтии пытаются возродить существовавшую в 1930-х гг. концепцию «Балто-Черноморского военно-политического союза». Под предлогом ослабления безопасности стран ЦВЕ вследствие украинского конфликта они стремятся превратить регион ЦВЕ из «периферии НАТО», защита которой обеспечивается силами национальных армий, в «восточный фланг» этой организации. Для этого нынешние меры временной поддержки со стороны НАТО, связанные с ситуацией на Украине (активизация маневров, перемещения натовских формирований быстрого реагирования и др.), они стремятся дополнить постоянной дислокацией в регионе войск других стран НАТО, прежде всего США.

Отчасти их усилия увенчались успехом. К началу 2016 г. уже в 8 странах ЦВЕ будут действовать командные центры НАТО, способные «при необходимости» обеспечить скорейшее развертывание на территории страны оперативных натовских сил. Вдвое (до 40 тыс. чел.) увеличивается численность сил быстрого реагирования НАТО. Особую активность проявляет Польша. Расширяются возможности международного корпуса НАТО в Щецине,

задачами которого «в мирное время» являются мониторинг ситуации на востоке Украины, проведение учений и руководство работой интеграционных подразделений НАТО в странах Балтии. В Кракове создается центр НАТО по борьбе с терроризмом и шпионажем. В его работе, кроме организаторов (Польша и Словакия), будут участвовать 6 новых (Венгрия, Литва, Румыния, Словения, Хорватия, Чехия) и 2 старых (Германия, Италия) членов альянса.

Новым трендом в этой ситуации является вовлечение в процесс активизации НАТО в регионе ЦВЕ традиционно сдержанных в этой сфере Венгрии, Словакии, Чехии, Словении и Хорватии. Активно втягивается в него и прежде лояльная к России Болгария.

Эта линия была отражена в заявлении инициированного Польшей и Румынией регионального саммита 9 стран ЦВЕ-членов НАТО (кроме Словении и Хорватии) в ноябре 2015 г. В нем подчеркивается, что защита восточных границ должна не только оставаться «временным приоритетом», но и стать постоянной стратегией НАТО. На саммите подчеркивалась необходимость укрепления солидарности в рамках НАТО, поддержки усиления присутствия США в Европе, «продолжения процесса адаптации для отражения долгосрочных рисков с востока и юга» и «укрепления безопасности пространства от Черного моря до Балтийского». Антироссийская направленность такого подхода очевидна, хотя на саммите говорилось о необходимости начала нового диалога с Россией «на основе общего понимания и уважения международного права». Поэтому скрытый призыв к размещению в регионе постоянных баз НАТО не нашел поддержки у ведущих европейских членов этой организации – Германии и Франции.

Однако эта тенденция, скорее всего, сохранится и, вероятно, усилится в 2016 г. Польша, Румыния и страны Балтии, очевидно, постараются закрепить (а по возможности и расширить) свою линию на июльском саммите НАТО в Варшаве. Новые польские власти, похоже, считают единственной приемлемой внешнеполитической стратегией для стран ЦВЕ курс покойного президента Л. Качиньского, предполагающий жесткость в отношении России, «патронирование» прозападного дрейфа Украины, Молдовы и Белоруссии и недоверие (вплоть до конфронтационных проявлений) к Германии.

В отношении Германии эта линия прослеживается и у ряда других стран ЦВЕ, особенно по вопросу размещения в них мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки. Преимущественно этнически и религиозно однородные и не обремененные чувством «исторической вины» за Вторую мировую войну страны ЦВЕ не хотят следовать инициированному и фактически навязанному Германией другим странам через структуры ЕС курсу в этой области. Ряд из них, по сути, разделяют нынешнюю позицию Польши, считающей, что в ЕС Германия начинает путать «лидерство с доминированием».

Тем не менее, о полной солидарности, а тем более единстве взглядов стран ЦВЕ по основным внешнеполитическим проблемам, говорить нельзя. Влияние их групповых подходов на стратегию НАТО и ЕС выросло, но не является определяющим.

В ЕС политический «вес» ЦВЕ существенно выше, чем в НАТО. При доле стран ЦВЕ в населении ЕС около 14% их представители в 2015 г. занимали 35% постов членов Еврокомиссии и 25% - руководителей комитетов Европарламента. Представитель Польши занимал пост главы стратегического политического института ЕС – Европейского совета. Латвия председательствовала в ЕС в первом полугодии 2015 г., Словакия примет на себя эту функцию во втором полугодии 2016 г.

В рамках ЕС большая «самостоятельность» действий стран ЦВЕ, помимо политической мотивации, их национальных и региональных интересов, базируется на их реальных экономических достижениях. На фоне медленного посткризисного восстановления

экономики и сохранения острых социально-экономических проблем в ЕС в целом (безработица, особенно молодежная, значительная доля бедных и др.) экономика большинства стран ЦВЕ показывает позитивную динамику. Эти страны (за исключением Хорватии) сумели использовать низкие цены на топливно-сырьевые товары и политику количественного смягчения в Еврозоне для обеспечения благоприятных денежно-кредитных условий и наращивания внутреннего спроса. В результате, при среднем по ЕС (по оценке Еврокомиссии) приросте ВВП на 1,9% в 2015 г. и 2,0% в 2016 г., по региону ЦВЕ (кроме Болгарии и Румынии) эти показатели составят (по оценке ЕБРР), соответственно, 3,0 и 2,9%. В Болгарии и Румынии темпы прироста ВВП в 2016 г., ожидаются на уровне, соответственно, 3,5 и 3,7%.

Доля региона ЦВЕ в совокупном ВВП ЕС пока составляет менее 16%, однако разрыв по уровням экономического развития между ними и старыми странами ЕС последовательно сокращается. Это связано и с большей адаптивностью стран ЦВЕ к колебаниям внешней конъюнктуры.

Возросшая экономическая сила стран ЦВЕ обуславливает активизацию их скоординированных действий в рамках ЕС. Уже упомянутые разногласия по вопросу обязательного размещения на своей территории беженцев привели к беспрецедентному обжалованию Словакией и Венгрией соответствующего решения ЕС в Суде сообщества. Польша, ранее согласившаяся на прием беженцев, отказалась от этого после терактов в Париже. В энергетической сфере в декабре 2015 г. 9 стран ЦВЕ – членов ЕС подписали письмо в Еврокомиссию о блокировании проекта строительства газопровода "Северный поток-2". Однако по состоянию на начало 2016 года, их позиция не получила понимания в Брюсселе. Инициированный крупнейшими энергокомпаниями старых стран ЕС (Германии, Франции, Австрии, Великобритании и Нидерландов) проект Председатель Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер считает «коммерческим предприятием, и оценивать его следует только на предмет соответствия нормам внутреннего рынка ЕС». Такая позиция была закреплена и в решениях декабрьского (2015 г.) саммита Европейского совета. Письмо не подписали ничего не теряющие от строительства нового газопровода Словения, Хорватия и Чехия, а также рассчитывающая на реанимацию газового проекта «Южный поток» Болгария.

Недовольны страны ЦВЕ и новыми обязательствами ЕС по снижению газовой эмиссии и соответствующей перестройке экономики, вытекающими из решений «COP21» в декабре 2015 г. Настороженно относятся в ЦВЕ и к более тесной интеграции с США в рамках будущего Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства, справедливо сомневаясь в конкурентоспособности своего сельского хозяйства, металлургии, малого и среднего бизнеса в обрабатывающих отраслях.

Кроме того, страны ЦВЕ активизировали поиски альтернативных ЕС внешних факторов роста. Главным из них пока является присоединение к интеграционным проектам Китая «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века», обещающим значительные инвестиции в отрасли транспортно-логистической инфраструктуры и сопряженных отраслей. Воздействие этих факторов на позиционирование стран ЦВЕ в рамках ЕС в 2016 г. безусловно возрастет.

Польский вопрос

Новое польское правительство, сформированное партией «Право и справедливость», с первых дней своего пребывания у власти стало вызывать беспокойство у политического мейнстрима ЕС. Польское руководство обвиняют в неумеренном социальном консерватизме и авторитарных тенденциях. Критика со стороны, скорее всего, не поколеблет уверенности партии в правоте ее действий. Ожидается, что «Право и справедливость» проведет

масштабные кадровые зачистки во внешнеполитическом аппарате, замещая ключевые посольские должности доверенными людьми. Партия демонстративно скептически настроена в отношении ЕС и может существенно замедлить темпы достижения консенсуса по самому широкому спектру тем.

В военно-политическом отношении Польша сохранит трансатлантическую ориентацию. Правительство может попытаться представить особенно близкий характер польско-американских отношений как альтернативу партнерствам в рамках ЕС. В то же время, нельзя исключать, что нервная реакция на польское правительство, характерная для ЕС, распространится и за океан.

Вышеградская группа – Польша, Венгрия, Чехия и Словакия – может стать более значимой для нового польского правительства, в особенности ввиду широкого распространения евроскептических и социально-консервативных настроений в этих странах. Одним из направлений взаимодействия могут стать совместные усилия по контролю и ограничению миграционных потоков, направляющихся в эти страны. Ярким символом более тесного взаимодействия вышеградских стран в первой половине 2016 г. должно стать поддержание в состоянии готовности сформированной ими «боевой группы» - батальона, нацеленного на возможное участие в миротворческих операциях ЕС.

«Право и справедливость» резко критически настроена в отношении России и вероятно не будет пытаться использовать свой дрейф в сторону от Брюсселя для улучшения отношений с Москвой.

Балтия и Северная Европа: ввиду России

С 2015 г. последнее из балтийских государств – Литва – перешла на евро. Страны Балтии считают для себя жизненно важным оставаться в ядре успешно развивающегося Евросоюза. Ход украинского кризиса еще больше укрепил их уверенность в актуальности таких институтов, как ЕС и НАТО. Если один из них – Евросоюз – испытывает проблемы, их можно попытаться компенсировать тесным взаимодействием со странами Северной Европы, которые в последние годы уже оценили существенные возможности для деловой активности в Прибалтике. При этом на фоне жесткой политической линии этих стран в поддержку наложенных на Россию санкций, контрастно выглядит заметная заинтересованность бизнеса во взаимодействии с Россией. Такое сочетание отражает реальность: Россия для Балтии не только проблема, но и набор возможностей. В остающихся вне НАТО Финляндии и Швеции также наблюдаются тревожные настроения в связи с Россией. Тональность центристских сил здесь спокойнее, в сравнении с Вильнюсом, Ригой и Таллином.

В острой фазе украинского кризиса голос бизнеса, очевидно, был заглушен требованиями национальной безопасности, но в случае дальнейшей нормализации в зоне конфликта, бизнес, вероятно, постарается играть более заметную роль в принятии политических решений. В Латвии и Эстонии немало ключевых политиков признают необходимость взаимодействия с Россией, при понимании, что глубокие противоречия с Россией по поводу украинского кризиса и других вопросов сохранятся надолго. Наиболее жесткая политическая линия доминирует в Литве. В октябре 2016 г. в этой стране должны пройти парламентские выборы и, возможно, опыт решения внешнеполитических задач нынешним литовским правительством будет критически оценен избирателем.

Возможное постоянное размещение вооруженных сил НАТО в странах Балтии, которое означало бы фактический отказ Альянса от соблюдения основополагающего акта Россия-НАТО 1997 г., стало бы не столько прямой угрозой России, сколько негативным поводом еще раз вернуться к вопросу о «красных линиях» и предложением для ответных мер. Понимание

негативных эффектов, сложившееся в ряде крупнейших стран ЕС, также входящих в НАТО, может затормозить процесс возвращения к состоянию «холодной войны».

Страны ЕС заметно разочарованы эффективностью интеграционных механизмов, как в экономике, так и в политике. Вполне возможно, что рецептом повышения этой эффективности должно было стать дальнейшее углубление интеграции – движение в сторону гармонизации налоговых систем и схем социального обеспечения, единой армии и более сильной внешнеполитической службы. С учетом нынешнего состояния политических элит Евросоюза такой выбор представляется крайне маловероятным. Напротив, в 2016 г. может быть положено начало размыванию уже сложившихся интеграционных оснований – Шенгена, попыток выстроить совместную оборонную политику, еврозоны и даже состава членов Союза. Ряд политических сил будет оказывать сопротивление этим трендам, и это противоборство может отнять существенную часть времени и административных ресурсов лидеров ЕС, не способствуя решению внутренних проблем Евросоюза.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Украина 2016. Внутренняя и внешняя политика: основные тренды

Анализ развития внутривнутриполитической ситуации в Украине и динамика внешнеполитической ситуации вокруг нее в 2015 г. позволяют выделить несколько основных трендов, которые будут характерны и для 2016г. Наступающий год будет очень сложным для Украины, равно он труден для прогноза, принимая во внимание очень высокую лабильность внутривнутриполитической ситуации, а также большое влияние внешнего фактора, в первую очередь на развитие ситуации на Юго-Востоке Украины.

Внешинополитические тренды

В 2016 г. Украина продолжит попытки консолидации западной коалиции во главе с США для противодействия российскому влиянию и попыткам России расширить сферу своего влияния в регионе. Делать это становится все сложнее в виду того, что в Европе наблюдается значительная усталость от украинского кризиса. Озабоченная острыми проблемами миграции, беженцев, равно как и экономическими, Европа предпочла бы скорое мирное урегулирование на Украине. В последнее время монолитность западной коалиции явно дает сбои - европейские партнеры Украины стали, скорее, выступать в роли арбитров, а не союзников Киева в рамках Минского процесса и нормандского формата.

Тем не менее, несмотря на давление европейских партнеров, главным патроном Киева по-прежнему останутся Соединенные Штаты Америки, которые продолжают оказывать военно-политическую поддержку Киеву. Однако степень и вид этой поддержки могут меняться. Неспешные и неэффективные реформы, высокая степень коррупции и неэффективное расходование западной помощи вызывают серьезное раздражение и в Вашингтоне. Безусловно, это может привести как к перестановкам в правительстве, так и к отставке всего правительства А.Яценюка или лично премьер-министра. Наиболее вероятными кандидатурами на пост премьера являются спикер Верховной Рады В.Гройсман, министр финансов Н.Яресько, мэр Львова А.Садовой, секретарь СНБО А.Турчинов. Что касается губернатора Одесской области М.Саакашвили, то если в середине года его политические амбиции оценивались максимум на губернаторском уровне, то сегодня активная PR кампания свидетельствует о желании занять высокий пост в центральных органах власти, правительстве. Скорее всего, Саакашвили продолжит выполнять функции контролера США, возможно, займет и должность вице-премьера.

Внешняя политика Украины будет по-прежнему строиться вокруг двух составляющих – поддержания образа жертвы агрессии и попытки получить помощь, как финансовую, так и военно-политическую, а также решить вопрос с получением безвизового режима со странами ЕС. Верховная рада Украины одобрила ключевые составляющие пакета законов, принятие которых в Киеве считают решающим шагом на пути модернизации страны по европейским стандартам. Украинские власти ожидают, что утверждение законов преимущественно антикоррупционной направленности приведет к либерализации визового режима с ЕС и продемонстрирует первое реальное достижение на пути «вхождения в Европу». И соответствующие решения накануне Нового года Брюссель, несмотря на разочарование украинскими реформами, принял. Было объявлено, что Брюссель ожидает введения безвизового режима с Украиной, Грузией и Косово во второй половине 2016 года.

В том, что касается Юго-Востока Украины, пока 300 необходимых голосов в Верховной Раде для принятия во втором чтении закона об особом статусе нет, и даже при активной роли западных партнеров получить это число голосов будет достаточно сложно, хотя, в конечном счете, активное внешнее давление способно переломить и это сопротивление. Кроме того, сохраняются серьезные разногласия по вопросу об амнистии и проведению выборов на Донбассе. Все это определяет то, что мирный процесс буксует и тот импульс, который дала ему встреча глав государств-участников нормандского формата в Париже исчерпывается.

Сегодня обе стороны – как Украина, так и Россия, которая поддерживает самопровозглашенные республики Донбасса, – стремятся представить друг друга в роли нарушителей соглашений. В Украине многие надеялись на то, что Россия не пойдет на уступки, и не будет оказывать давление на ДНР и ЛНР по вопросу о проведении выборов, однако их перенос выбил козырь из рук Киева. При этом Россия довольно успешно подчеркивает, что не является противником Украины, примером чего служит предложение России реструктурировать ее долг (однако по состоянию на 1 января 2016 года Украина не пошла на условия России).

Тем не менее, у России пространство для маневра также ограничено. Несмотря на активную роль России в Сирии и попытки обеспечить договоренности с Западом за счет ближневосточной темы, украинское направление останется самостоятельным и важным с точки зрения постсоветского пространства и элементом конкурентной борьбы России и США. Кроме того, экономические санкции Запада увязаны с минскими соглашениями, строгое выполнение которых в 2015-2016 гг. в полном объеме вряд ли возможно.

Ситуация же с блокадой Украиной Крыма может быть для нее обоюдоострой. Украинское государство в условиях дефицита инструментария по Крыму использует два рычага. Первый – экономический, который довольно серьезен, если принять во внимание сложности с качеством управления и реализации инфраструктурных проектов в России, рост долгов регионов, общее снижение российского ВВП и затратную внешнюю политику. Второй – крымско-татарский, который является, пожалуй, даже более важным с имиджевой и внешнеполитической точек зрения.

Он способен играть на актуализацию крымской проблематики по таким проблемам, как соблюдение прав человека, национальных меньшинств и т.п. Безусловно, крымско-татарский фактор не сможет оказать решающее воздействие на ситуацию вокруг Крыма, но его актуализация Украиной в ближайшие месяцы и годы довольно вероятна. Однако его применение – без четкой стратегии по Крыму в целом – показывает всю ограниченность возможностей Украины в отношении крымского вопроса. Кроме того, Киев может быть обвинен в общей эскалации: в Европе дальнейшее ужесточение блокады не вызывает энтузиазма, в то время как стремление украинского президента продолжать представлять Украину в образе жертвы уже не работает в той мере, как это было ранее.

Сегодня украинский кризис, который перестал приковывать к себе прежнее внимание ввиду смены повестки дня на ближневосточную, остается важным дестабилизирующим фактором в Европе. А повестка Минских соглашений, буквальное выполнение которых в строгом смысле вообще невозможно, скорее всего, переносится на будущее. В такой ситуации высока вероятность продолжения в течение какого-то времени тлеющего конфликта, что ставит вопрос о различных формах миротворческих проектов.

Следует подчеркнуть, что при сохранении текущего положения, в 2016 году разочарование Украиной на Западе, ввиду слабой эффективности реформ, высокого уровня коррупции и слабой, как считают многие и на Западе, компетентности украинской политической элиты, может даже нарастать.

Внутриполитические тренды

Внутриполитическая ситуация в Украине дает возможность с уверенностью прогнозировать, что нестабильность как в Верховной Раде, так и в целом на внутриполитическом поле будет сохраняться. Что касается вопроса о сохранении большой коалиции, то, скорее всего, ожидать ее раскола пока не приходится. Даже, если премьер-министр А.Яценюк оставит свой пост, ему вряд ли удастся увести значительную часть депутатов из большой коалиции и спровоцировать парламентский кризис. Скорее раскол может произойти по линии «Самопомощь», «Батькивщина» – Блок Петра Порошенко.

Местные выборы показали, что популярность БПП (партия Солидарность) резко упала. Если на парламентских выборах БПП и Народный фронт (НФ) собрали примерно 40%, то в условиях резкого падения рейтинга НФ на местных выборах осенью 2015 г. пропрезидентским силам удалось взять только 20 %. Тем не менее, у самого президента П.Порошенко анти-рейтинг не такой высокий, как у его основных конкурентов. В случае проведения досрочных выборов пока наибольшие шансы имеет президентская партия, однако она все равно не сможет сформировать большинства более значимого, чем то, которое имеет сейчас.

Более того, местные выборы продемонстрировали, с одной стороны, политическую поляризацию, а с другой – высокую степень регионализации. По итогам выборов у власти оказались или укрепили свое влияние те силы и персоны, наиболее влиятельные в своих регионах. Характерным примером является ситуация с И.Палицей на Волыни, Г.Кернесом в Харькове. Кроме того, в ряде регионов, как например, в Одессе, наметился, и будет продолжаться конфликт губернатора и мэра. В то же время, как «Оппозиционный блок», так и партия «Свобода» – представители двух полярных флангов политического спектра – получили довольно много голосов, соответственно на Востоке и на Западе страны.

Таким образом, при сохранении лидерства президентской политической силы, нынешняя электоральная ситуация отличается непредсказуемостью. Новые досрочные выборы, как президентские, так и парламентские, пока маловероятны, но их нельзя исключать в случае обострения социально-политической и экономической ситуации. Хотя понятно, что такой шаг может быть рискованным для власти.

В целом популярность политических партий «майданного» лагеря будет по-прежнему превосходить популярность «Оппозиционного блока», а в случае досрочных выборов власть наверняка прибегнет к созданию партий однодневок, что было опробовано на местных выборах. Эксплуатация темы угрозы со стороны России по-прежнему будет сохранять пропагандистское значение. В целом же в политическом дискурсе будут сохраняться две базовые мотивации – давление общества на власть и зависимость Украины от финансовой помощи Запада. Однако даже наличие всех этих факторов может привести лишь к постепенным изменениям, и ждать быстрой оптимизации политической системы пока не приходится.

Молдова и Приднестровье

Приднестровье долгое время было примером наиболее мягкого формата «заморозки» конфликта на постсоветском пространстве. В нем не было ярко выраженной этнической составляющей, а отделение левого берега Днестра происходило, скорее, по причинам политико-экономическим и идеологическим. Да и само противостояние не было столь ожесточенным, как конфликты на Южном Кавказе или на Юго-Востоке Украины. После его относительного урегулирования сохранились связи между Приднестровьем и Молдовой, и,

несмотря на итоговый провал планов урегулирования «от Козака» и «от Ющенко», действовал формат «5+2».

29 ноября в Приднестровской Молдавской республике состоялись парламентские выборы. Они стали важнейшим событием политического года, подведя черту под определенным периодом развития, который начался с 2011 г., когда на пост президента ПМР был избран Е.Шевчук. Итоги парламентских выборов существенно переформатировали политический ландшафт Приднестровья и могут оказать серьезное влияние на внутри- и внешнеполитические тренды.

В Приднестровье, при всех особенностях развития, высокой монополизации со стороны группы «Шериф», определенной рустикальности политических отношений и принципов ведения внутренней политики, была выстроена плюралистическая модель, в рамках которой, несмотря на отсутствие на первый взгляд серьезного ресурса, и пришел к власти нынешний президент на выборах 2011 г. Однако постепенно внутривнутриполитическая, и, главным образом, экономическая модель Приднестровья, серьезно зависящая от внешней поддержки, подверженная внедрению и развитию «серых схем», что во многом определено самим фактором непризнанности, начала давать сбои. При этом важнейшим фактором выступила внешняя конъюнктура.

В условиях украинского кризиса положение ПМР серьезно изменилось. Приднестровье воспринимается Украиной как пророссийский анклав, который может быть использован Россией. Что касается Молдовы, то в ней есть определенный консенсус по отношению к Приднестровью. В целом политическая элита, несмотря на все противоречия все же консолидирована по вопросу Приднестровья и выступает в целом против какой-либо системной эскалации. Ведь в самой Молдове приходится считаться со значительной частью пророссийского электората.

ПМР сегодня находится в условиях очень серьезного экономического кризиса, который и обусловил во многом поражение властей и лично президента. Падение промышленности за 10 месяцев 2015 г. составило 16% в долларовом выражении, падение демонстрируют 8 из 10 отраслей промышленности, особенно серьезный спад наблюдается в таких отраслях, как черная металлургия и производство стройматериалов. Долги растут, а покрывать дефицит бюджета из так называемого «газового счета» уже не получается. Падение ВВП по итогам 2015 г. составило 19%, что превышает, и заметно, падение ВВП в Украине. Важно и то, что ожидания в экономике довольно негативные. Индекс промышленного оптимизма крайне низок, представители реального сектора ожидают еще больших проблем для своих хозяйств и предприятий и дальнейшего спада. Вплоть до последнего времени существовала угроза, что в январе 2016 года будет прекращено действие торговых преференций ЕС для приднестровских товаров. Отмена этого режима могла привести к ухудшению социально-экономической ситуации в ПМР. Однако в новом 2016 г. льготный режим для экспорта приднестровских товаров будет продлен и пока решение официально декларируемой задачи Приднестровья по возвращению на традиционный рынок России и расширение торговли со странами ЕАЭС не представляются возможными.

Россия, которая оказывает ПМР главную финансовую и техническую помощь, начала по целому ряду важнейших показателей терять свои позиции. Показатели экспорта и импорта свидетельствуют о сокращении ее роли в торговом обороте ПМР. Если в 2011 году на Россию приходилось 23,6% приднестровского экспорта и 46,3% импорта, то за первое полугодие 2015 года торговый баланс в регионе сократился на 24%. Объем экспорта упал на 20%, импорт — на четверть меньше прошлогоднего показателя. Так, Приднестровье экспортирует в Румынию 15% производимых товаров, в то время как в Россию — 8% продукции. Наблюдается и тенденция к уходу крупного российского бизнеса из

Приднестровья. В условиях падения покупательной способности населения, замораживания части зарплат и пенсий, при том что пенсионеры составляют более трети населения, позиции сторонников президента и его партии «Возрождение», естественно, были серьезно подорваны.

Последние месяцы характеризовались острым конфликтом президента ПМР Е.Шевчука с крупнейшим в Приднестровье холдингом частных компаний «Шериф», обеспечивающим поступление 52% всего совокупного бюджета ПМР. Конфликт этот развивался довольно быстро, и президентская сторона вела его напористо, осуществляя как попытки выстроить «новые влиятельные бизнес-проекты», так и напрямую использовать административный ресурс, например в сфере СМИ.

Формально на выборах 29 ноября на избирательные участки пришло 47% населения. Однако следует учесть, что значительная часть населения находится за пределами республики, и реальная явка тех, кто проживает на территории республики, превышает 85%. Выборы отличались жестким противостоянием в информационном пространстве. Несмотря на то, что на протяжении всей избирательной кампании оппозиция систематически обвиняла власть в использовании административного ресурса, на самом деле ситуация далеко не однозначна. Лозунги пропрезидентской политической силы и вся пропагандистская кампания властей не сработали. Результатом выборов стало очень серьезное поражение президентской партии «Возрождение». Голосование на выборах, помимо эффективной кампании оппозиции имело и сугубо протестный характер. Россия не оказала открытой поддержки нынешней исполнительной власти, что вновь дало повод говорить о разных концепциях относительно ПМР в российской политической элите. Для России ПМР является важным, но не первостепенным регионом, особенно учитывая то, что она находится в контексте молдово-приднестровской проблематики, вписанной в контекст украинского кризиса и противостояния России и Запада.

В нынешних условиях, скорее всего, вероятен вариант, при котором стороны попытаются найти компромисс и сохранить до ближайших президентских выборов нынешнюю политическую конфигурацию с новым относительно оппозиционным премьером и со старым президентом, который важнейший тур политической борьбы за парламент проиграл. Его команда продемонстрировала недостаток как стратегического мышления, так и тактического маневра. Политическое будущее Е.Шевчука в контексте президентских выборов 2016 г. теперь стало более чем туманным.

Вместе с тем, бывшей оппозиции, которая может провести на пост премьер-министра своего человека, придется разделить ответственность за сложную экономическую ситуацию и, вероятно, принимать непопулярные решения, что может сказаться и на их электоральных перспективах на президентских выборах в будущем году. Таким образом, вероятен поиск внутривнутриполитического консенсуса под патронатом Москвы, однако обеспечить его на выгодных для себя условиях президенту уже вряд ли возможно.

На сегодняшний день возможно рассмотрение трех вариантов развития событий в Приднестровье и вокруг него.

Интеграционный сценарий предусматривает договоренности между Россией, ПМР, США, ЕС, Украиной и Молдовой. В этом случае открывалась бы возможность инкорпорации Приднестровья в состав единого Молдавского государства при условии его внеблокового статуса, независимости от Румынии, а также сохранения позиций и бизнеса нынешней приднестровской элиты. Реализация такого варианта давала бы возможность Москве оказывать большее влияние на внутривнутриполитическую жизнь Молдовы в целом и увязывать

данные сюжеты в своих взаимоотношениях с Западом на других направлениях на постсоветском пространстве.

Однако данный сценарий содержит и высокие риски, которые минимизируют вероятность его реализации. Молдавская элита не рассматривает возможность трансформации Молдовы в конфедерацию и даже в федерацию с широкими правами для Приднестровья. Хотя о вероятности федерации и говорил лидер социалистов Додон, тем не менее, конкретные ее параметры, предлагаемые Молдовой, вряд ли устроят Тирасполь, для которого «широкая автономия» - это слишком мало. Напряженные отношения между Россией и Западом блокируют их совместные действия, ставя под вопрос гарантии выполнения договоренностей. Наконец, в отличие от «народных республик» Донбасса у ПМР накоплен опыт строительства собственной государственности, отказ от которой болезнен.

Что касается **конфронтационного сценария**, то начало украинского кризиса усугубило изоляцию Приднестровья. Однако до сегодняшнего дня она ограничивалась, как правило, социально-экономическим форматом.

В военном плане ресурсы Молдовы выглядят намного слабее приднестровских сил. Украина же в случае силового сценария против ПМР значительно увеличит свои риски на Донбассе. Для Запада в настоящее время оптимальным форматом является экономическое давление на Приднестровье. Кроме того, в случае реализации конфронтационного сценария, Москва, скорее всего, пересмотрит свой нынешний подход к Приднестровью вплоть до признания и оказания военной помощи.

Более вероятным выглядит постепенный рост конфликтности, который может происходить в формате наращивания интеграционного сотрудничества Кишинева с Западом и попыток формирования привлекательного образа Молдовы, выбравшей Евросоюз, а не Россию. Не исключено, что эти действия будут сопровождаться требованиями окончательного выполнения условий Стамбульского саммита ОБСЕ 1999 года о выводе российских военных из Приднестровья.

Наконец, сценарий **сохранения статус-кво** предусматривает, что ни Россия, ни Запад не будут пытаться резко изменить сложившийся баланс сил. С одной стороны, нет попыток повторения крымского сценария, а с другой – поддержки силовых попыток реинтеграции. Этот сценарий сохранения подвешенного статуса ПМР и ведения долгих и безрезультатных (при горизонте один-два года) переговоров представляется наиболее вероятным.

Реализация этого сценария имеет свою позитивную сторону – сохранение мирного процесса. Однако она становится весьма проблематичной без укрепления российского экономического влияния в Приднестровье и при наличии негативной позиции Украины в отношении ПМР. Кроме того, экономическое положение Приднестровья в случае реализации этого наиболее вероятного сценария объективно определяет постепенный дрейф Приднестровья в сторону ЕС, по крайней мере, в экономической сфере.

Беларусь

Ситуация в Беларуси в 2015г. вызывала значительный интерес экспертов. Президенту Лукашенко удалось удержать политическое лидерство. На выборах он получил в первом туре значительное большинство голосов и вновь был переизбран. Однако это избрание происходило несколько в иных условиях, чем все предыдущие. Лукашенко был поддержан, во многом, потому, что в его лице белорусы видят гаранта государственности страны, которому в сложных условиях противостояния между Россией и Западом удастся поддерживать баланс и не допускать доминирования ни того, ни другого вектора.

В отношении России многовекторная политика проявилась в частности в том, что Беларусь сохраняет курс на первичность ЕАЭС и Союзного государства, но, тем не менее, выступила против размещения российской военной базы на территории республики. Кроме того, Беларусь продемонстрировала нежелание следовать в фарватере политики России в отношении Украины, а также, сохраняя минскую переговорную площадку по Донбассу, стала выстраивать отношения с ЕС, что в частности, выразилось в мягкой поствыборной реакции ЕС и временном снятии санкций с Минска.

Вероятно, многовекторная политика Минска будет продолжена, однако ее эффективность будет в 2016 г. во многом зависеть от внешних факторов – развития украинского кризиса, отношений между Россией и Западом, а также от экономической ситуации в республике. Сегодня около 45–50% внешнеторгового оборота Беларуси приходится на Россию. За последние два десятилетия белорусский экспорт в стоимостном выражении вырос в разы, но степень диверсификации поставок небольшая. Уровень жизни граждан Беларуси падает. В 2015г. Лукашенко впервые выиграл выборы в условиях падения ВВП. Во многом, за счет внешнеполитической риторики и страха общества как перед Майданом, так и перед внешним фактором, он сумел вновь мобилизовать значительную часть общества, но при этом социально-экономическая ситуация в стране продолжает ухудшаться. Также заслуживает серьезного внимания высокий процент проголосовавших против всех, особенно в столице.

Можно согласиться с утверждением о том, что нет четких гарантий, что Запад не будет предпринимать более настойчивых усилий, чтобы подтолкнуть Белоруссию к нейтральному статусу. Однако делать он это будет аккуратно, так как роль Беларуси в контексте отношений Запада и Москвы сегодня существенно возросла. Один из основных вопросов в диалоге Минска с Западом – это условия получения кредита МВФ в объеме до 3 млрд. долл, о котором сегодня ведутся переговоры.

Москва же жестко обозначила красные линии вмешательства Запада на постсоветском пространстве, и будет укреплять свои западные рубежи. В этой ситуации перед Минском стоит определенная дилемма. С одной стороны, на Беларусь оказывает влияние Российская Федерация, которая не хочет потерять своего главного союзника в таких геополитических условиях. С другой стороны, очевидна, более мягкая, по сравнению с предыдущим периодом, позиция ЕС, со всеми ее потенциальными преференциями. Вероятно, попытки продолжить многовекторную политику с сохранением партнерства, как с Украиной, так и в рамках ЕАЭС будут продолжаться. Однако, в случае сохранения напряженных отношений ЕС и США с Москвой, поле для маневра при реализации такой политики будет сужаться.

Нельзя исключать, что в долгосрочной перспективе Беларусь, определенная часть политической элиты которой стремится к сближению с Западом, может также стать конфликтным полем между Западом и Москвой на постсоветском пространстве. Тем не менее, к активным действиям «на западном направлении» ни экономика Беларуси, ни политическая элита, ни сам Запад (принимая во внимание жесткую ответную реакцию Москвы), не готовы. При этом необходимо принимать во внимание и то, что страны Евразийского экономического союза - Казахстан, Кыргызстан и Армения – в целом осторожно подошли к позиции России в вопросе отказа от зоны свободной торговли с Украиной, действующей в рамках СНГ, а экономика самой России, в значительной зависимости от которой находится экономика Беларуси, находится сегодня в серьезном кризисе.

Центральная Азия

Региональный контекст: нарастание рисков и угроз на фоне геополитической конкуренции

В прогнозируемый период страны региона столкнутся с рядом серьезных внешних вызовов, которые осложнят их дальнейшее развитие и будут связаны, в первую очередь, с экономическими проблемами:

- усугубленной санкциями российской рецессией;
- сократившимися в связи с девальвацией рубля денежными переводами на родину находящихся в России трудовых мигрантов из центральноазиатских государств;
- уменьшающимися прямыми иностранными инвестициями;
- падением экспортных цен на нефть, металлы, минералы.

На экономическую ситуацию в регионе будет влиять динамика развития заработавшего с начала 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в составе Армении, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и России. При этом отношение других стран-участниц, а также готовящегося вступить в ЕАЭС Таджикистана к этому продвигаемому Россией интеграционному объединению далеко неоднозначно.

Регион окажется также затронутым и новыми линиями международного разлома, нарастанием общемировой неопределенности и нестабильности, появлением на мировой арене новых несистемных игроков, практикующих экстремизм и насилие.

Дополнительную сложность ситуации придаст конкуренция великих держав (Россия, Китай, США) за влияние на Центральную Азию. Этот тренд станет составной частью возникших между Россией и Западом разногласий по другим международным проблемам – кризис на Украине, усиление напряженности по линии Россия-НАТО, сирийский конфликт.

Запад сохранит вполне толерантное отношение к авторитарным, по меркам устоявшихся представительных демократий, центральноазиатским режимам. Во многом такая ситуация будет определяться тем, что Запад учитывает потенциал (энергетический) региона, такое немаловажное обстоятельство, что национальные лидеры в крупных государствах ЦА – Казахстане и Узбекистане – сумели стать практически единоличными гарантами межнационального согласия, относительной внутривнутриполитической стабильности. Они также вносят существенный вклад в поддержание региональной и международной безопасности.

США будут рассматривать Центральную Азию не только в связи с ситуацией в Афганистане, но и в контексте противопоставления влиянию в регионе Китая, а также России и предпринимаемым ею шагам по расширению ЕАЭС. Для этого планируется активнее привлекать страны ЦА к американскому проекту «Нового Шёлкового пути», который предусматривает взаимодействие со странами региона в сфере энергетики и торговли. Эту задачу попытался реализовать государственный секретарь США Дж. Керри в октябре 2015 г. В ходе его недельной поездки с центральноазиатскими странами была подписана совместная декларация о сотрудничестве, охватывающая широкий круг вопросов, обсужденных с министрами иностранных дел государств региона в формате «Ц5+1». Нельзя исключить, что при определенных обстоятельствах Вашингтон может инициировать дальнейшее закрепление этого формата, в том числе и для того, чтобы попытаться противопоставить его структурам Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Что касается опирающегося на свое растущее финансово-экономическое могущество Китая, то его все более уверенное обозначение Центральной Азии зоной своих стратегических интересов будет идти на фоне роста напряженности с США в АТР и балансирования в рамках «двуумвирата» Россия-Китай – между сближением и сдерживанием друг друга. Все вместе взятое скажется на развитии ЦА и приведет к сужению поля для политического маневра центральноазиатских государств, весьма преуспевших в рамках своей внешнеполитической «многовекторности» в искусстве балансирования между Россией, США, Китаем.

Вызовы со стороны исламского радикализма, способного оказать деструктивное воздействие на общественно-политические процессы в регионе ЦА, будут подпитываться в основном внешним фактором — из афгано-пакистанской и ближневосточной зон геополитического и религиозного напряжения. Внешние вызовы и угрозы, чреватые распространением религиозно-экстремистских идей, усугубляются внутренними социально-экономическими проблемами – перенаселенностью, безработицей, социальным неравенством, коррупцией, десятилетиями не решаемыми в странах региона.

Основная угроза ЦА будет исходить не столько от активно участвующего во внутриафганской борьбе за власть Талибана или же от транснациональных джихадистских объединений («Аль-Каиды», запрещенного в России «Исламского государства», которое к концу 2015 г. приобрело в Афганистане почти 2 тыс. сторонников, и др.), сколько от состоящих по большей части из иностранцев (этнических узбеков, таджиков, уйгуров, чеченцев и др.) исламистских организаций («Исламское движение Узбекистана», «Исламское движение Восточного Туркестана» и др.), базирующихся в Афганистане, но не оставляющих надежду вернуться в родные места с целью замещения там (в том числе насильственным путем и при поддержке внешних спонсоров) светского правления на исламское.

Риски рождает вытеснение этих религиозных радикалов, а также и талибов – вследствие проводимых против них военных операций Пакистана – на север Афганистана. Что делает уязвимыми таджикско-афганскую и туркменско-афганскую границы. Таджикистан, а также Кыргызстан и Казахстан, как члены ОДКБ, могут рассчитывать на военную помощь России, учитывая что в первых двух странах расположены российские военные базы, причем база в Таджикистане – самая большая за пределами России (около 6 тыс. военнослужащих). В целом же от России и ОДКБ потребуются дополнительные усилия на опасном афганском направлении центральноазиатской политики.

Таджикистан и Кыргызстан имеют самые неблагоприятные перспективы в силу того, что являются одними из самых слабых и проблемных стран региона и обладают высоким уровнем конфликтного потенциала. Их экономическое положение хуже, чем в других центральноазиатских государствах: до 50% их ВВП составляют денежные переводы трудовых мигрантов из России, и эти поступления снижаются, ввиду экономического спада в РФ и возрастающей стоимости легализации денежных транзакций. Кыргызстан и Таджикистан рассчитывают компенсировать эти проблемы за счет евразийской интеграции. Однако высокая доля транзитной наркоторговли, приводящая к росту в республиках организованной преступности и коррупции, может встать на пути экономического оздоровления.

В *Таджикистане* в политической сфере нарастают унаследованные с периода гражданской войны противоречия между региональными элитами. Внутренние проблемы усугубляются внешними рисками, особенно со стороны Афганистана. Наиболее опасной следует признать ситуацию в Горном Бадахшане – стратегически важном районе, имеющем выход в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, Пакистан, Афганистан, Ферганскую долину. В этой

части Таджикистана контроль правительственных силовых структур ослаблен, и большую роль играют местные организованные преступные группы, занимающиеся контрабандой, наркобизнесом и поддерживающие тесные связи с боевиками в Афганистане.

С 2015 г. правительство Таджикистана предпринимает планомерные усилия по сужению политического поля исламских организаций, одна из которых – умеренная Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) – была представлена немногочисленными депутатами в парламенте, создав тем самым серьезный прецедент: это был единственный в ЦА случай вхождения религиозной партии в представительный орган. Однако в 2015 году депутаты от ПИВТ не прошли в парламент, а вскоре и все организации, каким-либо образом заподозренные в причастности к течениям «политического ислама», были в республике запрещены. Тем самым Душанбе прервал длящийся с окончания гражданской войны междутаджикский диалог. Что вызвало протест некоторых политических сил: летом 2015 г. власть Таджикистана с трудом подавила мятеж заместителя министра обороны по вооружениям генерала Назарзода, в прошлом – полевого командира, участвовавшего в гражданской войне на стороне Объединенной таджикской оппозиции.

Хотя *Киргизстан* и достиг определенных успехов в развитии демократии (состоявшиеся в республике 4 октября 2015 г. парламентские выборы были признаны наблюдателями из ОБСЕ, ЕС и США «транспарентными и демократическими»), это не станет панацеей для решения проблем в сфере безопасности. Внутриполитические риски будут определяться сохраняющимся региональным дисбалансом – фактическим разрывом страны на северную и южную части, что сопровождается противостоянием элит и слабым контролем центрального правительства над югом республики со «столицей» в Оше. Вероятно также усиление межнационального напряжения – между киргизами и узбеками, между киргизами и населением таджикских анклавов. Не исключено и разыгрывание в политических целях антиправительственными силами карты национализации и пересмотра политики по отношению к иностранным инвесторам. В пользу противников правящего режима сыграет слабость правоохранительных органов, сильное влияние криминала и наркомафии на местах. Из специфических внешних рисков Киргизстана можно назвать: косвенное проецирование конфликта в Афганистане на киргизские реалии, возможность повторения вторжения в республику экстремистских групп (по образцу Баткенских событий 1999 г.); обострение отношений с Узбекистаном; самую высокую в регионе зависимость от внешней помощи со стороны конкурирующих за влияние великих держав

Казахстан проявит относительное постоянство при проведении своей политики на международной арене, позиционируя себя в качестве удобной региональной площадки для переговоров и долгосрочных решений. Несмотря на открытость казахстанской внешней политики, ее перспективы и истинные приоритеты остаются не вполне проясненными, что, возможно, связано с неопределенностью «отложенного» переходного периода. Тем не менее, установившийся в Казахстане внутриполитический баланс между различными элитными группами отличается большей устойчивостью в сравнении с другими центральноазиатскими государствами. Продвигаемые Казахстаном крупномасштабные проекты международного характера, стимулирующие одновременно развитие инфраструктуры и направленные на улучшение имиджа страны, способствуют внутренней устойчивости правящего режима. Об этом говорят итоги состоявшихся 26 апреля 2015 г. досрочных президентских выборов, на которых 97,7% избирателей отдали свои голоса действующему президенту.

Руководство Казахстана постарается и в дальнейшем поддерживать в стране приемлемый уровень стабильности, что будет непросто, учитывая сокращение поступлений в казну в связи с падением цен на нефть. Однако в случае возникновения неопределенности в период передачи власти – если, разумеется, таковой наступит – политическая система может

подвергнуться рискам. Может усилиться социальная напряженность, равно и противоречия между республиканскими и региональными элитами. Не исключен и подъём религиозного экстремизма, крайних проявлений казахского национализма – явлений, усугубляемых экономическим кризисом и ростом безработицы.

Отношения Казахстана с Россией сохранят при нахождении у власти Назарбаева взвешенный, партнерский характер, несмотря на несовпадение позиций по ряду затрагивающих Россию международных проблем (украинско-крымский вопрос, территориальная целостность Грузии, конфронтация с Турцией и применение против нее Россией специальных экономических мер). Однако анализ современного политического процесса в республике, где набирают силу националисты, являющиеся самыми последовательными противниками интеграции с Россией и трактующими «евразийство» как подчинение ей, вызывает сомнения в том, будет ли продолжен потенциальными преемниками Назарбаева пророссийский внешнеполитический курс.

Нельзя исключать и того, что Казахстан, который вместе с Россией играет роль «мотора» в Евразийском экономическом союзе, начнет дистанцироваться от ЕАЭС. Побудить к этому Казахстан могут открывающиеся перед ним альтернативы, в частности, в ВТО, куда Казахстан вступил 30 ноября и где его приоритеты по ряду параметров не совпадают с российскими. Еще раньше Назарбаев заключил соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве с Евросоюзом, а также стал главным инициатором запущенного вместе с турецким президентом Эрдоганом проекта «общего тюркского дома». Казахстан, кроме того, претендует на роль ведущего участника в китайском проекте «Экономический пояс Великого Шёлкового пути» как важное транспортное звено проекта.

В то время как Россия выступает за сопряжение ЕАЭС с «Экономическим поясом Великого Шёлкового пути», а Китай предпочитает двусторонний формат взаимодействия, Казахстан, имеющий вторую по величине экономику в ЕАЭС, пока еще не определил окончательно свою позицию. Однако 28 ноября 2015 г. в Стамбуле Казахстан вместе с Китаем, Турцией, Азербайджаном и Грузией подписал соглашение о создании консорциума по транспортировке грузов из Китая в Европу в обход России. В рамках этого проекта в течение 2016 года запланировано транспортировать через территорию Грузии первые несколько тысяч контейнеров из Китая в направлении Турции и Европы. Стороны также планируют начать в 2016 г. перевозку грузов через Украину в Северную и Восточную Европу. Подобный шаг Казахстана свидетельствует как о его заинтересованности в развитии сотрудничества с Турцией и Китаем, так и о том, что казахстанская бизнес-элита, возможно, ищет пути, чтобы дистанцироваться от Москвы, не вступая с ней при этом в конфликт.

Есть основание предполагать, что на официальную Астану ощутимое давление будут оказывать националистические круги, ратующие за преобразование Казахстана в «государство казахов», следствием чего может стать процесс дерусификации Казахстана, сужение сфер взаимодействия с Россией – с молчаливого одобрения Запада, для которого предпочтительна любая внешнеполитическая парадигма Казахстана, кроме пророссийской. Выгодополучателем такого курса станет как Китай, так и испортившая отношения с Россией Турция, заинтересованная в обретении в ЦА новых партнеров.

Узбекистан, другое крупнейшее государство региона, несмотря на серьезные экономические проблемы, демонстрирует относительную внутривнутриполитическую стабильность. На прошедших 29 марта президентских выборах со вполне предсказуемым результатом победил действующий президент Ислам Каримов, за которого было отдано 90,39% голосов от общего числа избирателей, принявших участие в голосовании.

Поскольку экономика Узбекистана держится на двух основных источниках поступления валютных доходов – на сырье (прежде всего, нефть, газ, золото, хлопок) и валютных переводах граждан страны, находящихся на заработках за рубежом, прежде всего в РФ, – внешние потрясения делают уязвимой экономическую и финансовую (девальвация национальной валюты) системы республики. Имеются и другие «болевы точки»:

- противоречия между региональными кланами в отсутствие безоговорочного лидерства одного из них, которые могут обостриться в случае отхода от власти сильного лидера;
- наличие серьезных проблем, связанных с перенаселенностью, малоземельем, особенно в Ферганской долине, где сильны позиции сторонников исламской альтернативы;
- исламский экстремизм, который, впрочем, власти удастся эффективно сдерживать;
- дефицит водных ресурсов, особенно в Каракалпакии.

Основной упор власти, по-прежнему, будут делать на продвижении идеологии национализма и формировании на его основе новой идентичности. В исходящих от России внешнеполитических и внешнеэкономических инициативах (особенно в привязке к крымским и украинским событиям) правящая элита будет усматривать угрозу суверенитету республики, хотя эти опасения беспочвенны. Внутриполитические процессы в Узбекистане будут подчинены планируемому переходу республики от президентской модели к парламентской форме государственного управления. В её рамках предполагается усиление роли политических партий. Однако в раскладе сил в политической иерархии Узбекистана едва ли произойдут кардинальные изменения, и действующий президент Ислам Каримов постарается обеспечить себе или же своему преемнику сохранение властных позиций.

Поскольку противодействие религиозному экстремизму останется фундаментальной основой политики Узбекистана в сфере национальной безопасности ждать смягчения внутриполитического курса в сторону предоставления оппозиции больших свобод не приходится. Ради поддержания стабильности и предотвращения угрозы гражданской войны, власти республики будут, как и раньше, проводить в отношении инакомыслящих (к числу которых отнесены и чрезмерно ревностные мусульмане) жесткие меры, не считаясь с критикой западных правительств и международных правозащитных организаций.

Отношения с Россией, взаимодействие с которой Узбекистан в рамках своей политики «избирательного нейтралитета» ограничивает в основном только торгово-экономической сферой, не претерпят в обозримой перспективе принципиальных изменений. В то же время Узбекистан сохранит свою значимость ключевого партнёра России в Центральной Азии, а официальная Москва будет поддерживать курс президента Каримова, что для него немаловажно.

Узбекистан не присоединится ни к каким военно-политическим блокам и не допустит размещения на своей территории иностранных военных баз, пребывания военнослужащих за пределами страны.

Туркменистан. Обнародованная осенью 2015 г. новая редакция Конституции, предусматривающая «политическое многообразие и многопартийность», создание в стране необходимых условий «для развития гражданского общества» и пр., будет принята, что не изменит сути политической системы, главной характеристикой которой останется крайний авторитаризм.

Внешнеполитические ориентиры Туркменистана и его статус нейтрального государства останутся неизменными, но это не обезопасит республику от угроз со стороны соседнего

Афганистана, где весь 2015 г. был отмечен беспрецедентной военной активностью на границе с Туркменистаном. Особенно обострилась ситуация весной 2015 г., когда пограничная с Туркменистаном афганская провинция Кундуз перешла под контроль талибов.

Хотя вопросы безопасности афгано-туркменской границы и повышение боеспособности армии Туркменистана возведены в ранг приоритетных, нельзя исключить вероятности проникновения талибов либо каких-то иных вооруженных групп (Исламское движение Узбекистана, например) на территорию Туркменистана. Не защищенными в этом случае оказываются промышленные объекты и газодобывающие комплексы в Марыйском велаяте, Довлетабаде и Галкыныше. Рассматривается также и угроза проникновения диверсионно-террористических групп через территорию Туркменистана в Узбекистан – для совершения там терактов и дестабилизации обстановки.

В этих условиях Туркменистан надеется отвести от себя «афганские напасти» с помощью «газового оружия» – газопровода ТАПИ (Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия), церемония его закладки прошла 13 декабря 2015 года. ТАПИ предполагается заполнять новыми объемами добычи газа (основные его поставки идут в Китай) из месторождения «Галкыныш». Это может резко изменить характер туркменско-китайского газового сотрудничества, привести к сокращению поставок газа в Китай и сориентировать Туркменистан в военном отношении на США. Однако не исключено, что перевесит эти выгоды, а значит и перспективы ТАПИ, реальный учет во многом непредсказуемого развития ситуации в Афганистане. Туркменистан рискует также столкнуться с серьезными вызовами, как со стороны Китая, так и России, которые рассматривают маневры на центральноазиатском поле нерегionalных игроков как один из способов геополитического сдерживания Москвы.

Южный Кавказ: дезинтеграция и внешняя зависимость

Региональный контекст

По ряду объективных показателей – численность населения (в начале десятилетия в Азербайджане насчитывалось 9,5 млн. человек, в Грузии – 4,5, в Армении – 3 млн.), величина территории, экономический потенциал – перспективы государств Южного Кавказа (ЮК) можно оценить как достаточно скромные. Несопоставимы они и с намного превосходящими позициями на мировой арене России, Ирана, Турции, что не мешает новым независимым государствам ЮК использовать свое выгодное географическое положение и природные ресурсы для привлечения новых партнеров, в своих интересах играть на балансе интересов и сил региональных и глобальных игроков.

Степень дезинтеграции на Южном Кавказе, который не представляет собой как регион единого целого, выше, чем в ЦА. Свои социально-экономические и политические проблемы, государства ЮК решают, как правило, вне региона, поскольку внутри его географической зоны существуют жесткие двусторонние противоречия, а между государствами (Арменией и Азербайджаном, Грузией и Россией, а также Арменией и Турцией) отсутствуют дипломатические отношения. Нет между государствами устойчивых трехсторонних экономических связей; различаются и сами векторы их экономического развития. Свою собственную безопасность они стремятся обеспечить не столько через формирование собственных внутрирегиональных институтов или же использование давно функционирующих в СНГ структур, сколько посредством установления связей с крупными игроками вовне.

Все государства ЮК вовлечены в этнополитические конфликты (карабахский, грузино-абхазский, грузино-осетинский), перспективы разрешения которых не просматриваются, а

любое изменение сложившегося статус-кво чревато либо новыми столкновениями, либо переводом конфликтов из «замороженной» стадии в состояние вооруженного противостояния.

Поскольку страны ЮК включены в глобальные процессы, возможно возникновение таких рисков безопасности, как терроризм, неконтролируемое распространение оружия, религиозный радикализм. Азербайджан, часть мусульманского населения которого исторически придерживается шиитской ветви ислама, больше других открыт для идеолого-пропагандистской атаки иранских проповедников. Они могут воспринять снятие с Ирана международных санкций как сигнал к более активной прозелитской деятельности, в том числе и на Кавказе. Нельзя исключить и деструктивного воздействия на Азербайджан течений радикального исламизма. Не столь актуальна проблема индоктринации радикальных исламистских идей для Армении и Грузии, где преобладают верующие христиане, а число мусульман не столь значительно, как в Азербайджане или ЦА.

Энергетическая безопасность останется общей серьезной проблемой ЮК ввиду того, что здесь есть месторождения нефти и газа (в Азербайджане), а по территории Грузии проходят маршруты их транспортировки. Падение цен на нефть и экономические трудности затронут весь регион, но Абхазии и Южной Осетии Россия поможет продержаться на плаву и преодолеть негативные последствия перепадов мировой конъюнктуры.

Выстраивать сложную систему балансов с внешними игроками южнокавказские государства предпочтут на основе двухсторонних отношений. Все государства, включая и участницу ОДКБ Армению, будут развивать стратегическое сотрудничество с НАТО, предоставляя поддержку операциям под руководством Альянса и пользуясь его содействием для проведения реформ в сфере безопасности и обороны. Хотя каждая из стран ЮК (Грузия, подписавшая соглашение об ассоциации и создании зоны свободной торговли с ЕС, вошедшая в ЕАЭС Армения, уклоняющийся от подписания соглашений Азербайджан) выбрала собственный путь сотрудничества с Европейским союзом, они вместе с Белоруссией, Украиной и Молдавией останутся участниками программы Евросоюза «Восточное партнерство».

Обострение российско-турецких отношений может иметь негативные последствия для развития межгосударственных отношений стран региона, где пересекаются интересы Москвы и Анкары. Политический климат может существенно ухудшиться, если Турция в ответ на направленные против нее российские экономические ограничения вздумает дестабилизировать вместе с Азербайджаном конфликтную зону Нагорного Карабаха, что пока представляется маловероятным, поскольку не отвечает интересам ни Азербайджана, ни Армении. С последней Турция отложит нормализацию отношений. Иран, являющийся единственным «окном» во внешний мир для находящейся во враждебном окружении Армении, сможет воспользоваться этим для продвижения транспортных и энергетических проектов.

С точки зрения устойчивости политических систем, возможности противостоять внутренним и внешним вызовам и рискам, эффективности проводимой внешней политики перспективы каждого из трех государств различаются.

Азербайджану предстоит побороть последствия обрушившегося на его экономику двойного удара – падение цен на нефть и сокращение переводов от трудовых мигрантов из России. Республике хватит ресурсов для поддержания текущего статус-кво, хотя не исключено, что государство будет прибегать к жестким мерам для подавления протестных настроений – реальных или мнимых.

Политическая система Азербайджана сохранит присущие ей родовые черты – отсутствие политической конкуренции и предельная централизация власти, помноженные на внешние (витринные) атрибуты демократического государства. Свидетельство тому – результаты состоявшихся 1 ноября выборов в парламент, по итогам которых в Милли Меджлисе вновь будет доминировать партия «Ени Азербайджан» («Новый Азербайджан») президента Ильхама Алиева.

В сфере внешней политики Азербайджан сохранит прежний уровень взаимодействия с Россией по широкому кругу вопросов, включая военное сотрудничество, трансграничную кооперацию по борьбе с терроризмом (страны делят общую границу по дагестанскому участку), определение статуса Каспийского моря, где интересы России и Азербайджана совпадают.

Балансирование Азербайджана между Россией и Западом будет сочетаться с настороженным отношением официального Баку к политике Запада, усилившего за последний год критику азербайджанских властей за преследование инакомыслящих и представителей гражданского общества, особенно журналистов, за ограничение основных прав и свобод. Так, в Баку чрезвычайно резко отреагировали на принятую в сентябре Евросоюзом жесткую резолюцию о ситуации с правами человека в Азербайджане, после чего президент Алиев высказал сомнение в необходимости интеграции своей страны в европейские структуры.

С Ираном Азербайджан в серьезное противостояние едва ли вступит, но обе страны так и не станут добрыми соседями из-за отравляющих их отношения спорных проблем. Это и взаимные подозрения в подрывной деятельности; и притязания иранской стороны на нефтегазовые месторождения, находящиеся в азербайджанском «секторе» Каспия; и ирано-армянское сотрудничество по широкому спектру проблем, включая энергетические. Стратегическое партнерство Азербайджана с Турцией (на основе принципа «две страны – один народ») выдержит испытания временем. Сохранит Азербайджан и прежний уровень взаимовыгодных отношений с Израилем.

Армения имеет более высокий по сравнению с Азербайджаном конфликтный потенциал, который в 2015 г. выплеснулся двумя волнами массовых акций протеста — в июле и сентябре. Обе они были связаны с заявленным властями повышением тарифов на электроэнергию. Раскол в стране вызвала и получившая одобрение на прошедшем 6 декабря референдуме по внесению изменений в Конституцию РА Конституционная реформа, имеющая целью привести Армению от президентской формы правления к парламентской. Подобная трансформация политической системы чревата рисками для страны, находящейся в условиях обостряющегося конфликта в Карабахе и недружественного турецкого соседства. В итоге это может привести к потере управляемости, ослаблению центра принятия решений, что чревато еще большими политическими потрясениями, усугубляемыми огромной зависимостью Армении от ключевых внешних игроков, прежде всего России.

Армения продолжит практически полностью полагаться в сфере обороны и безопасности на Россию. Евразийская интеграция Армении, соответствующая российским интересам, внутри республики воспринимается неоднозначно. Однако подавляющее большинство политической элиты Армении, независимо от ее отношения к действующему президенту РА, поддерживает интеграцию страны в ЕАЭС и сохранение тесного союза с Россией. В некоторых партиях, неправительственных организациях и средствах массовой информации имеются противники этого курса, но сильные политические лидеры, способные консолидировать такую оппозицию, отсутствуют.

Экономическая и политическая стратегия *Грузии* обусловлена огромной зависимостью от иностранной помощи. Однако страна все глубже погружается в системный кризис, что уже

привело к резкому падению рейтинга правящей коалиции «Грузинская мечта» и увеличению шансов партии бывшего президента Грузии М. Саакашвили выиграть парламентские выборы, которые намечены на 2016 год.

Сама внутривнутриполитическая динамика в Грузии по-прежнему будет зависеть от американской политики в отношении этой страны, и, соответственно, состояния американо-российских отношений. Рационально мыслящие грузинские политики предпочитают избегать конфликтов в отношениях с Москвой. Тем не менее, Грузия продолжит интегрироваться в евроатлантические структуры, и поддержка Тбилиси в этом вопросе будет по-прежнему исходить из Вашингтона. Для США в их отношении к Грузии и другим достаточно нестабильным в политическом плане постсоветским государствам (Украине и Молдавии) значение будет иметь четко анонсированный руководством этих стран курс на вступление в НАТО. В отличие от прошлых лет, когда возможность их членства в НАТО была осложнена наличием проблем, связанных с территориальной целостностью, процесс принятия в НАТО таких проблемных стран сейчас значительно облегчен.

По итогам очередного заседания американо-грузинской Комиссии по стратегическому партнёрству 2 ноября Вашингтон подтвердил нацеленность на членство своего грузинского партнёра в НАТО. 8-9 июля 2016 г. саммит НАТО пройдёт в Варшаве, и Грузия надеется, что вопрос ее вступления в Альянс окончательно решится. В пользу этого говорит участие Грузии в Силах быстрого реагирования НАТО, а также и то, что Грузия вошла вместе с Украиной, Финляндией и Швецией в число стран-партнёров НАТО.

Вступление Грузии в НАТО, если оно произойдет, приведёт к изменениям в межгосударственных конфигурациях на Южном Кавказе, повысит риск блокового противостояния (ОДКБ – НАТО). Вкупе с другими факторами это может потребовать, например, от Азербайджана пересмотра им своего нынешнего внеблокового статуса.

Россия в условиях конфронтации с Западом, кризиса в отношениях с Турцией, войны с терроризмом и радикальным исламом, должна быть уверена в своих союзниках, для чего ей предстоит конкретизировать свои отношения с партнерами по ОДКБ и ЕАЭС, как на Южном Кавказе, так и в Центральной Азии.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Развитие ситуации на Ближнем Востоке отличается высоким уровнем неопределенности для России. Непосредственно включившись в конфликт в Сирии на стороне правящего режима и по его приглашению, Россия оказалась в сложном положении.

Ранее Ближний Восток при всей его несомненной значимости все же не занимал первых мест на шкале российских внешнеполитических интересов. Отстраненность от местных проблем давала возможность РФ поддерживать достаточно сбалансированные отношения с большим числом стран и негосударственных игроков, которые порой находились в состоянии достаточно острого конфликта друг с другом. Например, Хизбалла и Израиль, Иран и Саудовская Аравия, правительство Асада и арабские режимы Персидского залива. Позиция "над схваткой" на Ближнем Востоке определялась в последнее время также приоритетной проблемой Украины и Крыма, что требовало от российского руководства мобилизации политических и экономических ресурсов, а также противостоянием политике санкций со стороны США и ЕС.

В таком "украинизированном" контексте решение о начале военной операции в Сирии было воспринято как достаточно неожиданное, хотя внимание России к развитию событий на сирийском направлении после начала гражданской войны в Сирии в 2011 году не ослабевало. РФ пыталась внести свой вклад в политическое урегулирование этой проблемы на международном уровне (жневские договоренности) и за счет собственных инициатив. В частности, в Москве неоднократно организовывались встречи с сирийской оппозицией. Дипломатические усилия не обеспечили прорыва, а по мере все большей интернационализации конфликта и повышения его интенсивности усиливались не только дестабилизирующее воздействие сирийских событий на Ближний Восток, но и перелив насилия за его пределы.

На развалинах сирийской государственности укрепились джихадистские группировки (ИГ, Джебхат ан-Нусра и др.), причем ИГ стало центром притяжения боевиков из разных государств, включая Россию и Центральную Азию. За 2013-2015 гг. ИГ стала новой инкарнацией международного терроризма, ранее, прежде всего, связывавшегося с Аль-Каидой. Выдвинув проект создания халифата, ИГ захватила обширные территории в Ираке и в Сирии (здесь вместе с оппозицией она контролирует до 80% территории), обеспечила на них управление и порядок (в исламистском понимании), сконцентрировала в своих руках огромные финансовые ресурсы и обеспечила себе возможности для дальнейшей экспансии. Террористический вызов ИГ – главная причина российского военного участия в сирийских событиях. Однако, были и более широкие интересы и соображения, которые могут объяснить этот шаг.

Общие цели РФ на Ближнем Востоке мало артикулировались политиками, и в данном случае речь может идти лишь о попытке их реконструкции, исходя из известных российских интересов. Одним из важнейших побудительных мотивов могло стать стремление изменить негативный для РФ баланс международных сил, сложившийся в результате кризиса на Украине. Однако, хотя украинский вопрос действительно мог быть заслонен в повестке дня другими более масштабными событиями, тем не менее, он остался одним из важнейших раздражителей в отношениях РФ с Западом и *кардинально* изменить это положение за счет эффективных и эффективных действий на сирийском направлении не удалось.

Параллельно для РФ было важно еще раз акцентировать внимание на недопустимости свержения законных правительств при внешнем вмешательстве - прямом вторжении (Ирак, Ливия) или при активной помощи, предоставленной внутренней оппозиции (Сирия).

Такое вмешательство рассматривается в России не как ближневосточный феномен, но как универсальное средство воздействия на неугодные режимы, примером чего считается и майдан на Украине. Абсолютизация внешнего вмешательства может привести к искушению рассматривать любой социальный протест через призму действий и интересов внешних игроков. Тем не менее, Ближний Восток дает реальные примеры вызовов, порожденных внешним вмешательством, нацеленным на свержение местной власти. Такая активность имела результатом крах государственности, выстроенной в виде жесткой вертикали, где единственными действующими институтами оставались президент, часть бюрократии, а также армия и спецслужбы, лояльность которых довольно быстро исчезала.

Сирийская государственность в таком контексте оставалась, возможно, одним из последних порождений *светского арабского национализма*. Альтернативой становится не приход к власти светской оппозиции или хорошо известных и уже добивавшихся легитимности представителей политического ислама (например, Братья-мусульмане в Египте до переворота Ас-Сиси), а ИГ, которое взятием Дамаска обозначило бы современные границы принятого за образец средневекового халифата.

Для России Сирия могла бы стать площадкой выстраивания нового международного порядка, в котором покушение извне на легитимную власть было бы практически исключено. Сирия также была призвана продемонстрировать, что новая геополитическая реальность может выстраиваться не обязательно США, а другими менее мощными, но не менее влиятельными державами, к тому же, незаменимыми в борьбе с таким общим злом как международный терроризм.

Спасение Асада, хотя бы на время переходного периода и проведения всеобщих выборов, становилось в таком контексте не самоцелью, а инструментом реализации целей преодоления разногласий РФ с Западом. Судя по всему, *расчет делался на наличие общего врага*, а то, что ИГ - общий враг, формально признавали и региональные, и глобальные игроки. Это позволило бы, несмотря на различные подходы, создать *общую коалицию для борьбы с несомненным злом*. Вместе с тем, являясь реальной угрозой, ИГ и проповедуемая ею идеология все же цивилизационно ограничена и не имеет глобальных масштабов.

Сравнение современной ситуации со Второй мировой войной вряд ли уместно и потому, что изменились средства противодействия. Речь идет не о столкновении регулярных армий, хотя вооруженные силы могут быть задействованы, а о тесной координации силовых ведомств, создании препятствий для финансирования джихадистов, прекращении потоков контрабанды, сдерживании их информационной активности и притока новых боевиков в их ряды. Международная координация по этим проблемам особенно сложна при наличии разных интересов и подходов, она требует высокого уровня взаимного доверия и даже готовности поступиться корпоративной лояльностью, если союзник явно нарушает правила игры. Но для российско-американских и для российско-европейских отношений такое доверие не было характерно и в более спокойные времена.

Если конкретные цели российской политики - создание широкой коалиции для борьбы с международным терроризмом - постоянно присутствовали и в заявлениях российского президента, и в более широком дискурсе, то менее освещенными оставались военно-политические цели. Среди них нельзя исключить характерное для военных стремление обкатать современное оружие и вооруженные силы в боевой ситуации, добиться военного закрепления РФ на побережье Средиземноморья - создание базы ВВС в Латакии и

модернизация базы ВМФ в Тартусе. Возможность их строительства и дальнейшего существования предполагает либо сохранение Асада, либо установление другого, но дружественного России режима. Перспектива такого режима пока выглядит призрачно: оппозиция фрагментирована, а в ряды "умеренных" поддерживающие их внешние силы готовы занести и вооруженных исламистов, что не встречает поддержки в РФ.

Тот факт, что режим Асада действительно зависит от российской помощи, может иметь неоднозначное воздействие на российские подходы. С одной стороны, это создает для РФ возможность оказать воздействие на Асада, известного своим упрямством и нежеланием идти на малейшие компромиссы. С другой стороны, в отсутствии реальной альтернативы и желания Запада (за исключением Франции после терактов в Париже) создавать широкую коалицию, оказывать давление на Асада у Москвы нет оснований. Тем более, пока не запущен мирный процесс, который потребовал бы от всех заинтересованных сторон отхода от предварительных запросных позиций.

Российская военная кампания в Сирии дала как примеры координации и взаимодействия, так и осложнения отношений с теми государствами и организациями, с которыми ранее РФ поддерживала тесные и даже дружественные контакты. Среди них Египет - поскольку меры РФ после теракта в самолете фактически обрушили туристическую отрасль страны в самый популярный сезон. Резкое обострение отношений с Турцией, демонстративно сбившей российский СУ-24 в ноябре 2015 года, привело к серьезному ограничению тесных торгово-экономических связей. Многие суннитские государства стали проявлять недовольство не только поддержкой, которую Россия оказала режиму Асада, но и тем, что союзниками РФ в Сирии стали шиитские Иран и Хизбалла. Поразительно, но даже в странах Центральной Азии часть населения негативно воспринимает формирование "шиитской оси" - при всей условности этого понятия. Вероятность осложнения отношений с целой группой ближневосточных стран будет напрямую зависеть не только от того, какое направление примет развитие событий в Сирии в ближайшей перспективе и какие меры придется принимать РФ, но и от абсолютно не просчитываемых факторов - от неожиданных нападений, террористических вылазок и потерь в результате плохой координации.

В данном прогнозе основное внимание сфокусировано на сирийском кризисе и его возможных последствиях для России. Ниже приводятся возможные варианты развития событий в Сирии в 2016 году.

1. Россия в течение года при опоре на прежних союзников продолжает вести военные действия, которые превращаются в вялотекущую и требующую все больших затрат кампанию. В этом случае можно прогнозировать обострение отношений РФ с региональными акторами. Режим Асада будет требовать большей помощи и ангажированности. Иран, несущий военные потери, может продолжить вывод своих военных формирований, при этом сохраняя политические претензии на влияние в Сирии. Турция и арабские государства интенсифицируют поддержку "своих" военизированных группировок, оппозиционных режиму Асада, целью которых могут стать и представители российских вооруженных сил. Израиль будет все более активно использовать ситуацию. Опасаясь военного укрепления Хизбаллы, он будет наносить по ней все более интенсивные удары, оповещая о них российские войска, но при этом, не заботясь о российских интересах и союзниках на сирийском фронте. На Голанских высотах он будет действовать особенно жестко, чтобы предотвратить открытие второго фронта Хизбаллой и поддерживающим ее Ираном.

США и европейцы, а также их региональные союзники продолжают сохранять коалицию, но не будут оказывать РФ прямой поддержки, рассчитывая на то, что она выдохнется в Сирии и станет более уступчивой по другим вопросам.

2. Несмотря на российскую военную помощь и поддержку, режим Асада будет слабеть. Его армия начнет выдыхаться в результате тяжелых боев, а союзники - иранцы, Хизбалла и курды - будут нести большие потери и постепенно терять веру в успех. Россия встанет перед нелегким выбором: ввести собственный контингент войск и продолжить наземную операцию или ограничиться уже отвоеванной небольшой территорией, на которой может сохраниться нынешний режим, равно как российские базы.

С учетом все более осложняющейся внутренней социально-экономической ситуации в РФ, а также отсутствия энтузиазма населения в отношении Сирии, переход к наземной операции не выглядит реалистичным. Тем более, что даже в координации с сирийцами и иранцами неизвестно какую часть сирийской территории удастся освободить от экстремистов, среди которых не только ИГ, но и союзники Запада. "Малая Сирия" даст РФ ощущение определенного успеха и в меньшей степени столкнет ее с региональными и глобальными державами, чьи позиции в отношении будущего Асада расходятся с российскими.

Вместе с тем конфликт останется неразрешенным. На территориях, не контролируемых режимом, укрепятся и радикализируются как джихадистские, так и другие оппозиционные группировки. Их давление на границы "малой Сирии" может оказаться существенным. Плюсом такого варианта для РФ может быть сохранение лица (война формально не проиграна). Минусом - фактически бессрочные обязательства по поддержке режима Асада, а также сохранение основных вызовов и угроз.

3. Под влиянием террористических атак в зоне ЕС усиливается заинтересованность в совместных действиях европейских стран и РФ. Может быть поставлен вопрос о восстановлении некоторых замороженных в результате санкций форматов взаимодействия. Такое сближение при сохранении общего комплекса разногласий не будет, судя по всему, иметь стратегической перспективы (некоторые западные специалисты с озабоченностью рассматривают появление российской базы ВВС в нескольких десятках километров от южной границы НАТО), а будет конъюнктурным и непосредственно связанным с конкретной террористической угрозой. Главный вопрос о перекрытии финансовых потоков и отказе всех сторон от покупки по демпингу нефти, добываемой ИГ, может быть решен только при условии широкого международного консенсуса и при координации международных усилий.

В случае нападения террористов на российских граждан (за пределами РФ или на ее территории), Россия, не имеющая достаточной поддержки своих западных партнеров, может начать в одностороннем порядке проводить массированные рейды возмездия. В таком контексте не исключено принятие решения о вводе ограниченного контингента сухопутных российских войск (спецназа) в Сирию, поскольку действия ВВС в борьбе с террористами не эффективны без широкой наземной операции. Внутри страны, травмированной новым терактом, сопротивление вводу войск будет минимальным. Перспективой может стать *афганский вариант "лайт"*, поскольку целями российской армии станет подавляющее большинство вооруженных группировок в Сирии. Что вызовет резкое недовольство и сопротивление их региональных спонсоров (и не только), а положение РФ на Ближнем Востоке и за его пределами еще больше осложнится.

4. В случае даже частичного преодоления разногласий нельзя исключить начала политического процесса. Сдержанный оптимизм внушает принятая в декабре 2015 года резолюция СБ ООН. Впервые Совбез смог преодолеть глубокий раскол по

сирийскому вопросу и выступить единогласно за политическое урегулирование. Главные положения – сохранение единого государства, начало переговоров между правительством и оппозицией, принятие новой конституции и проведение выборов в середине 2017 г. (конкретные сроки могут быть передвинуты). Резолюция может способствовать координации действий РФ и США в борьбе с ИГ.

Тем не менее, остаются разногласия в плане согласования списка террористических организаций, различия в подходах РФ и США к будущему президента Асада, хотя и здесь наметились некоторые компромиссы. Очевидно, что переход к перемирию и переговорам не будет легким - вовлеченные стороны намерены обеспечить себе наиболее выгодные позиции для торга. Оппозиция не доверяет Москве, что в принципе может быть использовано режимом Асада для получения от России больших гарантий. Дамаск может попытаться побудить РФ занять более жесткую позицию на переговорах.

Немаловажной проблемой может стать и все возрастающая активность региональных держав, каждая из которых имеет собственную повестку дня, часто не совпадающую с интересами глобальных сил.

Способность влиять на ближневосточную ситуацию зависит от степени координации международных усилий, взаимодействия с региональными государствами, готовности сторон не акцентировать на нынешнем этапе имеющиеся разногласия. И хотя вероятность вариантов дальнейшей эскалации высока, ситуация все же не безнадежна.

ТИХООКЕАНСКАЯ АЗИЯ

В 2016 г. естественное продолжение и дальнейшее развитие получают основные процессы в сфере политики и международных отношений, уже обозначившие себя в этом регионе. В немалой степени этому будут способствовать сила инерции и конфигурация интересов основных региональных акторов в нынешних и ожидаемых условиях.

В сфере **военно-политических отношений и международной безопасности** Соединенные Штаты продолжают уделять большое внимание защите своих интересов в этом регионе, используя для этого как созданную ими систему оборонных альянсов, так и односторонние действия, направленные, в частности, против попыток КНР самостоятельно определять международный режим использования морского и воздушного пространства в определенных акваториях Южно-Китайского моря. Новым элементом американской стратегии будет стремление более интенсивно координировать политику в сфере безопасности своих союзников – Японии и Южной Кореи, чтобы в большей степени привлекать их к поддержке действий США в регионе и побудить активнее налаживать горизонтальные связи между собой.

Эти элементы стратегии США в регионе, а также проявляемая руководством КНР уверенность в своей способности скорректировать в свою пользу уже сложившиеся здесь ограничения, будут порождать серьезные трения в отношениях Китая с Соединенными Штатами и, в меньшей степени, с их союзниками, но не приведут к открытому вооруженному конфликту.

Одновременно в этом регионе будут сохраняться и другие узлы напряженности, на которых в последние годы концентрировалось внимание основных региональных держав. К ним относятся, в частности, территориальный спор между КНР и Японией в Восточно-Китайском море; периодические обострения напряженности в отношениях между двумя корейскими государствами; стремление КНДР утвердить свой статус страны, обладающей ядерным оружием; линия японского правительства на отказ от самоограничений в области оборонной политики и военного строительства; политические и дипломатические споры, связанные с различными оценками в странах региона определенных исторических событий и др. Исходящие от этих узлов противоречий угрозы стабильности в регионе в обозримом будущем останутся актуальными.

В то же время в последние годы возникла и сохраняется уверенность в том, что конфликтные ситуации в Тихоокеанской Азии не выйдут из-под контроля и не приобретут слишком острых форм. В регионе укрепляется осознание взаимозависимости основных субъектов международных отношений и общей заинтересованности в сохранении стабильности как условия для экономического и социального развития. Большинство перечисленных конфликтов в 2015 году не были отмечены эскалацией и в той или иной степени были «подморожены» взаимной сдержанностью и продолжением диалога. Несмотря на то, что для них пока не были выработаны долгосрочные решения, условия для поиска последних очевидно улучшились. Кроме того, они не стали препятствием для определенного прогресса в продвижении в этом регионе интеграционных процессов. Обсуждение региональных интеграционных проектов в 2015 году шло весьма интенсивно и принесло практические результаты.

В 2016 году сочетание традиционного соперничества региональных держав и поиска ими путей взаимной аккомодации по-прежнему будет главной характеристикой международных отношений в Тихоокеанской Азии. На фоне действия факторов, снижающих ожидания

будущего экономического роста в этом регионе, основные игроки в возрастающей степени нуждаются в позитивных политических сигналах. Соединенные Штаты будут стремиться избежать нагнетания страстей в отношениях с КНР, чтобы не усугублять опасения глобальных инвесторов в связи с замедлением роста китайской экономики. Руководство КНР, в свою очередь, желает сохранить, а при возможности и улучшить, условия доступа китайских товаров и инвесторов на рынки США и их союзников в регионе. Япония нуждается в позитивном развитии политических отношений с Китаем, чтобы не подрывать обещанное нынешним правительством оживление и подъем японской экономики в ближайшие годы. Наконец, и Япония, и США крайне заинтересованы в том, чтобы более активная военная роль Японии в рамках альянса двух стран не встретила острого противодействия со стороны ее восточноазиатских соседей, традиционно воспринимающих «в штыки» любую военную активность своего бывшего противника.

В пользу снижения интенсивности конфликтов будет действовать и то обстоятельство, что *правительства всех стран региона стали с большей осторожностью использовать националистические настроения в своей внутренней политике*. В регионе все больше осознают, что рост национализма, будучи эффективным инструментом мобилизации общественного мнения в поддержку действующей власти, несет с собой крупные долгосрочные риски для внутривнутриполитической и международной стабильности и должен удерживаться в жестких рамках.

В результате общая атмосфера в отношениях между основными субъектами в регионе будет способствовать развитию двусторонних диалогов и повышению роли многосторонних контактов. В частности, получают дальнейшее развитие американо-китайский «стратегический диалог», военно-политические консультации Японии с США и Австралией, трехсторонние контакты, в том числе на высшем уровне, в формате СВА-3 (Япония–Китай–Южная Корея), Совещание министров обороны стран АСЕАН в расширенном формате и др.

В области международных экономических отношений продолжится наполнение содержанием двух крупнейших региональных проектов создания экономических интеграционных группировок – Транстихоокеанского партнерства (*Trans-Pacific Partnership*) и Регионального всестороннего экономического партнерства (*Regional Comprehensive Economic Partnership*).

В странах, участвовавших в согласовании текста соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТПП) и приложений к нему, в связи с ратификацией соответствующих правовых документов в 2016 году ожидается активизация полемики в органах законодательной власти, политических и деловых кругах, а также в профсоюзных организациях и СМИ. В эпицентре дискуссий могут оказаться вопросы, затрагивающие возможности и сроки открытия тех или иных сегментов внутренних рынков. Однако наиболее острое обсуждение, вероятнее всего, развернется по темам, связанным с размыванием монополии национальных регуляторов и передачей части суверенитета внешним субъектам. Особенно остро эти вопросы будут стоять в восточноазиатских странах с развивающимися рынками. В частности, Вьетнам, являющийся одним из инициаторов создания ТПП, должен будет определить свою позицию по таким принципиальным вопросам, как регулирование деятельности государственных корпораций; пересмотр национального законодательства с учетом норм международного права; пересмотр социальных стандартов, что подразумевает, например, появление независимых профсоюзов, и др.

Можно допустить, что в этих условиях часть стран откажется от ратификации соглашения о ТПП или, по крайней мере, отложит его на более поздние сроки. Однако наиболее вероятен вариант использования режима переходного периода в рамках соглашения, прежде всего

странами с развивающейся экономикой, для постепенной адаптации к содержащимся в нем требованиям.

Процесс формирования ТТП оказывает влияние на деятельность других региональных международных экономических организаций. *В будущем возможна реализация различных вариантов такого влияния – как в сторону комплементарности по отношению к ТТП, так и в направлении усиления конкуренции с их стороны.*

В этом контексте принципиальное значение будет иметь результат ожидаемых *переговоров о заключении Американо-китайского инвестиционного соглашения*. Сложность обсуждаемых вопросов дает основание предположить, что переговоры выйдут за рамки 2016 г. При условии же конструктивного характера двустороннего диалога, речь может пойти о формировании, по сути, основы для присоединения КНР к ТТП в долгосрочной перспективе.

Одновременно процесс ратификации ТТП приведет к активизации в 2016 г. усилий для развития других интеграционных форматов, в первую очередь АСЕАН и Регионального всестороннего экономического партнерства (РВЭП), объединяющего АСЕАН со странами, с которыми у него имеются двусторонние соглашения о либерализации взаимной торговли – такими, как Китай, Индия и Австралия. Для АСЕАН 2016 г. должен стать первым годом функционирования организации в новом статусе Экономического сообщества АСЕАН (ЭСА), подразумевающего дальнейшую либерализацию торговли и согласование внешнеэкономической политики внутри сообщества.

В 2016 году также должны показать свою дееспособность такие субрегиональные образования, как Восточноазиатская зона развития (*East Asian Growth Area*) с участием Брунея, Индонезии, Малайзии и Филиппин; Восточноазиатский треугольник роста (*East Asian Growth Triangle*), включающий Индонезию, Малайзию и Таиланд; Инфраструктурный фонд АСЕАН (*ASEAN Infrastructure Fund*). Вместе с тем их деятельность будет носить локальный характер и концентрироваться на решении инфраструктурных и ряда других конкретных проблем.

После нескольких лет охлаждения и стагнации в 2016 г. должны оживиться и *трехсторонние консультации Китая, Японии и Республики Корея*, о чем стороны договорились осенью 2015 г. Едва ли следует ожидать прорывных решений, касающихся кооперации трех стран, однако, их взаимная экономическая заинтересованность будет стимулировать создание правовых и организационных условий для углубления взаимодействия государственных и частных корпоративных структур.

Универсальным форматом, в котором в 2016 г. продолжится обсуждение практических вопросов, связанных с развитием регионального сотрудничества, является АТЭС. Согласно решению, принятому на саммите 2014 г. в Пекине и подтвержденному на Манильском саммите в 2015 г., переговоры в рамках АТЭС должны завершиться разработкой конкретного пакета предложения о формировании к 2020 г. на добровольной основе *Азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) (Free Trade Area of the Asia-Pacific)*.

Одновременно в 2016 г. продолжатся переговоры в рамках инициированного в 2014 г. Стратегического плана АТЭС по развитию и взаимодействию международных цепочек добавленной стоимости. В этом процессе заметная роль принадлежит американо-китайским консультациям, в том числе по таким вопросам, как методы и механизмы статистической оценки функционирования упомянутых цепочек, роль государственно-частного партнерства.

Вместе с тем основные акценты китайской внешнеэкономической стратегии, по-видимому, будут связаны с внешнеполитическими приоритетами этой страны, в частности с реализацией активно пропагандируемой китайским руководством концепции «Экономического пояса Шелкового пути». Для КНР участие в совместных форматах в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона, очевидно, будет менее приоритетной задачей по сравнению с развитием многосторонних институтов, в которых Китай претендует на ключевую роль. К последним, в частности, относятся Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути, Новый банк развития БРИКС и ряд других, менее масштабных новых институтов.

Политическая ситуация в основных странах региона также будет развиваться в русле тенденций, обозначившихся в предыдущие годы.

Для *Китая* 2016 год будет отмечен внутренней стабильностью, во всяком случае, в ее внешних проявлениях. Резкое обострение социально-политических противоречий в ближайшее время представляется маловероятным.

Вместе с тем приобретающая все большие масштабы антикоррупционная кампания неизбежно приведет к усилению политического противостояния Си Цзиньпина и влиятельной части китайской партийной, военной и административной элиты, проигрывающей от проводимых им реформ. В 2016 г. к ней присоединится и часть интеллектуального сообщества, недовольная непрозрачностью судебных процессов над коррупционерами, а также чрезмерным сосредоточением внимания властей на репрессиях против представителей административного аппарата в ущерб усилиям по развитию экономики. Обострению противостояния будет способствовать, во-первых, замедление роста китайской экономики, ее переход к «новой норме» и, во-вторых, максимальная за последние годы нестабильность на китайском фондовом и валютном рынках.

Вместе с тем масштабы борьбы с коррупцией в высших кругах китайской власти, по-видимому, не будут уменьшены, несмотря на усиливающееся недовольство внутри партийно-административного аппарата. Сворачивание усилий в этом направлении привело бы к критическому ухудшению имиджа Коммунистической партии Китая и лично Си Цзиньпина среди населения, чего руководство страны всячески стремится избежать. Вероятная финансовая и экономическая турбулентность может оказать негативное влияние на политические позиции высшего руководства, в частности, через скрытое сопротивление или саботаж его действий на местах, но к серьезным последствиям она не приведет. Более того, стремясь заручиться поддержкой населения, китайские руководители будут искать дополнительные аргументы для продолжения жесткой антикоррупционной линии.

Одним из направлений такого поиска будет акцент на наращивание военной мощи Китая. В среднесрочной и долгосрочной перспективе предполагается осуществить модернизацию военно-морских и военно-воздушных сил в западной части Тихого океана. Зона их активности будет постепенно расширена до огромного пространства от Окинавы, Тайваня и Филиппин до Гуама и Новой Гвинеи.

Дополнительный эффект призвана принести стартовавшая в 2015 г. кампания пропаганды роли Китая во Второй мировой войне. Торжественное празднование в сентябре 2015 г. семидесятилетия победы китайских сил сопротивления во главе с КПК в войне против Японии было задумано как наглядное представление тезиса о равном историческом значении «двух войн» (СССР и стран антигитлеровской коалиции против фашизма в Европе, Китая против Японии в Азии). Что вносит существенные коррективы в устоявшиеся, в том числе и в России, представления о содержании Второй мировой войны.

Кроме того, в 2016 г. Пекин продолжит наращивать военно-политическую активность в районе спорных территорий в Южно-Китайском море. Это будет происходить на фоне последствий ряда важных шагов, сделанных в 2015 году, а именно: 1) объявления о неправомерности Филиппин обращаться в международный суд по спорным территориям; 2) оказания давления на Японию, в том числе с помощью международной кампании пропаганды исторических документов, которые с точки зрения КНР подтверждают историческую принадлежность спорных островов Китаю; 3) расширения насыпных работ в спорной зоне, демонстрации планов создания новых военно-морских баз на курортном острове Хайнань.

В своей внешнеполитической стратегии Китай продолжит акцентировать свою новую роль «самостоятельного игрока», проводящего многовекторную политику параллельного развития отношений со всеми мировыми лидерами (США, Россия, ЕС, Япония).

Китай не будет открыто противодействовать существующей системе глобального управления или предпринимать активных попыток по ее коренному изменению. Вместе с тем он продолжит активную работу по определению своей собственной «зоны ответственности», подкрепляя претензии на нее усилением своей роли лидера развивающихся стран, недовольных существующей системой.

Американское направление внешней политики Пекина в 2016 году сохранит приоритетное положение, что в определенной мере продемонстрировал государственный визит Си Цзиньпина в США в сентябре 2015 года. Существующие между Китаем и США разногласия по политическим, экологическим, военным вопросам и проблемам безопасности (кибершпионаж, навигация в Южно-китайском море, права интеллектуальной собственности и т.д.) стороны охарактеризовали как «темы для поиска решения через переговорные механизмы».

В контактах с США Пекин пытается извлечь пользу и из темы отношений с Россией, обходя вопросы антироссийских санкций и конфликта на Украине и пытаясь использовать к своей выгоде стремление Вашингтона не допустить чрезмерного российско-китайского военно-политического сближения. Пекин настойчиво подчеркивает, что для него неприемлема идея каких бы то ни было военно-политических союзов.

Частью внешнеполитической стратегии Китая будет активное продвижение концепций «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI в.» (*«один пояс, один путь»*) с переходом к реализации конкретных проектов. Упор будет сделан, во-первых, на продолжении популяризации китайского проекта за пределами Китая, а во-вторых, на формировании перечня конкретных проектов и оценке их экономической эффективности.

Параллельно будет продолжена работа по разработке интеллектуального сопровождения зарубежной экономической и политической экспансии Китая путем создания и развития, в частности на базе отдельных департаментов КПК и правительства, академий общественных наук, партийных школ, ВУЗов и научных учреждений, сети национальных «мозговых центров», призванных оказывать влияние на интеллектуальное сообщество на глобальном уровне.

России следует ожидать от Китая большей жесткости в отстаивании своих интересов по большинству направлений двустороннего сотрудничества, в том числе на фоне разворачивания в КНР антикоррупционной кампании и новых подвижек в китайско-американских отношениях.

В торгово-экономических отношениях вероятно возникновение трений, в связи с переходом к стадии активной реализации проектов в странах Центральной Азии в рамках стратегии «Экономического пояса Шелкового пути». Новым нюансом может стать сверхосторожность китайских партнеров, их стремление, с одной стороны, приглушить антиамериканскую составляющую российско-китайского сотрудничества, а с другой – избежать каких-либо поводов для обвинений в коррупции при выстраивании деловых отношений с российскими предприятиями и организациями.

В **Японии** в 2016 г. ведущее место во внутривластной повестке будут занимать вопросы экономической стратегии и развития. Если в 2015 г. кабинет министров во главе с Синдзо Абэ своей первоочередной задачей видел проведение в парламенте нового законодательства, расширяющего возможности Японии в оборонной сфере, то в следующем году одним из главных вопросов станет ратификация соглашения о ТТП.

Участие Японии в переговорах по созданию ТТП, предполагающего значительную либерализацию торговых пошлин, а также синхронизацию норм и стандартов производства и дистрибуции товаров и услуг, сопровождалось серьезными внутривластными дебатами. Основной силой, выступавшей за вступление в ТТП, был экономический блок правительства во главе с министром А. Амари, ответственным в кабинете за меры по восстановлению экономического роста. Поддержку правительству в этом вопросе оказывала Федерация экономических организаций Японии Кэйданрэн, объединяющая крупнейшие японские ТНК. Против вступления в ТТП выступали представители сельскохозяйственного сектора страны. Сильное аграрное лобби, в том числе в правящей коалиции Либерально-демократической партии и партии Комэйто, долгое время оказывало сдерживающее влияние на либерализацию японского сельского хозяйства. Однако меры по его реформированию, принятые правительством Синдзо Абэ в 2014-15 гг., включая сокращение полномочий Центрального союза сельскохозяйственных кооперативов (JA-Zenchu), свидетельствовали о победе групп, настроенных на либерализацию, в том числе на согласованное снижение импортных пошлин на сельхозпродукцию, без которого согласование текста соглашения о ТТП было бы невозможным.

Правительство Японии планирует ратифицировать соглашение о ТТП в парламенте до лета 2016 г., когда состоятся выборы половины депутатов верхней палаты японского парламента. В настоящее время депутатам правящей коалиции принадлежит 58 из 121 места, выносимого на выборы. Крупнейшая оппозиционная Демократическая партия имеет 42 мандата. Если правящая коалиция потеряет более 13 мест на предстоящих выборах, оппозиция может получить большинство в верхней палате. В этом случае многие инициативы и законопроекты правящей коалиции будут блокироваться оппозиционным большинством в верхней палате.

Вместе с тем прочные позиции Либерально-демократической партии и премьер-министра Синдзо Абэ и низкие рейтинги нынешней оппозиции делают такой сценарий маловероятным. При этом в преддверии будущих выборов можно ожидать появления на японской политической арене новых парламентских партий и коалиций, членами которых станут политики, покидающие существующие основные партии. Такие «новички» потенциально могут оттянуть часть голосов избирателей у крупных партий и заметно повлиять на итоговое распределение мест.

Во внешней политике японский кабинет министров, скорее всего, сохранит курс на «проактивную дипломатию», направленную на усиление международной деятельности страны. Япония будет демонстрировать готовность участвовать в работе различных международных организаций и форумов, выступив в 2016 г. в роли хозяйки ежегодного саммита «большой семерки».

Приоритетным вектором японской внешней политики останется американский. На 2016 год намечено создание постоянно действующего механизма взаимодействия, обмена информацией и оперативной координации действий двух стран. Также ожидается разработка совместных мер противодействия кибер-угрозам на основе договоренностей в рамках двусторонней рабочей группы по кибер-безопасности¹. В области противоракетной обороны ожидается принятие Японией на вооружение двух систем ПРО морского базирования – кораблей класса «Иджис» (Aegis) производства США.

Вследствие изменений оборонного законодательства, одобренных парламентом в 2015 г., Япония получила возможность оказывать содействие вооруженным силам США за пределами Японских островов, в том числе для выполнения задач, непосредственно не связанных с защитой страны от внешней агрессии. Тем не менее, непосредственное участие японских военных в зарубежных операциях, возглавляемых США, в том числе антитеррористической направленности, в ближайшие годы маловероятно.

На 2016 год запланировано начало строительства нового американского военного объекта на острове Окинава. По плану японского правительства и американского военного командования, база на мысе Хэноко в г. Наго, должна принять личный состав и военную технику с расположенной в густонаселенном районе авиабазы Футэмма в г. Гинован, за закрытие которой выступают местные жители. Однако власти префектуры Окинава и города Наго заняли позицию сопротивления планам правительства по строительству новой американской военной базы, что станет серьезным фактором, осложняющим японо-американские отношения.

Будут продолжены усилия по расширению взаимодействия, в том числе в области безопасности, со странами, «разделяющими общие ценности», к которым японское правительство относит Австралию, Республику Корея, некоторые страны АСЕАН.

В отношениях с Китаем и Республикой Корея наметилась тенденция к возобновлению и повышению уровня контактов после резкого ухудшения отношений из-за усилившихся с конца 2012 г. разногласий по территориальным и историческим вопросам. В ноябре 2015 г. состоялся трехсторонний саммит, который зафиксировал результаты диалога на рабочем уровне, продолжавшегося даже в период охлаждения взаимных отношений, и подтвердил формальную приверженность сотрудничеству в области борьбы с последствиями изменений климата и ликвидации последствий стихийных бедствий².

Усложнение и усиление непредсказуемости глобальной и региональной обстановки, обострение проблем безопасности будут стимулировать усилия трех стран для сохранения обменов, недопущения чрезмерной конфронтации и поиска возможностей взаимодействия. В отношениях между Японией и Республикой Корея важную роль также будет играть фактор США, которые заинтересованы в сохранении стабильных контактов между своими союзниками в Северо-Восточной Азии, в том числе в форме обмена разведанными, проведения совместных учений и др. Однако ожидать сближения сторонами трактовок их общего исторического прошлого в ближайшее время невозможно. Эти различия, имеющие сильный эмоциональный подтекст, продолжают оказывать негативное влияние на двусторонние отношения.

¹ Joint Statement of the U.S.-Japan Cyber Defense Policy Working Group. May 30, 2015. [Электронный ресурс] URL: http://www.mod.go.jp/j/press/news/2015/05/30a_1.pdf. (дата обращения 23.11.2015).

² Joint Declaration for Peace and Cooperation in Northeast Asia. November 1, 2015. [Электронный ресурс] URL: http://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page1e_000058.html/ (дата обращения 23.11.2015).

В отношениях Японии с Китаем сохранятся факторы, способствующие как отдалению, так и сближению двух стран. С одной стороны, территориальный спор вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао в Восточно-Китайском море и нерешенные проблемы трактовки истории усугубляют недоверие между политическими элитами двух стран. Развитие военного потенциала в Японии и Китае усиливает проблему различного взаимного восприятия: обе страны воспринимают противоположную сторону как потенциально агрессивную, считая собственные цели исключительно оборонительными. Развитию двусторонних контактов в спокойном русле также мешает усиление националистических настроений в обеих странах.

С другой стороны, экономическая взаимозависимость Японии и Китая продолжает измеряться сотнями миллиардов долларов ежегодных объемов взаимной торговли и инвестиций. Объективная стратегическая значимость сторон друг для друга актуализирует потребности двустороннего сотрудничества для решения проблем экономического развития. Поэтому можно предположить, что неизбежные кризисы, периодически появляющиеся в двусторонних отношениях, не будут выходить из-под контроля правительств двух стран.

В российско-японских отношениях в 2016 году можно ожидать постепенного ослабления негативного влияния последствий украинского кризиса. Результатом этого может стать некоторое расширение межгосударственных контактов, в том числе высокого уровня, приостановленных в 2014-2015 гг. Тем не менее, ожидается, что Япония продолжит придерживаться консолидированной со странами Запада позиции в отношении продления антироссийских санкций. В целом, на развитие российско-японских связей определяющее воздействие по-прежнему будет оказывать характер взаимоотношений России и Запада. Негативная конъюнктура на российском потребительском рынке будет оказывать сдерживающее влияние на планы японских корпораций по расширению их присутствия в России. Вместе с тем будут продолжены усилия по привлечению японского капитала на основе государственного финансирования и/или гарантий.

Ситуация в *Южной Корее* (Республике Корея, РК) в 2016 г. будет определяться главным образом экономической динамикой. Ключевую роль здесь будут играть два фактора: степень реализации рассчитанной на период 2014-2017 гг. программы инновационного роста и результаты активизации внешнеэкономической политики. В целях наращивания своего инвестиционного потенциала РК будет стремиться к увеличению к 2017 г. совокупных расходов на НИОКР до уровня 5% ВВП. Кроме того, стремление обеспечить повышение уровня развития человеческого капитала должно найти свое выражение в расширении кредитования жилищного строительства, повышении качественных характеристик сферы образования и здравоохранения.

Во внешней сфере отчетливее станет попытка Республики Корея поддерживать ассиметричный (в пользу США) баланс между стратегическим союзом с США и проведением заявленного президентом Пак Кын Хе «евразийского курса». На практике это найдет свое выражение в поэтапном сближении с Транстихоокеанским партнерством, с одной стороны, и с развитием трехстороннего политического, экономического и гуманитарного сотрудничества с Китаем и Японией, а также отношений с Москвой – с другой. Последние будут рассматриваться Сеулом также и как способ избежать чрезмерной зависимости своей политики в отношении КНДР и в Северо-Восточной Азии от Пекина.

Качественных изменений в российско-южнокорейских торговых и инвестиционных обменах не произойдет. Сохранение низких цен на углеводороды и минеральное сырье, экономическая рецессия в России, а также ограничения на финансовые операции в России южнокорейских банков (зависящих в своей деятельности от отношений с США) будут сдерживать российско-южнокорейские экономические связи. Выражая солидарность с общей политикой Запада, южнокорейское правительство, однако, будет стремиться по

возможности ограничивать символическими размерами свое участие в коллективных мерах в отношении России и избегать ужесточения введенных ограничений.

Важнейшим политическим событием в *Северной Корее* (Корейской Народной Демократической Республике) в 2016 г. должно стать проведение впервые за более чем 30 лет съезда Трудовой партии Кореи (ТПК). Съезд призван подтвердить властные полномочия представителя третьего поколения семьи Кимов – Ким Чен Ына. Это означает, что повестка дня съезда будет замыкаться на вопрос легитимизации нынешнего национального лидера. В отношении политического статуса и перспектив прочих руководителей сохраняется высокая степень неопределенности, подпитываемая внутренней социально-экономической нестабильностью и неустойчивым характером отношений с внешним миром.

В связи с этим остается неясным, в какой мере съезд коснется других вопросов, прежде всего перспектив социально-экономического развития страны. Неизвестно, будет ли нарушена сложившаяся практика принятия решений по экономическим вопросам в «закрытом» режиме. Тем не менее, можно ожидать, что на съезде не будет объявлено о каких-либо кардинальных изменениях сложившегося курса, способных спровоцировать непредсказуемые последствия и тем самым омрачить торжественное закрепление за Ким Чен Ыном властных полномочий. Попытки внести коррективы в экономический курс, если таковые будут предприняты, станут достоянием гласности лишь в конце 2016 г. или начале 2017 г.

Экономическое положение КНДР в 2016 г. будет оставаться сложным, в частности в связи с падением цен на уголь и минеральное сырье, составляющие (вместе с морскими продуктами) основу экспорта страны. В этих условиях поступления валюты и возможности импорта будут ограничены, что негативно отразится на насыщении товарного рынка и стабильности работы северокорейских предприятий. И без того невысокие доходы населения в 2016 г. неизбежно снизятся. Кроме того, следует ожидать обострения борьбы кланов (военных, силовиков, чиновничества в центре и на местах) за доступ к финансовым источникам и ликвидным ресурсам, что предопределяет продолжение внутриэлитной борьбы и кадровую нестабильность руководящего состава.

Во внешней политике ограниченность экономических и дипломатических возможностей руководства предопределяет использование ядерного и ракетного потенциала в качестве главного инструмента воздействия на внешних контрагентов. Обсуждение гипотетического отказа от ядерного оружия будет возможным лишь в качестве инструмента для получения финансовых и материальных ресурсов в награду за проявленную «сдержанность» и гарантий (прежде всего от США) сохранения у власти в Северной Корее существующего руководства.

В условиях приверженности Пхеньяна идее укрепления своего ракетно-ядерного потенциала, а также неопределенности перспектив социально-экономической политики, отношения КНДР с ключевыми региональными державами, вовлеченными в проблему корейского урегулирования (Китай, США, Россия и Япония) не претерпят существенных изменений. Обстановка также не будет благоприятствовать возобновлению «шестисторонних переговоров» по ядерной проблеме КНДР.

Межкорейские отношения под влиянием внутривнутриполитических процессов в КНДР сохраняют нестабильный характер. Республика Корея не пойдет на какое-либо экономическое содействие КНДР, пока Пхеньян не проявит готовности к конструктивным ответным шагам, включая содействие контактам членов разделенных семей и меры по деэскалации военного противостояния.

Внутриполитическое и экономическое развитие *ключевых стран АСЕАН* в 2016 г. будет характеризоваться относительной стабильностью. Активная фаза электорального цикла ожидается на Филиппинах, однако кардинальные перемены нынешнего внутриполитического курса этой страны в результате выборов маловероятны, равно как и рецидивы массовых беспорядков и политических скандалов в Таиланде и Малайзии. Новыми нюансами будут усиление элементов авторитарного правления во всех странах ЮВА, как ответ на эскалацию угрозы исламского экстремизма, вызванного террористическими актами ИГИЛ в Европе, и более активное реформирование институтов развития и регулирования для повышения конкурентоспособности ключевых экономических секторов. Последнее будет характерно в первую очередь для стран ЮВА, являющихся участниками соглашения о Транстихоокеанском партнерстве.

В сфере многостороннего экономического сотрудничества Ассоциация сконцентрируется на решении двух задач: адаптации своих участников к формированию нового институционального образования в виде Сообщества АСЕАН и наполнении содержанием проекта Регионального всестороннего экономического партнерства. На обоих направлениях ключевым вызовом будут оставаться слабость наднациональных механизмов сотрудничества и разрывы между странами ЮВА в уровне экономического развития, прежде всего инфраструктуры.

Ожидаемое продвижение проектов ТТП и «Шелкового пути» сделает международную среду в регионе более конкурентной, что будет стимулировать эволюцию принципов сотрудничества в рамках АСЕАН в направлении усиления обязывающего компонента. Однако председательство в организации в 2016 г. Лаоса – одной из стран, наименее готовых к решению такой задачи, – может отрицательно повлиять на активность Ассоциации в отношении формирования повестки международного взаимодействия в регионе.

Прогресс в реализации проекта «Один пояс, один путь», увязываемого с формированием китаецентричной системы безопасности в Тихоокеанской Азии, объективно подрывает эффективность деятельности соответствующих «асеаноцентричных» диалоговых структур – Регионального форума АСЕАН (АРФ), Совещания министров обороны (СМО) АСЕАН+8 и Восточноазиатского саммита (ВАС). Одновременно, проходящие в политическом и экспертном сообществе США, Австралии, Японии и Индии дебаты относительно формирования Индо-Тихоокеанского региона могут опосредованно втянуть АСЕАН в конфронтацию между Китаем, с одной стороны, и США и их союзниками и партнерами – с другой. В этих условиях Ассоциация, вероятно, попытается снизить остроту конфликтов в Южно-Китайском море путем подписания с Китаем Кодекса поведения сторон, положения которого будут, в основном, повторять содержание совместной Декларации 2002 года.

В 2016 году можно также ожидать обострения противоречий между Лаосом (при поддержке КНР), с одной стороны, Вьетнамом и Камбоджей – с другой, по вопросам освоения потенциала реки Меконг. Однако АСЕАН едва ли сможет содействовать урегулированию проблемы, требующей от Ассоциации единства своих участников. Следует ожидать и обострения нетрадиционных угроз безопасности ЮВА, прежде всего международного терроризма. Если международное сообщество не объединит усилия в борьбе с ИГИЛ, на Ближний Восток будет направляться все больше людей из стран ЮВА. Возвращаясь обратно, те из них, кто нацелен на формирование «всемирного халифата», будут – с учетом де-юре существующего Сообщества АСЕАН – иметь право свободного въезда в страны АСЕАН, вовлекая их граждан в противоправную деятельность. Однако эффективность многостороннего сотрудничества в рамках АСЕАН по снижению остроты этой проблемы будет подрываться принципом невмешательства во внутренние дела суверенных государств.

В своих отношениях с КНР АСЕАН будет стремиться привязать китайский проект «Один пояс, один путь» к собственным планам наращивания взаимосвязей, рассчитывая на финансовое, логистическое и технологическое содействие КНР развитию портовой инфраструктуры ЮВА. Вместе с тем Ассоциация будет испытывать нарастающие опасения, что развитие китайских проектов лишит АСЕАН возможности апеллировать к поддержке других региональных игроков в диалоге с Китаем при урегулировании противоречий в Южно-Китайском море.

В диалоге с США АСЕАН будет координировать собственные перспективные планы с двумя ключевыми направлениями американской политики в ЮВА – формированием Транстихоокеанского партнерства, в которое Соединенные Штаты хотели бы вовлечь все страны ЮВА, и укреплением их связей с отдельными государствами Ассоциации, в частности поддержкой альянсов с Филиппинами и Таиландом, «всеобъемлющих партнерств» с Индонезией, Малайзией и Вьетнамом, а также с Мьянмой. Ассоциация не заинтересована в активизации сотрудничества между США и рядом своих участников, прежде всего с Вьетнамом, из-за опасения очередных всплесков напряженности в Южно-Китайском море. В то же время Ассоциация приветствовала бы поддержку США в противодействии террористическим угрозам в регионе, например в форме помощи Глобальному движению умеренных.

В отношениях с Японией АСЕАН будет исходить из своей оценки «морского» компонента политики Токио в ЮВА. Последний заключается, с одной стороны, в активизации японо-американского взаимодействия в Южно-Китайском море, вплоть до подключения японских судов к сбору информации военного характера совместно с силами американских ВМС. С другой стороны, Япония активизирует строительство морской инфраструктуры в странах ЮВА, увязывая эти шаги с планами наращивания морской взаимосвязанности в рамках АСЕАН. В таких условиях вероятно заключение новых меморандумов о взаимопонимании по различным вопросам «морского» сотрудничества между Японией и отдельными странами ЮВА.

Контакты АСЕАН с Индией будут сосредоточены, главным образом, на развитии сотрудничества на основе заключенного соглашения о ЗСТ. Одновременно стороны усилят взаимодействие при строительстве транспортного коридора между Индией, Мьянмой и Таиландом. Одновременно Индия будет стремиться усилить свое экономическое и военное присутствие в Южно-Китайском море, адаптируя конкретные шаги под результаты переговоров между АСЕАН и КНР о выработке Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море.

В отношениях с Южной Кореей АСЕАН будет стремиться адаптировать повестку своих многосторонних проектов к корейской «евразийской инициативе» с акцентом на наращивание взаимосвязей. Одновременно в контексте усилий по формированию в ЮВА зоны, свободной от ядерного оружия, будет расти интерес Ассоциации к вопросу о денуклеаризации КНДР.

Для развития сотрудничества АСЕАН с Россией большое значение будет иметь ожидаемый в 2016 г. саммит в Сочи. Повестка саммита будет сконцентрирована на возможностях сопряжения перспективных планов Ассоциации с политикой России в Тихоокеанской Азии. Основными сферами экономического взаимодействия будут транспорт, энергетика, продовольственная безопасность, а механизмами – подключение российского бизнеса к развитию Единой энергосистемы и газопровода стран АСЕАН, а также их общей сети автомобильных дорог. Можно ожидать рост интереса бизнеса стран ЮВА к проектам, осуществляемым на «территориях опережающего развития» на российском Дальнем Востоке.